

**ТРАДИЦИОННЫЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ
И ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФУНДАМЕНТ
ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ**

**TRADITIONAL NATIONAL-CULTURAL AND SPIRITUAL
VALUES INNOVATIVE DEVELOPMENT BASIS OF RUSSIA**

Научный журнал
Scientific journal

№2 (8) декабрь 2015 г.

Адрес редакции:

455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина,
38
Тел.: (3519) 29-85-62.
E-mail: palatova_daria@mail.ru

Editorial Office Address:

38, Lenin Prospect, Magnitogorsk, 455000,
Russia
Phone number: (3519) 29-85-62
E-mail: palatova_daria@mail.ru

Научный журнал № 2(8) декабрь 2015 г.
ISSN 2309-768X

Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России

Журнал включен в базы данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Главный редактор

В.Б. Волкова – доктор филологических наук, профессор Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

Редакционный совет

Е.М. Абайдельдинов – д.ю.н., профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (ЕНУ им. Л.Н. Гумилева) (Казахстан)

С.Н. Боольшаков – д.э.н., д.полит.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Россия)

З.А. Жаде – д.полит.н., профессор Адыгейского государственного университета (Россия)

Р. Земан – заведующий кафедрой экономики и менеджмента Технико-экономического института в г. Чешские Будейовице (Чехия)

В.М. Капицын – д.полит.н., профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Россия)

М.М. Ковалева – д.филол.н., профессор Уральского государственного федерального университета (Россия)

Б.Н. Лозовский – д.филол.н., профессор Уральского государственного федерального университета (Россия)

А.А. Свирина – д.э.н., профессор университета управления «ТИСБИ» (Россия)

Т.А. Яшкова – д.полит.н., профессор Российского государственного гуманитарного университета (Россия)

Н.Р. Балынская – д. полит. н., профессор Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

Е.Н. Курбан – к.искусствоведения, доцент Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

Т.Р. Мещерякова – к.ю.н., доцент Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

Технический редактор

Д.А. Палатова – ассистент Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

Дизайн обложки – Величко О.В.

Scientific journal № 2(8) december 2015
ISSN 2309-768X

Traditional national-cultural and spiritual values innovative development basis of Russia

The Journal is included in the data-base of the Russian Science Citation Index (RSCI)

Editor in Chief

V.B. Volkova – professor of Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

The Editorial Board

E.M. Abaydeldinov – D.Sc. (Law), professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University. (L.N. Gumilyov ENU) (Kazakhstan)

S.N. Bolshakov – D.Sc. (Economics), D.Sc. (Political), professor St. Petersburg State University (Russia)

Z.A. Jade – D.Sc. (Political), professor, Adyghe state University (Russia)

R. Zeman – Head of the Department of Economics and Management, School of Economics and Technology, Ceske Budejovice (Czech Republic)

V.M. Kapitsyn – D.Sc. (Political), professor, Lomonosov Moscow State University (Russia)

M.M. Kovaleva – D.Sc. (Philology), professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeitsin (Russia)

B.N. Lozovskiy – D.Sc. (Philology), professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeitsin (Russia)

A.A. Svirina – D.Sc. (Economics), professor, University of Management «TISBI» (Russia)

T.A. Yashkova – D.Sc. (Political), professor, Russian State University for the Humanities (Russia)

N.R. Balynskaya – D.Sc. (Political), professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

E.N. Kurban – of Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

T.R. Mesheryakova – of Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

Technical Editor

D.A. Palatova – assistant Professor of Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

Cover design – Velichko O.V.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ 4	СОЦИОЛОГИЯ 55
Соколов М.В. Особенности сложения орнаментальных мотивов в великоустюжском черневом деле.....4	Томаров А.В., Подольская И.А. Некоторые аспекты социальной адаптации молодежи из сельской местности к городскому образу жизни (на примере ФГБОУ ВПО «МГТУ»).....55
Курбан Е.Н., Малеко Е.В. Немецкая тема в полифонизме архитектурной стилистики Магнитогорска 30-50-х годов XX века.....6	Сапожникова С.М. Специфика профессионально-социального партнерства в формировании кадровой политики региона.....57
Ю.Г. Еманова, О.П. Журавлева, М.К. Яо Доиндустриальная эпоха: дизайн или не дизайн.....9	ФИЛОЛОГИЯ 60
Хворостов А.С. Художник Крамской: «Купите меня».....14	Постникова Е.Г. Личность как ценность в творчестве Ф.М. Достоевского.....60
Ибраев М.У. Теоретико-методологические основания и исторические условия формирования политической теории классического евразийства.....17	Подгорская А.В., Палатова Д.А. Русофобия в современном мире как цивилизационное явление.....63
ИСТОРИЯ 24	ФИЛОСОФИЯ 65
Кривуть В.И. Культурно-просветительская работа проправительственных молодежных организаций на территории западной Беларуси в межвоенный период.....24	Жилина В.А. Диалектика предметности и энергичности бытия человека как критерий эффективности традиционных политических моделей.....65
Алексеева Л.В. К вопросу об изучении истории города Нижневартовска (методологический аспект)....26	Чернова Э.Г. Традиции учительства и новации в образовании.....67
Салдугеев Д.В. К вопросу о дезертирстве в армиях Белого движения в годы Гражданской войны в России.....32	Акулова И.С. Возрастание эсхатологических настроений в современной российской культуре.....69
Филатов В.В. Восприятие сельскими жителями уральского региона социалистических преобразований в деревне в 1930-е годы.....35	Баширова Т.А. Техника как субстанциональное основание социальных отношений (на примере феномена «Мегамашины» Мамфорда).....70
Стародубова О.Ю. Художественная литература как средство пропаганды военного прошлого в годы Великой Отечественной войны (методология проблемы)....37	Касымовская П.П. Понятие «вины» в русской философии.....72
КУЛЬТУРОЛОГИЯ 39	ЮРИСПРУДЕНЦИЯ 75
Волкова В.Б., Палатова Д.А. Гендерные исследования в культурологии: основные направления и перспективы.....39	Мещерякова Т.Р. Использование оценочных категорий при расторжении трудового договора по инициативе работодателя.....75
Амельченко С.Н. Музеи как хранители памяти и ресурсы развития в культурном ландшафте Магнитогорска.....44	Рубанова Н.А. Актуальные вопросы административно-правового регулирования в сфере культуры и образования.....78
Мельник М.А. Роль восточных традиций в формировании ольфакторных предпочтений россиян (на примере сакрализации запахов в православном христианстве).....47	Кива-Хамзина Ю.Л. Гражданско-правовая защита прав в сфере культуры и образования.....80
Меньщикова Д.С. Основные проблемы организации зрителя в работе провинциального театра.....50	Карпова Е.В. Демократические принципы местного самоуправления в России и в странах Европейского союза.....83
Гукова В.Б. Современное развитие PR-технологий в провинциальном театре.....52	СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 86

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 7.03

ОСОБЕННОСТИ СЛОЖЕНИЯ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ МОТИВОВ В ВЕЛИКОУСТЮЖСКОМ ЧЕРНЕВОМ ДЕЛЕ

Соколов М.В.

В статье рассматривается история промысла и особенности орнамента изделий с устюжской чернью.

Ключевые слова: чернение по серебру, гравирование, русский орнамент, техника наложения черни, сюжеты черневых изделий.

The article deals with the history and features of the ornament products with ustuzhskoj niello.

keywords: silver niello, engraving, Russian ornament, blending equipment niello, niello stories of products.

В истории отечественного декоративно-прикладного искусства великоустюжское чернение по серебру занимает одно из ведущих мест среди таких прославивших себя на весь мир ремесел, как красносельская филигрань, ростовская финифть, кубачинская гравировка.

Искусство чернения по серебру известно издавна. Наиболее ранние из сохранившихся черневых изделий относятся к середине XVIII века, а уже во второй его половине мастерство великоустюжских умельцев достигло расцвета и совершенства. В 1761–1776 годах на фабрике братьев Поповых производили не только серебряные черневые изделия, но и финифтяные, украшенные серебряными рельефными накладками. Изделия богато отделывали позолотой, чеканкой, гравировкой, украшали орнаментом, отображающим мотивы народных сказок. Славились в России изделия устюжских серебряников, занимавшихся черневой гравировкой. Великоустюжские мастера черневого дела в XVIII веке были признаны лучшими в стране. Их искусство оказало влияние на развитие серебряных черневых промыслов в Вятке и Тобольске, Томске и Якутске, Вологде и Москве.

Великоустюжские мастера чернения по серебру украшали изделия забавными изображениями человеческих фигурок, облаченных в модные и нарядные костюмы, сценами с множеством персонажей, аллегориями, пользовавшиеся популярностью у современников. Сценки, изображаемые на серебряных изделиях, были

близки и популярным в то время немецким гравюрам и имели много сходного с лубочными картинками. Устюжские граверы-серебряники умели простые и несложные по смыслу изображения сделать наполненными смыслом. Сцены охоты, выездов, застолий на произведениях великоустюжских черневых дел мастеров выглядят событиями, достойными создания легенды.

В XVIII веке имена великоустюжских граверов под чернь – Михаила Климшина, Алексея Мошнина, Ивана и Михаила Жилиных, Ивана Пестовского, Ивана Островского и других – были достаточно широко известны. Со второй половины XVIII столетия мастера стали часто украшать свои изделия изображениями панорамы родного города, памятниками его архитектуры. Во второй половине столетия особой популярностью стали пользоваться офорты с планами и видами городов и архитектурных строений. Это было время развития городов и принятия европейской моды на украшение дома гравюрами. Изделия продавались на ярмарках, в местных и столичных ювелирных лавках: кубки, солонки, коробочки, табакерки из серебра. В отличие от европейских рисунков мастера Великого Устюга изображали свой северный город. Эта была своего рода гордость за родные места.

Расцвет искусства великоустюжских мастеров черневого дела пришелся на конец XVIII и начало XIX столетий. К сожалению, в XIX веке в связи с изменением трассы дорог, связывавших Петербург и Москву с Уралом и Сибирью, город

на Сухоне остался в стороне от торговых путей. К середине XIX столетия сохранились только два мастера гравировки под чернь. В начале XX века уже только один мастер владел секретами искусства наведения черни на серебро. Это был Михаил Павлович Чирков.

Он и стал основателем организованной в 1933 году артели «Северная Чернь». Михаил Павлович копировал рисунки старинных черневых изделий, изучал законы их композиционного построения. Чирков М. П. отдавал предпочтение замысловатым барочным узорам, столь отличным в рисунке от модных в его время псевдорусских орнаментов и узоров в стиле модерн. В его творчестве органично вплетались народные орнаменты. Образцом художественного исполнения черневых гравированных изделий для него были работы великоустюжских мастеров периода расцвета. Многие десятилетия руководителем артели был заслуженный деятель искусств РСФСР Е. П. Шильниковский. Его считают основателем орнаментального направления в черневом искусстве близкого к современным работам. Мастеру принадлежит множество оригинальных произведений и рисунков для черневых изделий. Его работы имели другой принципиальный подход, основанный не на традиционном контрасте черни и фона серебра, а на плавном перетекании форм, на равномерном заполнении чернью и серебром поверхности предмета.

Послевоенные годы оказались достаточно тяжелыми для артели. Всеобщее ликование от победы в Великой Отечественной войне, диктат официального искусства приводит к тому, что на самых разнообразных изделиях устюжских мастеров – портсигарах, ларцах, кубках чаще всего изображали виды Московского Кремля и Красной площади. Сами изображения опоясывались орнаментом. Взаимосвязь орнамента и архитектурных мотивов больше напоминала книжную иллюстрацию; в отличие от старых работ они никогда не проникали друг в друга. В 1960 году артель была преобразована в фабрику, а в 1973 году становится заводом.

Мастер, чтобы овладеть искусством нанесения (наводки) черни на серебро, должен не только досконально изучить технологию и рабочие приемы, но и проявить терпение, настойчивость и упорство. Великоустюжскую чернь отличал особый чёрный чуть с синеватым оттенком цвет. Этот рисунок был очень прочным и с годами не изменялся, не боялся ни влаги, ни удара. Чернь – это сплав серебра с медью, свинцом и серой.

Очень важна была пропорция этих составляющих и хорошее знание химии. Технология такова, что перед наложением черни в изделия путем штампования, гравирования или чеканки прорезывают углубления.

Глубина рисунка может быть различной, но не менее 0,2 мм. Поверхность этих участков шлифуют и полируют. Размельченный в порошок состав втирают в бороздки узора – заполняют чернью, затем обжигают в муфельной печи при температуре 300–400°С. Особенность сплава серы, свинца и серебра заключается в том, что после плавления на серебре он теряет свои стекланные свойства и становится близок металлу. Он также хорошо обрабатывается резаньем. Охлажденное изделие опиливают надфилем или напильником, осторожно удаляя черневые наплывы, а все изделие шлифуют и полируют [3]. Очень часто серебряные изделия с черневым орнаментом оставляют матовыми: в этом случае темно-серый рисунок узора проявляется ярче.

Орнамент серебряных черневых изделий обычно выполняют в черни, фон же отделяют, как правило, позолотой приглушенных матовых тонов. Благодаря оптимальному соотношению двух этих приемов в сочетании со строгостью и изяществом орнамента изделия великоустюжских мастеров обретают нарядный и благородный вид.

Серебряные черневые изделия, изготовленные специалистами Великого Устюга, на выставках в Москве, Лондоне, Париже, Монреале, Милане, Нью-Йорке, Филадельфии и других городах более чем двадцати стран мира удостоивались высших наград – золотых и серебряных медалей.

Изделия мастеров «Северной Черни» – стопки, рюмки, чарки, бокалы, подстаканники, чашки с блюдцами, подносы, ложки, вилки, ножи, кофейные и винные приборы, а также ювелирные украшения – выполнены в лучших традициях русского народного художественного промысла. Четкость их формы и орнамента органично вписывается в строгий интерьер квартир и радует искушенный глаз владельцев предметов этого искусства.

Коллектив «Северной Черни» во главе с художниками-ювелирами и руководством завода много и настойчиво работает над обновлением ассортимента. Славу современной «Северной Черни» составили работы мастеров В.П. Шорохова, Л.С. Меньшикова и Е.Ф. Тропининой. Характерные особенности изделий, созданных в последние годы, – простота и лаконичность

форм, чистота отделки. Орнаменты изделий многообразны: заимствованы из древнерусской книжной графики, навеяны мотивами народных. Большинство массовых изделий данного промысла украшает растительный узор. Однако отдавая дань традиции, в столовых приборах и посуде мастера по-прежнему проявляют большой интерес к пейзажу и архитектурным памятникам. Эти мотивы являются своего рода визитной карточкой северного промысла.

Украшая плоскость ножа для бумаги, линейки или браслета гравюрой с панорамой Великого Устюга, мастер создает вид старинного сказочного города. Это обобщенный образ русского старого города, внешне похожего на Великий Устюг, родственник привольным торговым городам, запечатленным на лубочных картинах.

В настоящее время ювелирный завод «Северная чернь» ежегодно выпускает много разнообразных серебряных изделий, украшенных черневыми узорами и пейзажами [5].

Особенности изделий и орнаментов мастеров северной черни в первую очередь определяются традиционным интересом к народным традициям, к основам национальной народной культуры.

Другая, не менее важная особенность состоит в широком использовании родного пейзажа в качестве сюжета изображений на посуде и столовых приборах. Третья особенность связана с характером черневого наполнения орнамента и изображений на изделиях. В отличие от дагестанских мастеров поверхность предметов более плотно покрыта черневым узором и, в целом, является менее светлой.

Список литературы

1. Максимов, Ю.В. Русское народное декоративно-прикладное искусство / Ю.В. Максимов, В.Н. Чуракова, О.Н. Маковецкая. – М., 1978.
2. Соколова М.С., Соколов М.В. Орнамент и металлическое кружево русских мастеров : монография. – Магнитогорск: МаГУ, 2010. – 146 с.
3. Соколов, М.В. Художественная обработка металла / М.В. Соколов. – М. : ВЛАДОС, 2003. – 144 с.
4. Современные художественные изделия из металла / сост. : В.П. Новиков, И.П. Мельситов, Ю.П. Комягин. – Л. : Машиностроение, 1990. – 230 с.
5. Соколов М.В., Соколова М.С.. Декоративно-прикладное искусство: Учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности 03.11 «Изобразительное искусство и черчение» / М.В. Соколов, М.С. Соколова. – М.: Гуманитарный изд. центр ВЛАДОС, 2013 -399с.

УДК 622.27.235

НЕМЕЦКАЯ ТЕМА В ПОЛИФОНИЗМЕ АРХИТЕКТУРНОЙ СТИЛИСТИКИ МАГНИТОГОРСКА 30-50-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Курбан Е.Н., Малек Е.В.

В данной статье анализируются немецкие мотивы в архитектурной стилистике провинциального российского города Магнитогорска периода 30-50-х годов XX века. Эти мотивы представлены как явление, возникшее в силу преодоления унификации, присущей советской культуре, и отражающее целый спектр социокультурных проблем.

Ключевые слова: архитектура, социализм, провинция, стилистика, унификация, полифонизм, новаторство, своеобразие.

This article analyzes the German motives in the architectural style of the provincial Russian city of Magnitogorsk period of 30-50 years of the twentieth century. These motifs are presented as a phenomenon that has arisen due to the unification of overcoming inherent in Soviet culture, and reflect a range of socio-cultural problems.

Keywords: architecture, socialism, province, style, unification, polyphony, innovation, originality.

Провинциальный Магнитогорск, облик которого формировался в первой половине XX столетия, уникален полифонизмом стилистики урбанистической архитектуры. В ней можно обнаружить следы целесообразной промышленной

немецкой застройки и особой помпезности «сталинского ампира». Именно поэтому в данной статье нам было важно выяснить причины, по которым на фоне общей унификации обыденной жизни и культуры страны Советов родился со-

циалистический город со столь неповторимым архитектурным обликом. Несомненно, что важной темой полифонической партитуры города стал голос традиций немецкого зодчества.

Отметим, что к проблеме немецких заимствований в русской культуре в свое время обращались отечественные исследователи: М. И. Туровская, С. О. Хан-Магомедов, Ю. Л. Косенкова, А. В. Иконников [10, 2, 4]. Об общих процессах и тенденциях в немецкой архитектуре и о творчестве отдельных мастеров писали такие немецкие искусствоведы, как В. Нердингер, Т. Буддензиг, В. Пенг, Ф. Й. Шварц, А. Тикёттер, М. Зибенбродт [9]. При этом активный поиск литературы по вопросам регионального стилиобразования в архитектуре позволяет констатировать тот факт, что данная информация носит разрозненный характер: пока еще не созданы фундаментальные исследования по вопросам влияния европейских стилевых тенденций на архитектуру южно-уральских городов. При отсутствии специальных работ по данной теме существуют исследования, которые соприкасаются с перечисленными проблемами. Оригинальный авторский взгляд представлен искусствоведом А. И. Морозовым. Его работы можно назвать обобщением целого спектра проблем и вопросов, касающихся традиций, преемственности, полифоничности при особом трепетном отношении к истории советского искусства [7].

В наши дни в оценке истории российской культуры наметились новые подходы. Период 30-50-х годов XX столетия может служить наглядным примером тому, как изменяется творчество в новых условиях государственной жизни. Этот процесс получил философское осмысление, что отражено, например, в работах исследователя А. И. Назарычевой [8]. Так, Магнитка еще в период строительства стала уникальным пространством для диалога культур, вовлекающим современников более тридцати шести национальностей в невероятный по размаху водоворот событий. Особенности такой поликультурной среды были рассмотрены современным культурологом М. В. Кривошлыковой [5]. С момента основания в Магнитогорске присутствовали специалисты из Германии. Чуть позже, после второй мировой войны, в городе оказались немецкие военнопленные, которые также участвовали в работах на Магнитострое. «Немецкая страничка» в истории города – это, прежде всего, особая летопись решений городского пространства Магнитогорска. Вспомним о том, что

на строительных площадках нового города трудились американцы, голландцы, китайцы. Но особенное значение имели идеи немецкого архитектора Эрнеста Майя. Утопичность взглядов урбанистических проектов Эрнеста Майя проявилась в идее чередования жилых кварталов и промышленных объектов. При такой застройке рабочие должны были жить в квартале при цехе. В этом случае горожане страны Советов имели бы равные условия жизни, что не противоречило идеологическим установкам молодого советского государства. Однако жизнь в промышленном районе не добавляла здоровья рабочим, поскольку должна была протекать в атмосфере «вредных производств» – доменного, мартеновского, рядом с аглофабрикой. Такой подход к организации завода-городского пространства, предложенный Эрнестом Майем, мог привести к экологической катастрофе. План не был принят. В итоге, результатом деятельности немецких архитекторов Эрнеста Майя, его единомышленника Вальтера Швагеншайдта и других немецких специалистов стало строительство первого квартала жилых домов в левобережной части Магнитогорска, который трактовался как обширный микрорайон со строчно-объемной композицией 3-4-этажных домов и скверов. Центральная улица была названа символично – Пионерской.

Такой тип застройки помог архитектору избежать темных дворов-колодцев - образцов капиталистического XIX века. Он позволил ориентировать фасады жилых домов на восток и запад, а глухие торцы обратить в сторону шумных насыщенных транспортом улиц и металлургического завода. Новаторство градопланировочной стилистики прослеживается здесь и в зонировании микрорайона: в центре располагался широкий сквер, а на узких боковых площадках была сосредоточена основная масса жилых домов, которые перемежались детскими игровыми площадками. В местах соединения основных архитектурных поясов органично вписывались внутриквартальные проезды и прогулочные аллеи-бульвары.

Первый квартал стал знаменем социалистического города, девиз которого: «равные условия жизни для всех – принцип существования граждан советского государства». Такой подход формировался в русле государственной идеологии, но при этом стал органичным порождением русской ментальности, в которой издавна были укоренены идеи братства и равенства. Именно на этот аспект русского сознания указывает фи-

лософ, исследователь русской культуры С. Н. Амельченко [1]. Первый квартал в Магнитогорске существует и сейчас, хотя он давно требует реконструкции, являясь уникальным памятником социалистической архитектуры. В истории Магнитки он явился опытом осуществления типологической систематизации построек с учетом социалистических требований и немецких традиций.

Отметим, что в истории Магнитогорской архитектуры можно найти не одну страницу, связанную со стилистикой искусства стран Запада. В 40-е годы, на правом берегу реки Урал стали возводиться новые жилые кварталы, которые различались по своей планировке, размерам, типам и этажности домов. Среди них особое внимание обращает на себя квартал 14А. Его дома до сих пор называют «немецкими», прежде всего потому, что строили их, преимущественно, немецкие военнопленные. Каждый дом этого квартала неповторим и одновременно неотделим от ансамбля, художественность которого подчеркивается высоким качеством строительства.

Возведение «немецкого» квартала с позиций идеологии послевоенного времени кажется весьма странным, так как «заклятые враги» по определению не могли создать во враждебной стране ничего, что создавалось бы во благо. Но в рождении этого архитектурного европейского образа сыграла роль и чисто немецкая психология, основанная на пунктуальности, добротности, обязательности, позволившая воплотить в провинциальном российском городе проект «маленькой Европы». «Немецкий квартал» Магнитогорска стал следующим шагом выхода за рамки тоталитарной культурной политики после неоконченного проекта соцгорода Эрнеста Мая. Он явился явным преодолением унификации архитектурных идей. Это одна из немногих попыток тех лет избежать культурного диктата, мыслить иными категориями, которые выстраиваются не в масштабах страны, а в масштабах человека, отдельно взятой личности. Все эти феноменальные для тех лет «вольности» раскрываются в архитектуре, которая «выпадает» из общего архитектурного решения городского пространства. Это динамичные и в то же время пространственно замкнутые архитектурные объекты, для воплощения которых архитекторами использовались неожиданные метафоры. Дома не смыкаются в единую линию вдоль улицы, но «держатся за руки» арками и переходами, причем перекрытия арочек выполнены по типу лож-

ных средневековых сводов, тогда как почти треугольные камни, плотно прижатые друг к другу, удерживают дугу арки собственной тяжестью.

Каменная скамья, включенная в ограждение дома, каскад прямоугольных проходов, стражи-пилоны, кованые решетки окон – все это создает необыкновенную атмосферу гармонизированного, соразмерного человеку пространства и в то же время является стилевой принадлежностью немецкой архитектуры. Для окраски домов и сегодня используются традиционные для немецкого зодчества различные оттенки желтого цвета. Многие здания «немецкого городка» гладко оштукатурены, другие – покрыты нарочито объемной «штукатуркой-шубой» [6].

Для Магнитогорска «Немецкий квартал» – это город в городе. Перед его проектировщиками стояла задача возвести экономичный тип жилья, состоящий из малоэтажных однокомнатных квартир. Отметим, что «сам факт немецкого влияния для культуры, его воспринимающей, оценивался многими исследователями отрицательно, как признак ее неоригинальности» [6]. Помимо этого значение сыграло и отношение к образу «чужого» в своей культуре. Современники строительства восприняли европейскую стилистику квартала негативно. Ее называли чуждой жителям города. Прошли годы и образ «немецкого квартала» стал не только «своим», но и очень значимым для горожан. Уникальный архитектурный ансамбль 14А квартала представляет собой пример немецкой архитектурной стилистики и, несомненно, должен считаться памятником архитектуры 40-х годов XX века.

Подводя итог, мы можем отметить, что немецкая тема в архитектурном полифонизме Магнитогорска могла звучать даже в условиях жесткого тоталитаризма, так как зодчие тех лет стремились к совершенствованию действительности средствами искусства, а создание нового художественного стиля представлялось им важнейшей задачей времени.

Для сегодняшнего историко-художественного знания очевидным является факт разрушительного воздействия на искусство диктата политических установок и конъюнктурных предписаний. Рассматривая историю искусства в контексте истории общества, исследователи отмечают, что на динамику художественного сознания влияют социально-психологические факторы, общая атмосфера общественной жизни, настроения людей и ценностные ориентиры

[3].

Основные художественные проявления, возникшие в течение 1930-1950-х годов – это переплетающиеся тенденции инноваций и традиций, пытающиеся выйти за рамки тотального диктата системы.

Список литературы

1. Амельченко С. Н. Структура ментального кода российской культуры как основа целостности ее бытия // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. Вып. 29. – Челябинск: ЧелГУ, 2013. – С. 59-68.

2. Архитектура сталинской эпохи. Опыт исторического осмысления. Под ред. Ю. Л. Косенковой. М., 2010. 496 с.

3. Балынская Н.Р. Средства массовой информации в субъектном поле политики // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2015. №1 (7). С. 7-9

4. Иконников А.В. Архитектура XX века: Утопии и реальность. В 2-х томах. Т.1. М., 2001. 329 с.

5. Кривошлыкова М. В. Толерантность как аспект взаимодействия культур в современном коммуникативном пространстве // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2010. № 3 (3). С. 176-178.

6. Курбан Е.Н. Взаимодействие и синтез культур и искусств в контексте общих проблем русской культуры. Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2009. С.132.

7. Морозов А. И. В поисках исторической целесообразности // Мир искусств: Альманах. Вып.5 – СПб.: Альтейн, 2004. С. 309-328.

8. Назарычева А.И. Проблема свободы и творчества в изменяющихся культурных условиях // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. – Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 5 (55). С. 126-129.

9. Современная архитектура капиталистических стран – противоречия и тенденции развития. Под ред. Б.Б. Келлер и С.О. Хан-Магомедова. М., 1966. 226 с.

УДК 7.05+74.01/.09+745

ДОИНДУСТРИАЛЬНАЯ ЭПОХА: ДИЗАЙН ИЛИ НЕ ДИЗАЙН

Ю.Г. Еманова, О.П. Журавлева, М.К. Яо

Рассмотренные в статье примеры позволяют авторам сделать вывод о том, что у мастеров прошлого и современных дизайнеров нет значимых отличий в подходах к разработке формы предмета. Дизайн определяется авторами двумя главными составляющими: маркетингом, т.е. рассмотрением предмета с позиции товара (утилитарный компонент), и искусством, т.е. рассмотрением предмета с позиции эстетики (духовный компонент). Основным качеством дизайна является его возможность оказывать влияние на духовное состояние общества. История дизайна неотделима от искусства и культуры в целом.

Ключевые слова: дизайн, функции дизайна, модернизм, изобразительное искусство, предметы, предметная среда, эргономичность, функциональность, эстетичность, концептуальность.

Some examples investigated by the authors in this article bring to the conclusion that the masters of the Past and contemporary designers apply same methods in creation of the subjects shape. The design is considered by two main aspects – the Marketing (the subject is considered as the commercial Goods (consuming aspect) and the Art (the subject is considered as the aesthetic object of Art (spiritual aspect)). For this reason the beginning of design history can be started from the conjunction of these two aspects. The authors made the summery that the main feature of the design is the affection on spiritual state of society.

Key words: design, design functions, modernism, fine Art, applied Art, subjects, subject environment, ergonomics, functionality, aesthetics, conceptual.

В современном русскоязычном дискурсе слово «дизайн» приобрело новый качественный оттенок. Если предмет не нравится, то, как правило, говорят «никакого дизайна». Само слово «дизайн» подразумевает, что предмет актуален, не тривиален, выразителен. Есть ли общее и специфическое в подходах к пониманию облика вещи у современных дизайнеров и мастеров прошлого?

Теоретические работы о соотношении пользы

и красоты появились уже в античной Греции. Средневековье на некоторое время прервало ход подобных рассуждений. В последующие же эпохи труды по эстетике постоянно обновляются, пересматриваются, углубляются. Так, критическое осмысление объектов материальной среды дается в работе Готфрида Земпера «Стиль в технических и тектонических искусствах, или практическая эстетика», где художественное начало рассматривается как символическое «одевание»

конструкции и материалов. Форма предмета обуславливается рядом факторов, таких как практическое содержание (назначение), материал и способы его обработки, вкусы потребителей, традиции, религиозные и политические установления, личность художника-творца. Возможно, из современных требований к дизайну сюда следует добавить лишь вопросы утилизации предметов.

Вопрос о том, существовал ли дизайн в доиндустриальную эпоху является дискуссионным. Очевидно, что ответить на этот вопрос, можно в том случае, если выделить сущностные черты дизайна. «Всякая попытка определить время возникновения дизайна является скрытым определением» [1]. Исследователи по-разному расставляют акценты в понимании точки отсчета истории дизайна. Так, компоновочная функция дизайна определяется как наиболее древняя, так как она возникает уже в связи с понятиями «праэргономики», удобством орудий труда и вопросами повышения производительности [2]. Проектно-художественная деятельность рождается в результате интенсификации индустриального производства [3]. «Уже само утверждение, что дизайн начинается с работ Морриса, или с деятельности германского Веркбунда, или с работы американских художников в период великого кризиса 1929 года, подразумевает совершенно определенное представление о том специфическом «дизайне», история которого строится на «фактическом материале», т.е. речь идет соответственно о постановке вопроса об общественной важности и воспитательном потенциале предметного окружения и его целостном видении, о дизайне как художественно-промышленной деятельности, о возникновении профессии дизайнера, включенного в рыночные процессы». [1] Если за точку отсчета брать появление первых школ дизайна и методик его преподавания следует рассматривать историю дизайна с открытия Баухауза (1919г.) и ВХУТЕМАС (1920 г.).

Теоретик дизайна и педагог Томас Мальдонадо сформулировал определение индустриального дизайна как «творческой деятельности, цель которой — определение формальных качеств предметов, производимых промышленностью. Эти качества формы относятся не только к внешнему виду, но и, главным образом, к структурным и функциональным связям, которые превращают систему в целостное единство (с точки зрения, как изготовителя, так и потребите-

ля). Дизайн стремится охватить все аспекты окружающей человека среды, которая обусловлена промышленным производством». [4, с. 22] Согласно его позиции дизайн - это не искусство и не маркетинг, а формообразование, учитывающее множество факторов (функциональных, культурных, технологических и экономических). [5] Определение принятое ИКСИД – Международным советом дизайнерских организаций – получило одобрение профессионального сообщества. Дизайнер придает вещам необходимые для удовлетворения интересов потребителя и производителя свойства. Дизайн занимается проектированием всех объектов среды, окружающей человека: от предметов обихода до средств производства, от убранства жилых помещений до комплексного оборудования промышленных предприятий, культурно-бытовых объектов, городской среды [5].

Продукты дизайна пропагандируют и, в известной мере, физически предопределяют тот или иной образ жизни [5]. В период перехода от предметов ручной выделки к предметам массового производства произошел разрыв между многолетней традицией обработки материалов, декором, функциональностью, формообразованием, с одной стороны, и тиражированностью, с другой. Это со всей очевидностью показали первые промышленные выставки середины XIX века. Как реакция на кризисную ситуацию возникло английское движение «Искусства и ремесла», возглавляемое Уильямом Моррисом, стремящееся к сближению веками наработанных мастерами-ремесленниками форм и приемов изготовления предметов, а также авторского художественного видения этих предметов и предметной среды. В дальнейшем немецкий Веркбунд (Немецкий промышленный союз) подхватит идею, о необходимости сближения искусств и ремесел и добавит в неё промышленное производство. «Форма следует за функцией», - провозгласил американский архитектор Луис Салливен в статье «Высотные административные здания, рассматриваемые с художественной точки зрения» (1896 г.). Этому принципу – «форма-функция» – будет следовать Баухауз, создавая социальные проекты и формируя ценности модернизма в послевоенных условиях. Во времена великой депрессии в Америке дизайн, был осознан как средство стимулирования продаж: «Некрасивое плохо покупается (1951)», – писал один из самых знаменитых и успешных американских дизайнеров Раймонд Лоуи. Позже в 60-е годы два-

дцатого века, когда потребность в дешевом, простом и однотипном отпала, и у людей появилась потребность в самовыражении, эти принципы подверглись критике. Дизайн уже не ставил своей первостепенной задачей создавать простые, функциональные вещи: это стало считаться скучным, также как ставить во главу угла стимулирование продаж стало недостойным. Продукты дизайна должны были служить самовыражению владельцев, при этом они зачастую были нефункциональны и неудобны, но таково было требование времени. Основным принципом дизайна стал принцип «форма-символ». Слияние материального продукта и нематериальной услуги (таких как сотовый телефон и сотовая связь), характерное для современного общества, вырабатывает иную тенденцию. Согласно ей дизайн заключается в заботе о потребителе [6]. Маркетологи смогли соединить достижения современных технологий с мотивами защиты от стресса, вызванного этими технологиями. Дизайн во все времена живо реагирует на потребности потребителя в комфорте, в самовыражении, в самоутверждении и т.д.

Прошло больше ста лет со времени создания первых значимых образцов промышленного дизайна Петером Беренсом, которому приходилось начинать с чистого листа. За эти сто лет дизайн то отказывался от орнамента, то сближался с ним, то воплощал благоразумные идеи Баухауза и «Хорошего дизайна», то уходил к утопиям антидизайна и радикального дизайна. Фокус внимания попеременно смещался от функционализма к эстетизму. С конца 60-х годов, с наступления эпохи постмодернизма начинается увлечение дизайнеров «цитированием» образцов прошлого. Вспомним знаменитый чайник «Pi Sipico» (1986 г.) Альдо Росси, спроектированный им для фирмы «Alessi», являющийся культовым предметом итальянского дизайна. Его выделяет чистота формы – конус. Такая форма наиболее полно отвечает его предназначению – быстро вскипятить воду. Это достигается благодаря тому, что основание чайника – место соприкосновения с плитой максимально расширено, а кверху он резко сужается [7]. Этот принцип максимально расширенного места контакта с нагревающей поверхностью и резкого сужения кверху уже несколько веков применяется в восточных турках. Турка или джезва – сосуд для приготовления кофе по-восточному (потурецки). Она представляет собой толстостенный металлический ковш, широкий у основания

и сужающийся кверху, имеющий длинную ручку. Далла – родственный турке предмет, кастрюлька с крышкой, длинным изогнутым носиком и одной ручкой, использовалась на востоке для варки кофе до изобретения турки. В наше время даллы распространены в Саудовской Аравии, в Сирии и среди бедуинов-кочевников. Изукрашенная восточными орнаментами далла и чайник Альдо Росси – очень близкие родственники. Цитирование традиционных форм и ирония, присутствующая в пропорциях и нарочитой герметичности деталей у А. Росси, определяет приемы постмодернизма в дизайне посуды.

Однако если уйдет гениальная, но традиционная, форма-функция, что останется от дизайна? Является ли актуализация формы дизайном? Применимо ли вообще слово дизайн к формообразованию не новых, а традиционных предметов или дизайн является, как в английском языке, обозначением самого процесса формообразования, «дизайнирования» как отмечено в учебнике по теории дизайна [8].

Вернемся к турке и отметим некоторые аспекты визуального восприятия и функциональности ее формы. Традиционно турка изготавливалась из ковanej меди и имела толстые стенки и дно, чтобы обеспечивать медленное и равномерное нагревание кофе, предотвращая его закипание. При незначительной вариации она имеет коническую форму: максимально широкое дно для наибольшего контакта с нагревающей поверхностью, сильно сужающееся горло, чтобы не выпускать аромат кофе во время варки, часто воронкообразное горло для накопления пены. Кроме того, коническая форма способствует быстрому оседанию кофейной гущи обратно на дно.

В силуэте турки можно проследить используемый дизайнерами прием – придание предмету антропоморфных черт, чтобы сделать его ближе и интересней человеку, привлечь его внимание и поднять настроение. Она основана на склонности человека выделять органические формы. Этот прием можно увидеть в дизайне бутылки «Coca-cola» (1915 г.), или банки кофе «Нескафе», напоминающей силуэт женской фигуры. Эта форма рождает ассоциации с энергичностью, здоровьем и женской привлекательностью. Дизайн «Coca-cola» имел грандиозный успех; с некоторыми изменениями пропорций разработанный силуэт бутылки компания использует до сих пор [9]. Тот же принцип можно разглядеть и в форме турки: она должна была напоминать

совершенную (согласно восточным представлениям о красоте) женскую фигуру. Считалось, что горло идеальной турки должно быть в три раза уже ее основания. Тот же принцип пропорций и у чайника «II Conico» [7].

В турке удивительное сочетание функции и образа ничем не уступающее находкам современных дизайнеров. Это совершенно функциональный предмет, полностью отвечающий всем тонкостям процесса своего предназначения, доказавший свою состоятельность в течение нескольких столетий.

До середины XVIII века – до начала великой промышленной революции – эволюция формообразования протекала медленнее. Значительно реже появлялись новые материалы и технологии. Медленнее и масштабнее происходило стилистическое развитие. Ещё раньше эпоха географических открытий (конец XV - первая половина XVII вв.) помогла осуществить масштабный культурный обмен традиционными формами материального мира (иногда это происходило путем промышленного шпионажа). Появление книгопечатания (1450-1455 гг.) и дальнейшее развитие средств коммуникации внесло свою лепту в ускорение обновляемости форм предметно-пространственной среды. Новизна – это маркетинговое требование к дизайну, необходимое для обновления ассортимента, стимулирования интереса к товару и интенсификации продаж. Однако нельзя утверждать, что вплоть до нашего времени не было погони за новизной, что ремесленники прежде всегда придерживались уже существующих форм. Всё зависело от мировоззрения эпохи. Так, например, историки полагают, что социальное устройство общества Древнего Рима, сам период древнеримской истории более чем что-либо аналогичны нашему времени. Практически все социальные явления современного мира в той или иной форме присутствовали и тогда. Также как и сейчас бесконечно менялись стили и мода. Вилла, построенная сегодня, уже лет через двадцать считалась «вчерашним днем»: так уже не строили, таким образом уже не расписывали... [10]. Тоже можно было говорить об одежде, украшениях, утвари и т.д. Считается, что одних только видов женских причёсок в Риме было столько, сколько звезд на небе. Также и военное облачение римлян бесконечно претерпевало изменения, обусловленные постоянно меняющимися условиями его использования [11]. С высоты прошедших веков мы видим, что все это разнообразие укладывается в общий

стиль античной культуры. Мастера редко предлагают что-то совсем не связанное с тем, что уже было знакомо. А если и могут, то общество не принимает формы, слишком отличные от того, к чему люди привыкли. Раймонд Лоуи считал, что эстетическая привлекательность предмета или среды – это баланс между привычностью и уникальностью, типичностью и оригинальностью. Р. Лоуи говорил о том, что создать успешный дизайн можно, применив принцип «предельно продвинутое, но приемлемое». Людям нравится новизна, однако успех у потребителя будет иметь не только самый оригинальный дизайн, но дизайн с чертами привычного, иначе он не станет популярным. Так, например, случилось со стулом «VariablBalans» презентованным в 1976 году. Из-за своей непривычной формы и необычной концепции активного сидения он остался слишком странным для большинства потребителей. Хотя проект являлся чрезвычайно удобным в использовании, он заслужил высокую оценку только в дизайнерских кругах, а широкий круг потребителей его так и не принял [9]. Может быть, консервативность человеческого восприятия объясняет медленное и относительно незначительное изменение предметов и сред, создаваемых в доиндустриальную эпоху. Возможно, что и находки нашего времени люди будущих культур, сочтут не такими уж разнообразными, как мы сейчас полагаем.

Даже если копии «проектов» доиндустриальной эпохи не штамповались массово в свое время, то это вполне возможно сегодня. При современных технологиях форма доиндустриальных предметов позволяет копировать их, что зачастую и происходит. Турки производятся машинным способом, но при этом несколько не отличаются от выкованных когда-то кузнецами. Многие доиндустриальные «проекты» пригодны для массового производства, но есть и разработки иного характера. Так, например, кресло «Барселона» и сегодня требует ручного труда. Его обивку может правильно натянуть только специалист, поэтому данное кресло так и не стало массовым предметом мебели для простого рабочего человека, как планировал видный архитектор и дизайнер модернизма Мис Ван дер Роэ. В рамках традиционной точки зрения на дизайн это кресло представляет собой единичный продукт ремесла, но не является предметом индустриального производства.

В наше время дизайн все еще призван проектировать удобные для промышленного произ-

водства вещи, и это основная его функция. Технологии производства развиваются в геометрической прогрессии и, возможно, в будущем предметы вновь станут уникальными со всех точек зрения. Так, возможно, они будут производиться по собственному эскизу индивидуально и в единственном экземпляре каждым желающим, например, посредством 3D-печати. Тогда промышленное производство, если и сохранится, то уже не будет основным. Неизвестно, откажутся ли потребители от одинаковых типовых вещей в пользу индивидуализированных, даже если уровень технологий позволит это сделать.

Только в исторической динамике можно проследить взаимосвязь формы и функции, формы и самовыражения, формы и образа жизни и т.д. Это те вопросы, которые раскрываются в ходе изучения истории искусства, пяти его классических видов, из которых потом сформировались виды дизайна. Влияние науки и промышленности на формирование дизайна велико, но не первично. Рассмотренные примеры позволяют нам сделать вывод о том, что у мастеров прошлого и современных дизайнеров практически нет значимых отличий, они скорее являются формальными. С этой точки зрения модернизм – интенсивный, но слишком краткий эпизод в истории развития предметной среды для того, чтобы быть ее главной частью. Очевидно, что вопрос о точке отсчета истории дизайна лежит за его пределами. Возможно, вопреки мнению Томаса Мальдонадо, индустриальный дизайн определяется двумя главными составляющими: маркетингом, т.е. рассмотрением предмета с позиции товара (утилитарный компонент), и искусством, т.е. рассмотрением предмета с позиции эстетики (духовный компонент). В истории дизайна преобладающей становится то одна, то другая сторона. Началом истории дизайна можно считать соединение двух этих начал, а это время формирования цивилизации. Преобразовательную цель этого времени обозначили знаменитые

англичане – архитектор Огастес Пьюджин и лидер движения «Искусств и ремесел» Уильям Моррис. Она заключается в воздействии через предметы и предметную среду на индивида, отдельные социальные группы и широкую общественность. Изменение характера этого воздействия будет говорить об изменениях в дизайне. Очевидно, что развитие дизайна происходило неотделимо от истории искусства, в рамках которого складывалось осознание визуальных выразительных возможностей его языка и понимание принципов формирования художественного образа.

Список литературы:

1. Глазычев В.Л. О дизайне/ В.Л. Глазычев. – М.: Издательство "Искусство", 1970.- 191 с.
2. Воронов, Н.В. Российский дизайн. Очерки истории отечественного дизайна/ Н.В. Воронов.- М.: Стройиздат.- 392 с.
3. Аронов В.Р. Художник и предметное творчество. Проблемы взаимодействия художественной культуры XX века
В.Р. Аронов.- М.: Советский художник, 232 с.
4. Аронов, В. Р. Теория проектирования Томаса Мальдонадо. Из XX в XXI век. // Проблемы дизайна-6 / В. Р. Аронов. — М.: НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, 2011. — С. 7-53.
5. Минервин Г.Б. и др. Дизайн. Иллюстрированный словарь-справочник /Г.Б. Минервин, В.Т. Шимко, А.В. Ефимов и др.: Под общей редакцией Г.Б. Минервина и В.Т. Шимко. — М.: «Архитектура-С», 2004. - 288 с, ил.
6. Пигулевский В. О. Дизайн и культура/ В.О. Пигулевский.—Харьков: Гуманитарный центр, 2014.— 316 с.
7. Элам К. Геометрия дизайна. Пропорции и композиция/ К. Элам.- СПб.: Питер, 2012.-112 с
8. Михайлов С. М., Михайлова А. С. Основы дизайна: учебник для вузов Теория дизайна/ С.М. Михайлов, А.С. Михайлова. - Казань: Дизайн-квартал, 2008. - 288 с.
9. Лидвелл У., Холден К., Батлер Д. Универсальные принципы дизайна/ У. Лидвелл, К. Холден, Д. Батлер.; Пер. А. Мороз.-СПБ.: Питер, 2012.- 272 с.: ил.
10. Мак-Коркодэйл Ч. Убранство жилого интерьера от античности до наших дней/ Ч. Мак-Коркодэйл.- М.: Изд.-во «Искусство» 1990.- 248 с.
11. Маттезини С. Воины Рима. 1000 лет истории. Организация. Вооружение. Битвы/ С. Маттезини. – М.: Изд.-во: АСТ, 2013.- 216 с.

УДК 929

ХУДОЖНИК КРАМСКОЙ: «КУПИТЕ МЕНЯ»

Хворостов А.С.

И.Н. Крамской – известный русский портретист. Но работа над портретами была для него не в радость. Сколько мог, художнику помогал П.М. Третьяков. Он был главным заказчиком Крамского. Устав от бесконечной работы над портретами, художник стал обращаться к состоятельным людям с письмами, где предлагал; «Купите меня». Он предлагал купить его творческий потенциал.

Ключевые слова: живописец Крамской, портретист, Третьяков, художественный образ, письма, тайны, устал, «купите меня».

I.N. Kramskoy – the famous Russian portraitist. But work on portraits was for it not in pleasure. How many I could, the artist was helped by P.M. Tretyakov. He was the main customer of Kramsky. Having been tired of infinite work on portraits, the artist began to address to wealthy people with letters where offered; «Buy me». He suggested to buy its creative potential.

Keywords: the painter Kramskoy, the portraitist, Tretyakov, an artistic image, letters, secrets, was tired, «buy me».

В мировой художественной культуре немало имён наших соотечественников, навеки прославивших русское изобразительное искусство. Среди них И.Н. Крамской занимает одно из почётных мест. К сожалению, в угоду идеологической необходимости Ивану Николаевичу в советские годы приписывали то, что ему не было свойственно. Например, есть сферы, в которых ему отводили руководящие места, но чего на самом деле не было. Прежде всего, это относится к Товариществу передвижных художественных выставок. Многие издания отдают И. Н. Крамскому главную роль в основании Товарищества и руководстве им. Но, оказалось, что Крамского позвали в уже созданное Товарищество передвижников. И он никогда не руководил и не мог по своим личностным качествам руководить таким выдающимся сообществом художников. В Правление Товарищества его несколько раз, действительно, избирали, но лично руководить Товариществом он не мог.

Об этом я неоднократно писал, в частности в статье «Крамской с чужими регалиями» [1, с. 149 - 156].

Художник Иван Николаевич Крамской известен и как выдающийся портретист. Вот это свято, и на это, справедливо занимаемое им место, никто не претендует. Благодаря кисти И.Н. Крамского для многих поколений россиян сохранены образы выдающихся деятелей отечественной культуры. Среди них писатели: Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, И.А. Гончаров, Д.В. Григорович, А.С. Грибоедов, М.Е. Салтыков-Щедрин. Друг и единомышленник Л.Н. Толстого

В.Г. Чертков. Поэты: Н.А. Некрасов, Я.П. Полонский, В.М. Жемчужников. Украинский поэт и художник Т.Г. Шевченко. Русские художники: И.Е. Репин, Ф.А. Васильев, В.М. Васнецов, В. Г.Перов, В.В. Верещагин, И.И. Шишкин, Г.Г. Мясоедов, А.И. Куинджи, А.Д. Литовченко, А.А. Киселёв, П.А. Брюллов, Н.А. Ярошенко. Скульптор М.М. Антокольский. Астроном О.В. Струве, коллекционеры П.М. Третьяков и Ф.А. Терещенко. Издатель А.С. Суворин, художественный критик А.В. Прахов, профессор медицины С.П. Боткин.

Этот список можно продолжать и продолжать.

Для каждого из портретируемых И.Н. Крамской находил самую характерную позу, движение, взгляд. Художественная критика с восхищением доносила до читающей публики самые высокие оценки всё новым и новым портретам, покидавшим мастерскую художника и экспонировавшимся на Передвижных выставках.

Глядя на портреты, зрители не замечали ни малейших признаков ремесла или тяжкого труда художника. Это говорило о высочайшем мастерстве, профессионализме и интересе автора.

Но с портретами всё было не так просто. Как показало изучение писем художника, И.Н. Крамской портретную живопись не любил. В одном из посланий П.М. Третьякову (15 января, 1883 г.) он прямо признавался: «...я портретов, в сущности, никогда не любил и, если делал сносно, то только потому, что я любил и люблю человеческую физиономию» [2, с. 299].

Здесь я должен заметить, что письма И.Н.

Крамского не переиздавались более шестидесяти лет. Однако издания середины пятидесятих годов прошедшего века не потеряли своей актуальности. Так многие выдержки из писем И.Н. Крамского и П.М. Третьякова приводятся на этих страницах из книги: Переписка И.Н. Крамского: И.Н. Крамской и П.М. Третьяков. 1869 – 1887. М.: Искусство. 1953.- 459 с. Найти там нужные письма можно по датам, приводимым в этой статье.

Однако, вернёмся к Крамскому. «Не любил» писать портреты - мягко сказано. Он ненавидел эту, как он называл «механическую работу». Об этом мы узнаём из другого письма П. М. Третьякову. 30 августа 1877 года Крамской писал: «...с ужасом помышляю о том времени, когда надо будет воротиться к своим обычным занятиям – портретам. Я испытал уже это чувство после первой картины (после окончания картины «Христос в пустыне» - А.Х.) и помню, как мне было больно приниматься за механический труд, но теперь на меня просто находит ужас» [2, с. 201].

И мечтал писать картины.

Между созданием портретов ему всё же удалось написать несколько картин. Это «Русалки» по повести Н. В. Гоголя «Майская ночь», «Христос в пустыне», «Неизвестная», «Неутешное горе», «Осмотр старого дома».

Кстати, последняя картина, построенная полностью на законах линейной перспективы (на холсте отчётливо видны следы карандаша), может активно использоваться художниками-педагогами, при трёхмерной реконструкции интерьеров в системе обучения студентов по направлениям подготовки «Искусство интерьера» и «Дизайн среды» [3, с. 169-174] и при изучении изобразительного искусства, начертательной геометрии и черчения на направлении подготовки «Педагогическое образование» [4, с. 272-276].

Но картины не давали возможности И.Н. Крамскому содержать семью, которая из года в год увеличивалась. Вместе с семьёй росли и расходы. Так, к 1880 году у Крамских было уже шестеро детей. Для такой семьи каждый месяц требовалось не меньше 800 - 1000 рублей, которые Иван Николаевич мог заработать главным образом, работая над портретами. Об этом Крамской иногда жаловался Третьякову – своему основному портретному заказчику. Павел Михайлович Третьяков в общении с Крамским был неизменно внимательным и корректным. Он тепло и по-дружески относился к семье худож-

ника. К примеру, супруга Крамского с детьми, не раз отдыхала летом на даче Третьяковых, в Кунцево, под Москвой. Этой услугой Павел Михайлович на несколько месяцев развязывал руки художнику, снимая с него заботы о семье. В такие периоды Крамской брался за свою большую картину («Радуйся царю Иудейский». «Хохот»), над которой трудился много лет. Но лето проходило, семья возвращалась «на зимние квартиры», а вместе с ней, - и заботы о хлебе насущном. И художник, наступив на горло своей песне, вынужден был оставить работу над картиной и вновь браться за заказные портреты.

И дело дошло до того, что в отчаянии Крамской стал обращаться к состоятельным людям с предложением «купите меня».

Впервые он озвучил это предложение в письме к П.М. Третьякову. Сначала идея выглядела в виде досужего рассуждения.

А предложение состояло в том чтобы... Впрочем, дадим слово самому художнику. Писал он 29 декабря 1879 года: «Если бы (допускаю на минуту) мне предложили на год, на два ... деньги с тем, чтобы, отказавшись от заказов, я занялся бы тем, чем должен и хочу, то признаюсь Вам, как это ни заманчиво было бы для меня, я откажусь...». [5, с. 28].

На мой взгляд, Крамской лукавил. Он ждал и надеялся, что П.М. Третьяков в ответ на этот намёк предложит ему именно такую форму сотрудничества. Но Павел Михайлович игры не принял, промолчал, и тогда Крамской, через год, точнее, ровно через одиннадцать месяцев, 29 ноября 1880 года обратился с конкретной просьбой к А.С. Суворину.

Алексей Сергеевич Суворин литератор, журналист, редактор и издатель популярной газеты «Новое время» активно общался с художниками. Крамской был знаком с ним много лет и знал его достаточно близко, чтобы обратиться с необычным предложением: «Вообразите, с какой просьбою обращаюсь к Вам, – писал художник, - Не желаете ли Вы купить меня? Или не можете ли дать мне содержание до июня месяца будущего года, т. е. до конца моей картины?». И уже без намёков и без игры называет конкретные суммы: «В состоянии ли Вы располагать *двумя тысячами* (курсив в письме – А.Х.) в первых числах декабря и по 600 рублей ежемесячно с 1-го Января нового года до июля месяца? Всего, значит, Вы израсходуете 5000 тысяч рублей сер. (серебром – А.Х.). В обеспечение Вы получаете всё, что мной будет сделано до срока москов-

ской выставки...» [5, с. 56 - 57].

Т. е. уже никаких стеснительных намёков, как было в письме к Третьякову. Здесь всё конкретно: суммы, сроки, обеспечение. Всё продумано, принято твёрдое решение и выбран конкретный человек. Кстати, И.Н. Крамской создал два портрета А.С. Суворина - в 1876 и в 1881 году. Первый находится в Пушкинском доме, второй - в Государственном русском музее, в Санкт-Петербурге.

Необычность своей просьбы Крамской объясняет в конце этого удивительного письма: «Последние два года привели меня к необходимости отказаться от портретов вовсе... Время уходит, мне уже 43 года и если я имею время ещё, то не больше 5 - 6 лет бодрых и ясных. Что Вы на это скажете?»

Самое интересное в этой истории то, что Суворин... согласился!

Об этом мы узнаём из двух следующих писем Крамского (первое письмо без даты; второе - от 21 января 1881 года). В первом письме он уведомляет Суворина, что «...две тысячи рублей (2000 р.) получил...». Во втором письме напоминает, что «...предположенное обеспечение на февраль месяц мне будет нужно» [5, с. 58]. Значит, можно сделать вывод, что художнику выплачены не только две тысячи рублей, но исправно выплачены и первые 600р. за прошедший январь.

Вот такой необычный приём применил И.Н. Крамской, чтобы хоть на полгода освободиться от душивших его портретов.

Завершив договор с А.С. Сувориным, художник опять вернулся к работе над портретами. Но он не оставлял мысли повторить удавшийся эксперимент.

Проходит немного времени, и осенью 1882 года Крамской повторяет приём. Он обращается с такой же просьбой «я себя продаю: кто купит?» к известному всем художникам владельцу магазина картин, эстампов, художественных принадлежностей и литографской мастерской в Петербурге. Александру Ивановичу Бегрову: «Не можете ли Вы меня взять на аренду? Всё, что я сделаю, будет Ваше (исключая картины «Радуйся царю иудейский». «Хохот»), а Вы мне платите ... 1000 р. ежемесячно» [5, с. 99]. Бегров, как купец и практичный человек, ответил, что «это неопределённо» и затянул переговоры. В общем, Крамской понял, что с Бегровым такой союз заключить не удастся, и уже без намёков и какой-либо игры, как было в первом пись-

ме («как это ни заманчиво было бы для меня, я откажусь...») напрямую с этим же предложением обращается к П.М. Третьякову (Письмо от 12 января 1883 г.). А когда Третьяков тоже не поддерживал эту идею, Крамской отправляет письмо человеку, личность которого исследователям установить не удалось. В письме художник обращается к нему «Ваше превосходительство». И вновь, как и в предыдущих письмах излагает тезис, как ему тяжело писать портреты и обращается с предложением «купить его». «Передо мною дилемма,- пишет И.Н. Крамской - или тянуть лямку присяжного портретиста...или попытаться найти такого чудака на свете, который бы поверил, что я могу что-нибудь сделать для русского искусства...- словом, я ищу человека, который бы решился на следующий опыт: во-первых, освободил бы меня от долгов, ...чтобы я мог спокойно немедленно сесть и работать картины, а не заказы (таковых простирается до 8 тысяч) и, во-вторых, устроил бы так, чтобы я получал каждое первое число 1000 рублей в течение одного года. Всё, что мною будет сделано в это время, будет принадлежать без всяких ограничений тому, кто предпримет опыт». И приводит пример, как А.Н. Демидов поддерживал в своё время Карла Брюллова в Италии и тот, ни в чем не нуждаясь, сумел создать картину «Последний день Помпеи», которая стала собственностью А.Н. Демидова и которую он подарил Императорской Академии художеств [5, С. 108].

В письме к «Неизвестному» обращает на себя внимание то, что Крамской уже ничем не ограничивает свои обязательства перед тем, кто откликнется на его предложение. Раньше он был готов отдать всё, кроме картины «Радуйся царю иудейский». «Хохот». Теперь готов отдать и картину, веря, что за год свободной работы, без портретов и заказов, он её выполнит.

Но такого «чудака» больше не нашлось, и художник был вынужден вновь надеть на себя лямку «присяжного портретиста», что в конечном итоге и прославило его на века.

Изучение писем И.Н. Крамского даёт возможность последить ход работы над тем или иным портретом. Наиболее полно в строках писем П.М. Третьякова и И.Н. Крамского раскрывается история создания изображения писателя Ивана Александровича Гончарова. По письмам можно проследить весь путь создания данного портрета. Буквально от замысла, зародившегося у коллекционера и заказчика до последних мазков, положенных живописцем.

Уникальный эпистолярный материал содержит множество не известных ранее фактов, связанных с этапами работы Крамского над данным портретом. Причём, события в письмах выглядят выпуклыми, зримыми, живыми. В старых строчках невольно проявляются и черты характеров их сочинителей. Перед читателями предстают не непогрешимые гении, а обыкновенные люди со своими достоинствами и недостатками. Мысли авторов писем бегут и ложатся в строчки, далёкие от редактирования. Эта живинка неизбежно теряется, уходит, исчезает в последующих восторженных одах в честь гениев, в каких со временем мы превращаем авторов этих писем. А в ходе сочинения письма человек общается только со своими мыслями, и он намного искреннее сам с собой, чем во время контактного диалога. Поэтому в письмах можно обнаружить многое из того, что автор, быть может, и не хотел бы обнаружить.

Судьбу и историю создания того или иного произведения не всегда удаётся проследить, так как художники, в большинстве своём, народ немногословный. Тем дороже становится то, что удаётся узнать о творческом процессе живопис-

ца из писем, где отражено всё: и маленькие хитрости художника, и великое терпение, и такт заказчика.

Коллекционером и заказчиком в данном случае выступал Павел Михайлович Третьяков

Полностью материал о создании портрета И.А. Гончарова опубликован мною в журнале «Художественная школа», 2009г, №5 (32) [6, с. 30 -35].

Список литературы:

1. Хворостов. А.С. Крамской с чужими регалиями // European social science Journal. - 2014. - № 1 (40). - т. 1. С.149-156.
2. Переписка И.Н. Крамского: И.Н. Крамской и П.М. Третьяков. 1869 – 1887. - М.: Искусство, 1953. - 459 с.
3. Хворостов Д.А. Современные методы преподавания дизайна среды // European Social Science Journal. - 2015. № 1-2 (52). С. 169-174.
4. Савельева О.П. Актуальные вопросы профессиональной подготовки художника-педагога в условиях модернизации образования // Южно-Уральский педагогический журнал. 2009. № 1. С. 272-276.
5. Иван Николаевич Крамской. Письма, статьи в двух томах. т. 2. - М.: Искусство, 1965. – 531 с.
6. Хворостов А.С. Портрет И. А. Гончарова кисти И. Н. Крамского // Художественная школа. – 2009. - №5 (32). Стр. 30 -35.

УДК 662.81/84

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ КЛАССИЧЕСКОГО ЕВРАЗИЙСТВА

Ибраев М.У.

В статье показано, что классификацию истории собственно политической теории евразийства удобно проводить персонализировано: то есть через разработки соответственно Н.С. Трубецкого - изложение сущности евразийского политического проекта, П.Н. Савицкого - обоснование евразийского политического проекта и Н.Н. Алексеева - практическое воплощение евразийского политического проекта. И в этой связи характеристику трех аспектов евразийского политического проекта имеет смысл предварить анализом идейной эволюции каждого из этих евразийцев, влиянием среды (и, в особенности, исторических условий) на становление их мышления, а также рассмотрением связи их концепций с социально-политическими учениями прошлого.

Ключевые слова: Евразийство, неоевразийство, цивилизация, культура, нации, интеллигенция.

The paper shows that the proper classification of the history of political theory of Eurasianism is convenient to personalized: that is, through the development, respectively N.S. Trubetsky - summary of the Eurasian political project, P.N. Savitsky - justification Eurasian political project and N.N. Alekseev - practical incarnation of the Eurasian political project. And in this regard, three aspects characteristic of the Eurasian political project makes sense to anticipate the analysis of the ideological evolution of each of the Eurasians, the influence of the environment (and, in particular, the historical conditions) on the formation of their thinking, and consideration of their relation to the concepts of social and political doctrines of the past.

Key words: Eurasianism, the Neo-urasism, civilization, culture, nation, and the intelligentsia.

Евразийство - философское, социально-политическое и идеологическое течение, а также политическое движение, зародившееся в среде русской эмиграции в начале 20-х гг. XX века. Среди прочих направлений эмигрантской мысли, евразийство выделяется не только своей масштабностью - с ним связаны имена нескольких десятков крупнейших мыслителей и ученых, вынужденных покинуть Россию после Октябрьской революции - но также внутренней целостностью, сочетанием активной практической деятельности с плодотворной теоретической работой. Это позволяло евразийской идее существовать в том или ином виде на протяжении всего XX века (в особенности через творчество Л.Н. Гумилева), а в современности трансформироваться в т.н. «неоевразийство». Классическое евразийство, в отличие от более поздних его форм, хронологически занимает гораздо более короткий исторический промежуток: с 1921 (выход сборника «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» в Софии) до 1929 года (т.н. «кламерский раскол», связанный с появлением под началом Л.Н. Карсавина левого крыла евразийства, и выход из движения по разным причинам значительной части участников, включая одного из его основателей - Н.С. Трубецкого). У истоков евразийства стояли князь и ученый-лингвист Николай Сергеевич Трубецкой, экономист и дипломат Петр Николаевич Савицкий, богослов и священнослужитель Георгий Васильевич Флоровский, а также книгоиздатель и предприниматель Петр Петрович Сувчинский. Творчество Трубецкого и Савицкого представляет особый интерес, поскольку именно их авторству принадлежит практически вся понятийно-категориальная сетка классического евразийства (включая собственно категорию Евразии, а также автаркии, месторазития, идеи-правительницы, идеократии и др.); именно они приняли участие в разработке наибольшего числа специфических для евразийства тем; и, наконец, именно они создали внутренне непротиворечивую целостную политическую концепцию и специфическую евразийскую модель российской государственности. Последняя, в свою очередь, может рассматриваться как системообразующий каркас всего евразийства, через который оказываются связаны основные мотивы классической евразийской мысли.

К числу евразийцев в классический период его развития себя относили такие мыслители, как: Н.С. Трубецкой (с 1921г.), П.Н. Савицкий (с 1921г.), П.П. Сувчинский (с 1921г.), Г.В. Флоровский (с 1921г.), А.В. Карташев (с 1922г.), П.М. Бицилли (с

1922г.), Г.В. Вернадский (с 1923г.), В.Н. Ильин (с 1923г.), Н. Арсеньев (с 1923г.), М. Шахматов (с 1923г.), Я. Садовский (с 1923г.), Н.Н. Алексеев (с 1924-1925г.), Л.П. Карсавин (с 1925г.), В.Э. Сеземан (с 1925г.), Д.П. Святополк-Мирский (с 1925г.), Е. Богданов (с 1926г.), С. Пушкарев (с 1927г.). В. Никитин (с 1927г.) и др. Учитывая столь обширное число участников движения, нельзя не отметить априорную невозможность абсолютного тождества их взглядов. И несомненно, что в творчестве мыслителей имело место быть наличие стилистических различий, а подчас и несовместимых позиций (проявившихся с момента выхода из рядов движения одного из его основателей - богослова Г.В. Флоровского уже в 1923г., и заканчивая идейно-политической борьбой Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого и Н.Н. Алексеева против Л.П. Карсавина, П.П. Сувчинского и др. «левых» евразийцев, пошедших в сторону сближения с официальной идеологией Советского Союза). Однако при этом вплоть до 1926–1927гг. в среде евразийцев имело место довольно необычное единство взглядов. Собственно, наиболее удачный термин, характеризующий это состояние классического евразийства, подобрал Н.С. Трубецкой - евразийство в его понимании суть особое *миросозерцание*; не отдельно теория, практика, философия или политика, но особый тип мышления, особый взгляд на мир, на основе которого, уже в качестве продукта, рождаются собственно евразийская теория, евразийская практика, евразийская философия и евразийская политика. Принципиальным для евразийского миросозерцания является готовность разделять несколько фундаментальных основоположений - все остальное же является лишь следствием этого специфического взгляда на мир. Именно таким мягким критерием для входа в состав участников евразийства объясняется обилие его членов, равно как и их относительная идейная гомогенность - вплоть до попытки Л.П. Карсавина заменить основоположения классического евразийского миросозерцания. Последние можно сформулировать в трех пунктах, которые, так или иначе, присутствуют в творчестве всех классических евразийских мыслителей:

1) понимание России как особого *историко-географического пространства - Евразии*, в чем-то похожей, но в то же время абсолютной отличной как от Европы, так и Азии, представляющей собой срединный автаркический мир, с уникальной самобытной культурой, освобождение и развитие которой является важнейшей исторической задачей евразийского движения[1, с.521-522; 2,

с.523-529; 3,68с.; 4];

2) *непринятие* для Евразии любого вида *философского донорства*, т. е. влияния идей, исторически зародившихся за пределами её пространства (включая, в первую очередь, марксизм, атеизм и др. направления мысли, возникшие в Европе и привнесенные в Россию после Октябрьской революции) [5, 82 с.; 6, с. 94-114; 7, 78 с.; 8, 309 с.];

3) специфический *идеалистический взгляд* на философские проблемы, оценивающий все проявления материального мира с точки зрения набора духовных ориентиров (в первую очередь, религиозного плана, лежащего в основу общественной морали [3, 68 с.; 9, 54 с.; 10, 31 с.; 11, 302 с.]).

Практически в любой из работ евразийских мыслителей того периода можно найти указанные мотивы. Нельзя не отметить, что и многие из них содержательно строятся в рамках этой триединой схемы:

- путем апелляции к существованию некоего специфического историко-географического пространства обычно происходит *постулирование* (утверждение) некоего основополагающего тезиса, подлежащего обоснованию (например, у Н.С. Трубецкого [1, с. 521-522; 2, с. 523-529]: Россия есть особый автаркический мир; у П.Н. Савицкого [3, 68с.]: Евразия есть разновидность особого месторазвития; у Г.В. Вернадского [12, 264 с.]: историко-географическое соприкосновение России с Азией смешало славянский и туранский элементы в единую евразийскую общность и т.д.);

- путем критического обзора реалий России в сопоставлении с факторами внешнего влияния происходит *обоснование* (подкрепление) основополагающего тезиса (например, у Н.С. Трубецкого: непонимание сути самобытности (в позднем творчестве - автаркичности) и слепое копирование миром Евразии европейских культурных образцов - причина отстающего развития России [5, 82 с.; 13, с. 86-103]; у П.Н. Савицкого: характерное для Европы подчинение политики экономики ведет к духовной деградации месторазвития - а марксизм, как род «воинствующего экономизма» [14, 446 с.], привносит этот негативный элемент в Евразию; у Г.В. Вернадского [8, 309 с.]: непонимание смешанной славяно-туранской сущности населения России и начавшееся с Петра Великого стремление в Европу - означает потерю самобытности, отход от естественного культурного кода и т.д.);

- посредством идеалистического философского метода происходит утверждение позитивной евразийской модели решения проблемы (например, у Н.С. Трубецкого: решить проблему непонимания

сути автаркии и сопряженных с этим проблем может государство, построенное на истинной идеократической платформе, идеей-правительницей которой будет выступать, собственно, благо автаркии [2, с. 523-529]; у П.Н. Савицкого: победа над «воинствующим экономизмом» как основой всеобщего стяжательства может произойти только при усилении «благодатного голоса Церкви» [14, 446 с.], перестройке государства по византийскому образцу; у Г.В. Вернадского [12, с. 206-215]: смена идеологии, признание народом евразийской сущности - основа духовного и нравственного возрождения России и т.д.).

Классическое евразийство в этом смысле является концепцией:

- в философско-методологическом отношении - *идеалистической* (поскольку для подавляющего большинства его членов, включая всех его основателей, превалирование идеального начала над материальным - факт несомненный);

- в историософском отношении - *релятивистской* (поскольку общим для участников движения выступает принцип мультиленности исторического развития — отказ от идеи прогресса как существования объективной линии общественного развития, равно как и отказ от признания наличия центров мирового развития, вроде традиционного понимания Европы как «колыбели цивилизации»);

- в хозяйственном отношении - *антиэкономичной* (поскольку лишает экономику статуса базиса общественных отношений, ставя её в зависимость от идеологии и её проводника - политики);

- в политическом отношении - *этатистской* или *государственно-центричной* (поскольку наделяет государство особым статусом хранителя фундаментального идеального начала человеческого общежития, которое, однако, исходит не от самого государства, но от народа), с сильным тяготением к византийскому пониманию общественно-политического идеала; при этом важно также подчеркнуть, что этатизм классического евразийства с политической точки зрения скорее относит направление к числу *правых политических концепций*, что дополнительно подтверждается признанием важности частной собственности в государстве, в том числе на общественно-значимые средства производства;

- в духовно-нравственном отношении - в основе своей *мистически-религиозной*.

Признавая возможность существования альтернативных способов периодизации истории евразийской мысли, удобнее всего рассматривать классическое евразийство как прошедшее в своем

развитии четыре этапа, три из которых являются самостоятельными.

1. 1920г. - этап «протоевразийства».

В данный период в свет в Софии (Болгария) выходят в свет брошюра Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» [5, 82 с.] и ответная статья П.Н. Савицкого «Европа и Евразия (По поводу брошюры кн. Н.С. Трубецкого „Европа и Человечество“)» [15, с. 119-138], содержащая критический обзор предложений Н.С. Трубецкого и впервые вводящая в оборот термин «Евразия» не в традиционном географическом, но историко-географическом значении синонима России. Две эти работы составляют фундамент всего евразийского движения, поскольку содержат в себе философское обоснование и основу понятийно-категориальной сетки всего будущего направления. Кроме того, именно в данных работах были сформулированы основные позиции евразийского мироощущения, на базе которого был разработан проект евразийского государства.

2. 1921-1925гг. - этап становления классического евразийства.

К движению присоединяются новые участники, выходят в свет основополагающие труды классического евразийства, составляющие основной пласт теоретического населения направления. К их числу относятся сборники: четыре первых сборника евразийства «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга первая» (1921), «На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая» (1922), «Евразийский Временник. Непериодическое издание. Книга третья» (1923) и «Евразийский Временник. Непериодическое издание. Книга четвертая» (1925), объединенных сквозной нумерацией [16, 125 с.; 17, 356 с.; 18, 174 с.; 19, 446 с.], а также сборник «Россия и латинство» [20, 219 с.], концентрирующийся на вопросах религиозной тематики. Важность данных работ для классического евразийства отмечается большинством современных исследователей евразийской философии, включая Г.В. Жданову, В.В. Кожина, В.Я. Пащенко [21, 446 с.] и, в особенности, М.А. Маслина, посвятившего этому вопросу специальное исследование [22, с. 245-253]. До 1925 года в евразийстве идет оформление евразийства как целостной теории, формируется и уточняется содержание специфического понятийно-категориального аппарата направления, а также закладываются основы для перехода евразийства из исключительно теоретической в практическую плоскость.

3. 1925-1927 гг. - кульминация развития клас-

сического евразийства.

В рамках данного этапа происходит оформление евразийства как политической организации. При участии П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого и Н.Н. Сувчинского в Париже в 1926г. создается Совет Евразийства как высший политический орган движения, проходит Первый съезд евразийства. П.Н. Савицкий пытается наладить связи с русским подпольем в СССР, для чего конспиративно посещает Москву.

В этот период возникает собственно политическая концепция евразийства. Так, П.Н. Савицким в работе «Россия - особый географический мир. I. Континент-океан. II. Географический обзор России-Евразии» [3, 68 с.] определяется содержание категории «месторазвитие», которая ляжет в основу «автаркического мира» [1, с. 521-522; 2, с. 523-529] Н.С. Трубецкого и сыграет ключевую роль в оформлении политического учения евразийства; а предложенный П.Н. Савицким концепт идеиправительницы евразийского государства найдет своё оформление и развитие в виде законченного учения Н.С. Трубецкого об идеократическом государстве, ставшего основной евразийской моделью российской государственности [23, 94 с.].

Наивысшей точкой развития евразийства становится публикация основополагающих программных документов движения, в концентрированном виде содержащих все ключевые положения классической евразийской концепции: «Евразийство (опыт систематического изложения)» [24, 78 с.], и «Евразийство (формулировка 1927г.)» [25]; последний документ, составленный П.Н. Савицким в ходе поездки в Россию был поддержан на тот период большинством участников движения. Кроме того, после трехлетнего перерыва, в тот же период публикуется последняя - пятая - книга «Евразийского временника» [26, 309 с.], по признанию самого Савицкого, «одно из удачнейших в научном смысле евразийских изданий» [27, с. 429].

С 1925 по 1927 гг. евразийство имеет наибольшее число своих сторонников: в состав движения входит Л.П. Карсавин и Н.Н. Алексеев, которые, после распада классического евразийства, станут во главе, соответственно, левого и правого направлений постклассического евразийства. Наиболее существенными работами Л.П. Карсавина в рамках ещё классического евразийства становится текст «О сомнении, науке и вере (три беседы)» [10, 31 с.], а также книга «Церковь, личность и государство» [11, 302 с.], содержащая учение о т.н. «симфонических личностях» - социальных общно-

стях различной степени масштабности, сыгравшей роль в раскрытии религиозной и этической тем евразийства. Н.Н. Алексеевым же публикуется программный документ «Евразийцы и государство» [4], содержащий основные положения концепции *демотического государства* как антипода западной механической демократии, а также содержательно значимая работа «На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности)» [7, 78 с.], с правовой точки зрения обосновывающий преимущества советской *формы* (важно подчеркнуть - лишь формы, без учета коммунистического идеологического фактора) правления перед прочими формами государственного устройства (в особенности западными), а также возможности практического преобразования Советского Союза в подлинно евразийское (идеократическое) государство, в том понимании, как это представляли себе П.Н. Савицкий и Н.С. Трубецкий.

4. 1928-1929 гг. - завершающий этап классического евразийства.

Ряд публикаций в эмигрантской прессе рубежа 1927-1928 гг. открыл некоторые факты из деятельности советской разведки и контрразведки: в частности, подробности операции Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) «Трест», направленной на проникновение в ряды эмигрантского движения с целью создания обширной агентурной связи и устранения наиболее опасных антисоветских элементов. Как выяснилось, практически все связи, налаженные П.Н. Савицким с так называемым «советским подпольем» оказались фиктивными, а внутри Советского Союза уже не было реально значимых социальных групп, готовых поддержать евразийскую программу. Надежды на перехват власти из рук большевиков, возникшие к переходом в СССР к новой экономической политике и либерализации общественной жизни, оказались ложными. Это внесло серьезный раскол в ряды евразийцев, подорвало внутреннее единство движения, усилило дух подозрительности и взаимного недоверия. Некогда единое, евразийство начало распадаться: всё больше ещё участников отказывались продолжать свою работу. Наиболее серьезным в этом отношении было решение Н.С. Трубецкого порвать связи с организованным евразийством, сосредоточив свои усилия исключительно на преподавательской и научной работе. Трубецкой сам по себе тяготился политизацией евразийства, полагая его миссию исключительно как просветительскую, направленную на формирование в массах евразийского ми-

росозерцания, лишь со временем способного возыметь положительный эффект; и крах политических надежд П.Н. Савицкого стал для Н.С. Трубецкого лишь поводом для выхода из движения.

Уже без Н.С. Трубецкого выходит в свет последний - шестой, согласно сквозной нумерации - сборник евразийских работ «Евразийский Сборник» [28, 80 с.], включивший статьи Н.Н. Алексеева, П.Н. Савицкого, В.Н. Ильина, а также практиков евразийства Н.А. Клепинина и К.А. Чхеидзе. Существенно меньшая по объему в сравнении с прочими евразийскими сборниками, шестая книга евразийства явственно показывала угасание движения.

Параллельно с этим, многие из его участников начинают открыто призывать к ревизии самих основ классического евразийства, в частности положения о непринятии для Евразии любого вида философского донорства. В противовес «Евразийской хронике» в Париже начинает в 1928г. издаваться газета «Евразия» под редакцией историка-медиевиста Л.В. Карсавина (проживающего в Кламере), примкнувшего к евразийскому движению в 1925 году при поддержке П.П. Сувчинского. Вместе с Д.П. Святополком-Мирским, Л.В. Карсавин и П.П. Сувчинский возглавляют левый уклон евразийства, фактически — занимая, просоветские позиции. Отказываясь от концепции несовместимости марксизма с национально-державным евразийским строительством и признавая Советскую власть в качестве постоянной, редакторы газеты «Евразия» разошлись во мнении как с Н.С. Трубецким, так и П.П. Савицким, для которых новое «левое» евразийство являлось несовместимым с самими основами создаваемой ими концепции. Начался так называемый «кламерский раскол». П.Н. Савицкий и Н.Н. Алексеев, а также В.Н. Ильин отказываются от дальнейшего сотрудничества с левым направлением, выражая свою консолидированную позицию в работе «О газете „Евразия“ (газета „Евразия“ не есть евразийский орган)» [29, 30 с.] в 1929 году. Данный текст стал одним из последних в истории классического евразийства как организованного движения.

Уже бывшие его участники продолжали свои теоретические разработки самостоятельно - и хотя в начале 30-х гг. при активном участии Н.Н. Алексеева и П.Н. Савицкого была предпринята ещё одна попытка создания Евразийской партии, становилась очевидной практическая нецелесообразность продолжения подобной активности: укрепление единоличной власти Сталина в Советском Союзе ставило крест на реализации политической

программы евразийства в том виде, в какой её предлагали классики направления.

Поскольку евразийство существовало не столько как единое философское или идейное направление, но как род особого мирозерцания, совершенно очевиден факт множественности тем, существующих в его рамках. Совершенно ошибочной представляется точка зрения, считающая евразийство исключительно либо политическим, либо религиозным, либо географическим (геополитическим), либо культурологическим, либо этическим направлением мысли. Каждый из этих мотивов в том или ином виде имеет специфически евразийское прочтение. Собственно, вообще для классического евразийства в гораздо большей степени, чем для любого другого направления мысли, характерен факт идейного «разделения труда» [9, 54 с.; 27, с. 412-450], когда каждый из участников движения имеет собственную тему, развивая её и дополняя её каждой новой статьёй или иным типом издания. Так, религиозную тему традиционно вели Г.В. Флоровский, и историки-медиевисты. Л.П. Карсавин и П. Бицилли; географическими вопросами занимались П.Н. Савицкий и Г.В. Вернадский; культурологическая евразийская концепция была разработана П.Н. Трубецким; правовая тема - специфический род интересов Н.Н. Алексеева.

Политические же вопросы, как уже было отмечено, оставались прерогативой основателей движения - Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого. Именно с ними связан основной массив идей политического характера, куда, несомненно, входят понятия месторазвития и идеи-правительницы П.Н. Савицкого с одной стороны, и автаркии и идеократии Н.С. Трубецкого - с другой. Однако если авторству Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого принадлежит собственно *историософское обоснование евразийской государственности и модель евразийского государства*, то наиболее подробно *практический аспект* воплощения этой идеи в жизнь в рамках России оказывается разработкой Н.Н. Алексеева.

Таким образом, классификацию истории собственно политической теории евразийства удобно проводить персонифицировано: то есть через разработки соответственно Н.С. Трубецкого - изложение сущности евразийского политического проекта, П.Н. Савицкого - обоснование евразийского политического проекта и Н.Н. Алексеева - практическое воплощение евразийского политического проекта. И в этой связи характеристику трех аспектов евразийского политического проекта имеет смысл предварить анализом идейной эволюции

каждого из этих евразийцев, влиянием среды (и, в особенности, исторических условий) на становление их мышления, а также рассмотрением связи их концепций с социально-политическими учениями прошлого.

Список литературы

1. *Трубецкой Н.С.* Мысли об автаркии. // Трубецкой Н.С. Избранное. - М.: Изд-во: «РОССПЭН», - 2010. - С.521-522.
2. *Трубецкой Н.С.* Об идее правительнице идеократического государства. // Трубецкой Н.С. Избранное. - М.: Изд-во: «РОССПЭН», - 2010. - С.523-529.
3. *Савицкий П.Н.* Россия - особый географический мир. I. Континент-океан. II. Географический обзор России-Евразии. - Прага: «Евразийское книгоиздательство», - 1927. - 68с.
4. *Алексеев Н.Н.* Евразийцы и государство. // Евразийская хроника. - 1927. - Выпуск 9.
5. *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество. - София: «Российско-Болгарское книгоиздательство», - 1920. - 82с.
6. *Савицкий П.Н.* Европа и Евразия (По поводу брошюры кн. Н.С. Трубецкого «Европа и Человечество»). // Савицкий П.Н. Избранное. - М.: Изд-во: «РОССПЭН», - 2010. - С.94-114.
7. *Алексеев Н.Н.* На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности). - Берлин-Париж: Изд-во: «Евразийское книгоиздательство», - 1927. - 78с.
8. *Вернадский Г.В.* Монгольское иго в русской истории. // Евразийский Временник. Непериодическое издание. Книга пятая. / Под. ред: Савицкого П.Н., Сувчинского П.П., Трубецкого Н.С. - Париж: Изд-во: «Евразийское книгоиздательство», - 1927. - 309с.
9. *Савицкий П.Н.* В борьбе за евразийство: Poleмика вокруг евразийства в 1920-х годах // Тридцатые годы: Утверждение евразийцев. Книга 7. - Париж: Изд-во: «Евразийское книгоиздательство», - 1931. - 54с.
10. *Карсавин Л.П.* О сомнении, науке и вере (три беседы). - Берлин: Изд-во: «Евразийское книгоиздательство», - 1925. - 31с.
11. *Карсавин Л.П.* Церковь, личность и государство. - Париж: «Евразийское книгоиздательство», - 1927. - 302с.
12. *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. Часть первая. - Прага: «Евразийское книгоиздательство», - 1927. - 264с.
13. *Трубецкой Н.С.* Верхи и низы русской культуры. // Исход к Востоку: Предчувствия и свершения. - София: «Российско-болгарское книгоиздательство», - 1921. - С. 86-103.
14. *Савицкий П.Н.* Евразийство. // Евразийский Временник. Непериодическое издание. Книга четвертая. / Под. ред: Савицкого П.Н., Сувчинского П.П., Трубецкого Н.С. - Берлин: Изд-во: «Евразийское книгоиздательство», - 1925. - 446с.
15. *Савицкий П.Н.* Европа и Евразия (по поводу брошюры кн. Н.С. Трубецкого «Европа и человечество»). // Русская мысль. - 1921. - Кн.1/2. - С.119-138.
16. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга первая. / Савицкий П.Н., Сувчинский П.П., Трубецкой Н.С., Флоровский Г.В. - София: «Российско-Болгарское книгоиздательство», - 1921. - 125с.

17. На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. / Сост.: Савицкий П.Н., Карташева А.В., Сувчинский П.П., Трубецкой Н.С., Флоровский Г.В. - Берлин, - 1922. - 356с.
18. Евразийский Временник. Непериодическое издание. Книга третья. / Под. ред: Савицкого П.Н., Сувчинского П.П., Трубецкого Н.С. - Берлин: Изд-во: «Евразийское книгоиздательство», - 1923. - 174с.
19. Евразийский Временник. Непериодическое издание. Книга четвертая. / Под. ред: Савицкого П.Н., Сувчинского П.П., Трубецкого Н.С. - Берлин: Изд-во: «Евразийское книгоиздательство», - 1925. - 446с.
20. Россия и латинство. Сборник статей. / Сост.: Статьи: Бицилли П.М., Вернадский Г.В., Ильин В.Н., Карташев А.В., Савицкий П.Н., Сувчинский П.П., Трубецкой Н.С., Флоровский Г.В. - Берлин: Изд-во: «Евразийское книгоиздательство», - 1923. - 219с.
21. *Пащенко В.Я.* Идеология евразийства. - М.: Изд-во: «МГУ», - 2000. - 446с.
22. *Маслин М.А.* Евразийские временники как источник классического евразийства. // Евразийская идея и современность: Сб. статей. - М.: Изд-во: «РУДН», - 2002. - С.245-253.
23. *Трубецкой Н.С.* К проблеме русского самопознания. Собрание статей. - Париж: Изд-во: «Евразийское книгоиздательство», - 1927. - 94с.
24. Евразийство (опыт систематического изложения). - Париж: Изд-во: «Евразийское книгоиздательство», - 1926. - 78с.
25. Евразийство: формулировка 1927 года. // Евразийская хроника. - 1927. - Выпуск 9.
26. Евразийский Временник. Непериодическое издание. Книга пятая. / Под. ред: Савицкого П.Н., Сувчинского П.П., Трубецкого Н.С. - Париж: Изд-во: «Евразийское книгоиздательство», - 1927. - 309с.
27. *Савицкий П.Н.* Евразийская библиография 1921–1931гг. // Савицкий П.Н. Избранное. - М.: Изд-во: «РОССПЭН», - 2010. - С.412–450.
28. Евразийский Сборник. Книга шестая. / Под. ред.: Алексеева Н.Н., Ильина В.Н., Клепинина Н.А., Савицкого П.Н., Чхеизде К.А. - Прага: «Евразийское книгоиздательство», - 1929. - 80с.
29. *Алексеев Н.Н., Ильин В.Н., Савицкий П.Н.* О газете «Евразия»: газета «Евразия» не есть евразийский орган. - Париж: «Евразийское книгоиздательство», - 1929. - 30с.

ИСТОРИЯ

УДК 94 (476 – 15) + 94 (438)

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РАБОТА ПРОПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Кривуть В.И.

В статье на основе анализа архивных и документальных источников освещаются основные направления культурно-просветительской деятельности ведущих проправительственных молодежных союзов и объединений в ходе реализации ими официальной молодежной политики на территории Западной Беларуси в 1920 – 1930-е годы.

Ключевые слова: Западная Беларусь, молодежь, молодежное движение, проправительственные организации, культурно-просветительская работа, межвоенный период.

On the basis of analysis of archival and documentary sources, highlights the main areas of cultural and educational activities of the leading pro-government youth unions and associations in the course of their official youth policy in the Western Belarus in 1920 - 1930-ies.

Keywords: Western Belarus, the youth, the youth movement, the pro-governmental organizations, cultural and educational activities, the interwar period.

Изучение проблематики официальной воспитательной политики, в том числе и в культурно-просветительской сфере, всегда будет сохранять научную и практическую актуальность. Молодое поколение как социально-демографическая группа, которая выделяется на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и связанных с этим социально-психологических качеств, является важной составляющей частью любого общества. Так или иначе, власти стремятся реализовывать определенную молодежную политику, направленную на подготовку подрастающего поколения к вступлению во «взрослую жизнь», формирование у него качеств, необходимых для того, чтобы стать субъектом активной политической, экономической и культурной деятельности на благо существующего государства и общества. При этом большое значение приобретают проправительственные молодежные организации и объединения, которые становятся своеобразным инструментом проведения официальной молодежной политики и союзниками властей в их борьбе за молодое поколение. Таким образом, проправительственное молодежное движение превращается в неотъемлемую часть общественно-политической жизни, содействует социализа-

ции молодежи.

Все это в полной мере относилось и к ситуации на территории Западной Беларуси, которая в межвоенный период была включена в качестве трех воеводств – Виленского, Новогрудского и Полесского – в состав польского государства, так называемой 2-й Речи Посполитой. Согласно официальным данным, в 1931 г. тут проживало 1 120,1 тыс. человек в возрасте 15 – 24 лет, что составляло пятую часть всего населения региона [1, с. 16 – 17].

Именно на эту категорию населения была направлена деятельность многочисленных проправительственных молодежных объединений. Так, Стрелецкий союз «Стрелец» основное внимание уделял допризывной военной подготовке, Союз сельской молодежи – Союз молодой деревни (ССМ «Сев» – СМД) занимался сельскохозяйственной подготовкой молодых крестьян, Организация трудящейся молодежи – профессиональным обучением молодых горожан, Легион молодых (ЛМ) и Союз польской демократической молодежи (СПДМ) боролись за влияние среди студентов Виленского университета. Но при этом все эти объединения одной из своих главных задач считали культурно-просветительскую работу в молодежной среде.

Так, например, в соответствии с уставом целью ССМ «Сев» – СМД было повышение духовного уровня своих членов и обогащение культуры села. Для достижения этого планировались организация и проведение чтений, библиотек, дискуссий, вечеров, хорового пения, оркестров, театральных постановок, строительство клубов [2, с. 3 – 4]. Пробуждение творческих сил, направленных на повышение культурного уровня жизни, предусматривал и устав ОТМ [3, с. 12]. Программа воспитательной работы в Стрелецком союзе также включала чтение, экскурсии и культурно-художественное воспитание [4, с. 5].

Центрами культурно-просветительской деятельности проправительственных организаций являлись их клубы (светлицы). Считалось, что они дают возможность «одновременно воздействовать на разум, чувства и волю личности, развивать определенные ее качества и одновременно готовить ее к общественной жизни и активному участию в ней» [5, с. 6]. В связи с этим молодежные союзы стремились создать широкую сеть своих светлиц.

Так, в 1935 г. в Вильно действовали 14 светлиц «Стрельца» и 1 светлица ОТМ [6, с. 259]. Согласно неполным данным официальной статистики на территории Виленского и Новогрудского воеводств в первой половине 1930-х гг. действовали 904 светлицы. Из них 279 принадлежали ССМ «Сев» – СМД и 234 – Стрелецкому союзу. Остальные были созданы другими организациями или находились в совместном пользовании. Чаще всего они размещались в наемных помещениях или в школах [7, с. 2-3]. Сложнее была ситуация на территории Полесского воеводства. В тяжелых условиях полесской деревни местный ССМ «Сев» – СМД смог создать только 45 своих собственных светлиц. Еще 18 клубов были совместными. Но, кроме этого, союз пользовался 154 светлицами, существовавшими при школах [8, с. 120-121].

Именно при собственных, совместных или школьных светлицах проправительственные организации создавали разного рода кружки, библиотеки, театральные и хоровые коллективы. Известно, что в первой половине 1930-х гг. Полесский воеводский ССМ «Сев» имел 85 библиотек, 132 театральных и 45 хоровых коллективов [9, с. 4-5]. В это же время на территории Виленского и Новогрудского воеводств при местных ССМ «Сев» действовали 337 театральных коллективов, 171 «народный театр» был организован Стрелецким союзом. Также тут было соз-

дано 103 хоровых коллектива внешкольной молодежи [10, с. 2]. Следует также отметить, что активную просветительскую работу среди сельской и особенно городской рабочей молодежи Вильно вело местное отделение СПДМ, который тесно сотрудничал в данной области с другими проправительственными союзами [11, с. 100].

Таким образом, для молодежи, искавшей применения своим силам и энергии, проправительственные организации предлагали много возможностей для самореализации в сфере культурно-просветительской деятельности. Но необходимо отметить, что эта деятельность на территории Западной Беларуси носила неоднозначный характер. Ее направленность соответствовала воспитательной политике польских властей, целью которой было чтобы «каждый украинец, еврей или немец, который родился или живет в Польше, прежде чем стать сознательным работником на ниве своего сообщества, должен быть, прежде всего, достойным гражданином Наияжнейшей Речи Посполитой» [12, с. 87]. В условиях Западной Беларуси это вело к тому, что проправительственные молодежные союзы использовались для полонизации местного белорусского населения, уничтожения его национального самосознания.

Так, большое внимание уделялось формированию репертуара художественной самодеятельности. Постановка произведений белорусских авторов рассматривалась польскими властями как проявление нелояльности. В отчете отдела общественной безопасности Полесского воеводства о деятельности ССМ «Сев» отмечалось: «В конце 1928 г., когда отдельные кружки еще находились в стадии организации, среди молодежи, которая тянулась к этим кружкам, можно было заметить тенденции к проведению любительских спектаклей преимущественно только на украинском или белорусском языках, сейчас это направление целиком изменилось, и вся молодежь, принадлежащая к кружкам сельской молодежи, во главе со своим руководством является полностью лояльной и хорошо настроенной по отношению к польскому государству» [13, л. 2]. Очень часто «чистота» репертуара «народных театров» поддерживалась при помощи административных средств. Похожим образом сложилась и ситуация и в сфере репертуаров хоровых и танцевальных коллективов. В лучшем случае рекомендовалось использовать лишь небольшое количество местного фольклорного материала. На проводимых по инициативе руководства Ви-

ленского школьного округа мероприятиях предусматривалось исполнение народных, в том числе и местных песен, инсценировка местных обрядов [14, с. 3].

Впрочем, оценивая воспитательное значение деятельности проправительственных союзов, следует учитывать и то, что даже официальные источники признавали, что культурно-просветительские мероприятия посещались местным населением лишь для участия в различного рода забавах и танцах [15, с. 123].

Таким образом, в межвоенный период на территории Западной Беларуси активно действовал целый ряд проправительственных молодежных объединений. Опираясь на серьезную поддержку со стороны польских властей, они проводили значительную культурно-просветительскую работу среди молодого поколения региона. Главный упор в этой сфере они делали, прежде всего, на создание сети клубов (светлиц) и развитие художественной самодеятельности. Но вся эта деятельность носила открытый полонизаторский характер, что значительно снижало ее ценность и эффективность.

Список литературы

1. Kołodziejcki H. Młodzież sięga po pracę. Załącznik, tablice / H. Kołodziejcki, K. Kornilowicz, L. Landau. – Warszawa: Instytut spraw społecznych, 1938. – 88 s.
2. Budowa organizacyjna Poleskiego Wojewódzkiego Związku Młodzieży Wiejskiej. – Brześć nad Bugiem, 1930. – 23 s.

3. Organizacja Młodzieży Pracującej. Zadania i metody pracy. – Warszawa, 1934. – 46 s.

4. Program dla grup wiekowo-wyszkoleniowych w oddziałach i pododdziałach Związku Strzeleckiego w zakresie wychowania obywatelskiego. – Brześć nad Bugiem, 1937. – 45 s.

5. Praca świetlicowa. Instrukcja dla świetlic Z.P.O.K. – Warszawa, 1934. – 96 s.

6. Z oświaty pozaszkolnej w okręgu szkolnym Wileńskim. Sprawozdanie za rok 1934/35 i wytyczne programowe na rok 1935/36. – Wilno, 1935. – 310 s.

7. Szkop J. Akcja świetlicowa na Wileńszczyźnie i w Nowogródzczyźnie // Kurjer Wileński. – 1933. – 2 kwietnia. – S. 2-3.

8. Dziesięciolecie Związku Młodej Wsi województwa Poleskiego. 1928–1938. – Brześć nad Bugiem, 1938. – 128 s.

9. Sprawozdanie Poleskiego Wojewódzkiego Związku Młodzieży Wiejskiej za rok 1933 – 1934. – Brześć nad Bugiem, 1935. – 16 s.

10. Szkop J. Teatr ludowy na Wileńszczyźnie i w Nowogródzczyźnie // Kurjer Wileński. – 1933. – 19 stycznia. – S. 2.

11. Okręg Wileński // Brzask. – 1930. – № 2 – 3. – S. 99-101.

12. Rećko J. Wychowanie dzieci i młodzieży w polityce rządów obozu Jozefa Piłsudskiego // Marszałek Jozef Piłsudski. Wodz–politik–wychowawca. – Warszawa, 2000. – S. 85-93.

13. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 1. Полесское воеводское управление. – Оп. 9. – Д. 714.

14. Romer H. Chóry i teatry amatorskie // Kurjer Wileński. – 1933. – 1 kwietnia. – S. 3.

15. Jodzio A. Przejawy pozaszkolnej aktywności społeczno-oświatowej polskich nauczycieli szkół powszechnych w województwie poleskim w latach 1921–1939 // Zeszyty Naukowe Studenckiego Koła naukowego Historików Uniwersytetu w Białymstoku. – 2009. – №2. – S. 119-125.

УДК 93/94

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ГОРОДА НИЖНЕВАРТОВСКА (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Алексеева Л.В.

Автор в порядке научной дискуссии представляет свое видение изучения истории города Нижневартовска, рассматривает различные подходы к интерпретации его прошлого. За основу взяты современные труды Уральской научной школы историков, к которой принадлежит и автор.

Ключевые слова: методология, подход, модернизация, урбанизация, микроистория, город.

The author as scientific discussion represents the vision of studying of history of the city of Nizhnevartovsk, considers various approaches to interpretation of its past. Modern works of the Ural school of sciences of historians to which also the author belongs are taken as a basis.

Keywords: methodology, approach, modernization, urbanization, microhistory, city.

Актуальность изучения истории города Нижневартовска Ханты-Мансийского автономного округа - Югры – одного из основных центров добычи углеводородного сырья России, – обусловлена как потребностями осмысления исторического опыта, так и особым значением города в истории государства российского, в том числе реализации восточного направления государственной экономической политики, долгие годы обеспечивающего страну экспортными видами ресурсов, осуществляя тем самым свой немалый вклад в формирование государственного бюджета, национальную безопасность и социально-экономическое развитие страны.

В течение весьма длительного времени профессорско-преподавательский состав кафедры истории России Нижневартовского государственного университета предпринимал активные попытки по донесению мысли о необходимости создания комплексного (фундаментального) исторического труда по истории города до его администрации. Они не были успешными. И только в 2015 г. благодаря заинтересованности проектом депутата окружной Думы А. Смирнова проблема сдвинулась с места и в данный момент идет работа над книгой. Выполнение исследования в первую очередь потребовало его методологического осмысления.

По истории города Нижневартовска написано немало, особенно публикационный бум был характерен для периода 1970-х гг., когда о Самотлоре (крупнейшем в СССР нефтегазовом месторождении) говорили и писали ежедневно. При этом за весь последующий период была предпринята лишь единственная попытка изложить систематическую историю города местным краеведом Т.Д. Шуваевым.

Изучение истории города осложняется не только большим объемом документов, сосредоточенных в государственных архивах Томска, Омска, Тюмени, Екатеринбурга, Ханты-Мансийска, Москвы, короткими сроками на исполнение работ, но и тем, что в первую очередь нужно определиться с методологией исследования. Не претендуя на исчерпывающий анализ, автор предпринимает скромную попытку в отборе кажущихся наиболее целесообразными ему методологических подходов и теорий, способствующих изучению и объяснению исторических событий, явлений, процессов, охватывающих во временном пространстве целое столетие (с мо-

мента образования Нижневартовской пристани в начале XX в.).

Стержнем методологии исследования является изучение исторического опыта. Возможность понимания целей и мотивов деятельности других людей есть важнейшее условие, обеспечивающее возможность исторического познания вообще. Но одновременно это и возможность понимания того, как могут действовать люди при сходных обстоятельствах в будущем. России, особенно в условиях затянувшегося системного кризиса, принципиально важно учесть горькие уроки прошлого, а подчас и сомнительные новации, к которым она органично пока не готова [1, с.19, 28]. Нижневартовск в этом смысле не является исключением. Переживший не один «нефтяной передел» в 1990-х гг., многочисленные реорганизации предприятий в последующие годы (со всеми вытекающими отрицательными последствиями), при этом обеспечивавший наполнение бюджета страны и округа, зачастую сам сводивший еле-еле концы с концами. Теперь вопрос стоит так: либо продолжать идти вслепую, путем гигантской траты человеческой энергии, природных ресурсов, финансовых средств, «скачками», вспять или зигзагами, либо научиться извлекать опыт из своей богатейшей истории, соотносить его с общечеловеческими ценностями и на этой основе определять оптимальные пути развития России [1, с.28], а значит ее отдельно взятых регионов, городов, сел, деревень.

Следует подчеркнуть, что категорию «исторический опыт» можно рассматривать как составную часть исторического знания. Это своего рода ретроспективная оценка прошлого в его отношении к последующему развитию и итогам этого развития с позиций современной социальной практики [1, с.29]. Классические исследования, посвященные историческому опыту, весьма сложны и трудоемки, требуют большого количества разнохарактерных материалов и значительных временных затрат. Однако первые их результаты уже опубликованы. В них доказаны необходимость и возможность использования исторического опыта в практике современности [12].

Весьма перспективными для изучения истории моногорода выступает и модернизационный подход, дающий возможность проследить социальные трансформации, начавшиеся в XX в.

Модернизационные процессы здесь разворачивались крайне медленно и стали заметны лишь в связи с советизацией края. Экономика приобрела черты мобилизационной, что особенно проявилось в годы Великой Отечественной войны. Во второй половине XX века в связи с началом нефтяного освоения территории начались бурные процессы промышленной модернизации, повлекшей за собой формирование урбанизированного населенного пункта. Однако в контексте нарастания трудностей в индустриальной системе СССР для Нижневартовска и его промышленности стало характерным снижение темпов роста и эффективности производства. Горбачевская перестройка и либеральные реформы не исправили положения, не способствовали завершению модернизационного перехода, а привели к откату назад по многим принципиальным позициям, подчеркивал академик В.В. Алексеев [2, с. 22].

Вне всякого сомнения, одним из наиболее значимых социальных результатов модернизации на Севере Западной Сибири стала *урбанизация*. Для Нижневартовска это выразилось не только в резком увеличении численности населения, спешном возведении жилья, объектов инфраструктуры, но и в том, что произошли качественные изменения в составе населения, его социальной структуре и образовательном уровне [5, с. 282-284].

Изучение истории города Нижневартовска невозможно без учета теорий урбанизации [16]. В современной науке акценты в определении сущности урбанизации постепенно смещаются с роста городского населения, его доли в населении страны или района на уровень концентрации населения в крупных городах, агломерациях; затем на распространение городского образа жизни, изменении норм поведения человека в городе, качества городской среды и, наконец, на изучение человека в городе как феномена культуры и в более широком плане всей цивилизации. Процесс урбанизации, обусловленный в целом развитием и размещением общественного производства и характером социальных отношений, сам оказывает более разностороннее влияние на развитие и размещение производства и другие сферы деятельности населения, изменяя его социальную и экономическую структуру, демографические показатели, характер расселения, образ жизни, тип культуры и так далее [15]. По мнению И. Н. Стася, в российской урбан-истории XX в. сформировались

два основных направления или подхода. Первый был связан с изучением особенностей урбанизации различных регионов России и базировался он, главным образом, на модернизационной теории и макроисторическом анализе. Второй подход характеризовался исследованиями русского города с социокультурных и антропологических теоретико-методологических позиций. Однако обобщающие работы, рассматривающие разные стороны урбанизации России XX в., продолжали оставаться редкостью [14, с.4]. В характере и результатах урбанизации отчетливо проявляются различия социально-экономических, политических условий, в которых протекает этот процесс [15]. Так, особенностью развития города Нижневартовска в 1970-1980-е годы стало несоответствие между его экономическим потенциалом и развитием социальной сферы. Город играл большую роль в экономике и политике страны, однако его население получало минимум благ. Такая точка зрения весьма распространена в научной литературе [6, с.271].

В контексте модернизационного подхода представляется возможным оценить и постсоветский этап развития города (1992 – 2000-е гг.), превратившегося за короткий срок в современный, с достаточно развитой инфраструктурой. За прошедшие 25 лет наблюдается переход индустриального, урбанизированного общества к другому, западному типу современности, главными отличительными характеристиками которого являются рыночная экономика, базирующаяся на частной собственности, и либерально-демократическая политическая система [3, с.110].

В этом ракурсе современный город Нижневартовск обладает достаточно существенным социально-информационным и экономическим потенциалом, но при этом характеризуется все же скромными показателями в уровне образования, науки, культуры населения [13] (по-скольку преобладающей является поп-культура), сохраняя сырьевое назначение.

Необъятный простор для исследования представляет также *микроисторический подход*. И.В. Побережников уверен, что данный подход позволяет увидеть разнообразие ситуаций модернизации, реакции локальных сообществ на модернизационные процессы, включенность в них или отторжение, переживание, приспособление, избегание и др. и тем самым возможности этого подхода разрастаются до невероятных пределов.

Самое главное - это самостоятельный уровень исследования, который невозможно заместить знаниями, добытыми, допустим, при изучении страновых модернизационных процессов [9, с. 55-65].

История творится все-таки именно людьми, конкретными индивидами и коллективами. Опыт осуществления модернизации нуждается в окончательном анализе именно на низовом уровне, который может обогатить историческое знание гигантским количеством конкретных примеров эффективных, положительных или, напротив, негативных, разрушительных модернизационных импульсов, реакций на них, взаимодействия институциональных, технологических, экономических, политико-правовых, психологических структур и индивидуальных волеизъявлений [1, с. 225, 228]. Так, например, в условиях директивной централизованной экономики удовлетворение потребностей населения города Нижневартовска в значительной степени зависело от взаимоотношений бюрократической элиты местного, регионального и союзного уровней. На этот счет в научной литературе также имеются исследования [7, с. 275].

Микроисторический подход, полагаем, позволяет существенно расширить горизонт модернизационных исследований путем анализа социокультурного облика социальных категорий, групп (в частности, их субкультуры, идентичности). Существенное внимание должно быть уделено в ходе изучения городского общества бюрократии, интеллигенции, предпринимателям, рабочему классу. Существенную роль, как заметил И.В. Побережников, при этом играет понятие кризиса идентичности или чувства личной тождественности, которое связывается с резким изменением условий существования личности, обычным для эпохи социальных перемен, когда разрушаются прежние нормы, а людей охватывает беспокойство за свое будущее [8, с. 22]. С этих позиций можно изучить период перехода из советской действительности в постсоветскую, которая далась многим горожанам нелегко.

Уникальный исторический опыт города Нижневартовска, расположенного в природно-климатической зоне не слишком благоприятной для жизни людей, заставляет обратиться к значению в процессе освоения этой территории *восточного направления экономической политики государства в XX в.*

Несмотря на все трансформации институтов

власти и собственности, технико-технологические сдвиги в производстве и т.д., курс на интенсивное освоение восточных районов (в том числе Западной Сибири) периодически объявлялся главной стратегической задачей, отмечал Е.Т. Артемов [4, с. 18]. Истоки этой политики уходят в далекое прошлое. Всем знаком точный прогноз М.В. Ломоносова о приращении российского могущества Сибирью.

В советское время отношение государства к восточным районам как к стратегическому тылу и поставщику дефицитной сырьевой продукции оставалось главным. Особенно наглядно это проявилось в ходе освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции. Начиная с середины 1960-х гг., в регион были направлены огромные финансовые, материальные, людские ресурсы, быстрыми темпами вводились в строй нефтяные месторождения, многочисленные объекты инфраструктуры, включая транспортные коммуникации, на пустом месте росли новые населенные пункты городского типа (одним из которых и являлся Нижневартовск). Регион превратился в район интенсивного хозяйственного освоения. Ставка при этом делалась на ресурсно-отраслевой подход. В ее рамках комплексному развитию, решению социальных вопросов внимание уделялось в соответствии с остаточным принципом. Главная цель государства сводилась к максимальному изъятию природной ренты и повышению военно-стратегической устойчивости страны. Подавляющая часть полученных доходов шла на общегосударственные нужды [4, с. 33], а Нижневартовск получал, что досталось. Качество жизни, услуг оставалось низким. Было очевидно, что советская модель комплексного хозяйственного освоения исчерпала себя. Распад СССР и последовавшие за ним радикальные экономические реформы открыли возможность гласного обсуждения, казалось бы, незыблемых представлений. На этой волне развернулась критика советской региональной политики [10]. Подобные работы активно стали публиковаться и зарубежными исследователями [11], общий смысл которых сводился к тому, что, если не можете освоить восток, ограничьтесь территорией государства до Урала, и второй подход – интернационализация освоения восточных районов России (т.е. поскольку вы не можете освоить, мы поможем).

Указанные подходы позволяют рассмотреть прошлое города Нижневартовска на следующих уровнях:

1. населенный пункт торгово-промышленной ориентации (первая половина XX в.);
2. городское поселение (рабочий поселок) в условиях начавшейся промышленной модернизации территории;
3. Нижневартовск – как моногород с характерными чертами развития (1970-1980-е гг.);
4. современный Нижневартовск – как город, стремящийся преодолеть инерционный путь развития и обрести вектор инновационного девелопмента.

Список литературы

1. Актуализация потенциала исторической науки / Отв. ред. академик РАН В.В. Алексеев. – Екатеринбург: РИО УрО РАН, 2013. – 272 с.
2. Алексеев В.В. Российская модернизация в цивилизационном измерении // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение. Материалы всерос. науч. конф. к 75-летию академика РАН Вениамина Васильевича Алексеева (Екатеринбург, 1-3 июля 2009 г.) / Отв. ред. И.В. Побережников. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. – 428 с.
3. Арсентьев Н.М., Доленко Д.В. Россия перед вызовами XXI в.: цивилизационный и модернизационный выборы // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение. Материалы всерос. науч. конф. к 75-летию академика РАН Вениамина Васильевича Алексеева (Екатеринбург, 1-3 июля 2009 г.) / Отв. ред. И.В. Побережников. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. – 428 с.
4. Артемов Е.Т. Восточное направление в российской экономической политике XX в.: преемственность приоритетов // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. Сб. статей и документов / Под ред. Е.Т. Артемова, Г.Е. Корнилова, В.А. Ламина. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН; Изд-во АМБ, 2010. – 400 с.
5. Гаврилова Н.Ю. Север Западной Сибири в контексте российской модернизации (1960-е -1980-е гг.): урбанизационные процессы // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение. Материалы всерос. науч. конф. к 75-летию академика РАН Вениамина Васильевича Алексеева (Екатеринбург, 1-3 июля 2009 г.) / Отв. ред. И.В. Побережников. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. – 428 с.
6. Карпов В.П. Особенности и противоречия индустриального «взрыва» на Тюменском Севере в период форсированного освоения нефтегазовых месторождений (1960-е-1980-е гг.) // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение. Материалы всерос. науч. конф. к 75-летию академика РАН Вениамина Васильевича Алексеева (Екатеринбург, 1-3 июля 2009 г.) / Отв. ред. И.В. Побережников. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. – 428 с.
7. Куксанова Н.В. Социальные аспекты урбанизации Сибири во второй половине XX века // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение. Материалы всерос. науч. конф. к 75-летию академика РАН Вениамина Васильевича Алексеева (Екатеринбург, 1-3 июля 2009 г.) / Отв. ред. И.В. Побережников. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. – 428 с.
8. Побережников И.В. Социокультурные аспекты модернизации: методологические подходы // Социально-демографические и культурно-ментальные трансформации в контексте российских модернизаций XVIII-XX вв. Сборник научных статей. – Екатеринбург: УрО РАН, 2014. – 162 стр.
9. Побережников И.В. Уровни изучения модернизации: мировой, цивилизационный, страновой, региональный, локальный (теоретические аспекты) // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение. Материалы всерос. науч. конф. к 75-летию академика РАН Вениамина Васильевича Алексеева (Екатеринбург, 1-3 июля 2009 г.) / Отв. ред. И.В. Побережников. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. – 428 с.
10. См. например: Пивоваров Ю.Л. Альтернативная концепция макрорегионального развития России: сжатие интенсивно используемого пространства // Мир России. - 1996. - № 2.
11. См. например: Трейвиш А., Шупер В. Теоретическая география, геополитика и будущее // Свободная мысль. – 1992. – № 12.
12. См.: Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике / Отв. ред. В.В. Алексеев. – М.: Наука, 2004. – 600 с.; Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. Т.1. – 376 с.; Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. Т.2. – 688 с.
13. См.: Скульмовская Л.Г. Противоречия разнонаправленного развития культуры региона в современных условиях: социологический анализ. Автореф. дис. д-ра социол. наук. - Екатеринбург, 2005. – 42 с. Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat <http://www.dissercat.com/content/protivorechiy-a-raznonapravlenno-go-razvitiya-kultury-regiona-v-sovremennykh-usloviyakh-sotsio#ixzz3mjVCNDRs>. Дата обращения – 25 сентября 2015 г.
14. Стась И.Н. Урбанизация Ханты-Мансийского автономного округа в период нефтегазового освоения (1960-е – начало 1990-х гг.). Автореф. дис. к-та ист. наук. -Томск, 2014. – 30 с.
15. Сущность и формы урбанизации // big-archive.ru/geography/geography_of_the_USSR/58.php. Дата обращения – 24 сентября 2015 г.
16. Урбанизация в узком понимании означает рост городов, особенно больших, увеличение доли городского населения; в широком значении – исторический процесс повышения роли городов, городского образа жизни и городской культуры в развитии общества.

УДК 94 (47) «1914-1918»

К ВОПРОСУ О ДЕЗЕРТИРСТВЕ В АРМИЯХ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Салдугеев Д.В.

Рассматриваются причины, масштабы, характер и последствия дезертирства в армиях Белого движения и в частях Чехословацкого корпуса как в стране в целом, так и на Урале, и в Поволжье в частности после Октябрьской революции, в период Гражданской войны в России.

Ключевые слова: гражданская война, Белое движение, Чехословацкий корпус, интервенция, культура, мобилизация, дезертирство.

The article considers causes, extent, character and consequences of desertion in the armies of the White movement and in divisions of the Czechoslovak Corps both in the country as a whole, and the Urals and the Volga region in particular, during the Civil War in Russia.

Key words: Civil War, the White movement, the Czechoslovak Corp, intervention, cultural, mobilization, desertion.

В 1918 г. на бескрайних просторах России разгорелась полномасштабная Гражданская война. Этот братоубийственный военный конфликт, унесший миллионы жизней и причинивший огромный ущерб культуре и экономическому развитию страны, стал результатом трагических и кровопролитных событий, среди которых: Первая мировая война, падение самодержавия, Февральская и Октябрьская революции. Гражданская война, в ходе которой столкнулись интересы всех политических партий, классов и социальных групп, сопровождалась борьбой за власть, в результате которой победу одержала партия большевиков во главе с В.И. Лениным.

В ходе борьбы за власть противоборствующие стороны столкнулись с со сложной проблемой - массовым дезертирством. Это явление охватило значительную территорию России и вовлекло практически все категории населения. В этот период имело место резкое снижение культурного уровня населения страны, что вело к деградации личности и как следствие это явление стало одним из факторов, способствовавших увеличению количества дезертиров в армиях противоборствующих сторон. Так как преобладающим населением в России на тот момент были крестьяне, то неудивительно, что именно они оказались втянуты в войну. По современным подсчетам, доля рабочих, крестьян и казаков в армиях Белого движения составляла почти 73%. Примерно таков же был и состав Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), в которой крестьянство составляло 77% [1]. Отсюда напрашивается вывод, что именно крестьяне, в большинстве своем, оказались вовлечены в дезертир-

ство.

Военный энциклопедический словарь дает такое объяснение этому явлению. Дезертирство - это умышленное самовольное оставление военнослужащим воинской части или места службы либо неявка на военную службу с целью уклонения от нее [2].

Дезертирство в русской армии как массовое явление возникает еще в годы Первой мировой войны. Этому способствовали большие потери, частые поражения, отсутствие действенных мер по предотвращению дезертирства, неэффективное снабжение продовольствием, усталость от войны, болезни, вражеская агитация, усиление революционных настроений на фронте и в тылу.

Особенно широко дезертирство распространилось после победы Февральской революции. Этому способствовал «Приказ №1», в результате чего армия фактически перешла под контроль Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Содержащиеся в приказе пункты об учреждении солдатских комитетов и о запрете грубого отношения командного состава к рядовым военнослужащим должны были укрепить дисциплину в армии. Но на практике это привело к увлечению солдат политикой и самовольному оставлению службы.

Деятельность партии большевиков также способствовала увеличению числа дезертиров. При этом необходимость прекратить войну и заключить мир с Германией большевики обосновывали усталостью народа от войны, значительными людскими потерями, нежеланием солдат продолжать войну, нехваткой продовольствия и др. По мнению В.В. Галина «с февраля по

ноябрь 1917 г. количество дезертиров составляло почти 200 000 ежемесячно, всего около 1 518 тыс. человек. И это, не считая скрытого дезертирства, когда солдаты отказывались выполнять приказы и идти в бой. Именно они и составили основу второй волны дезертиров, поднявшейся после ликвидации царской армии. К моменту введения мобилизационного комплектования Красной армии по России уже бродило не менее 3 млн. дезертиров. Лишь относительно небольшое количество дезертиров вернулось к труду, основная часть либо занималась грабежом и терроризировала население, либо шла в «зеленые» и воевала и против «белых» и против «красных». Третья группа дезертиров появилась благодаря «белой» и «красной» мобилизации 1918 г. и наложилась на две предыдущие» [3].

Основная причина дезертирства – нежелание воевать – породила множество способов уклонения от службы. Рассмотрим наиболее известные формы дезертирства и его причины. С проблемой дезертирства столкнулось правительство Комуча (Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания) при организации Народной армии. Так в письме Ушкова интенданта Хвалынского района сообщалось, что «...75% мобилизованных дезертировали; держимся только офицерами и добровольцами. ... В Народной армии ничего не сделано для водворения дисциплины, служат только желающие, а так как умирать добровольно никому не охота, то при первых выстрелах солдаты бегут...» [4]. Причины дезертирства приводит в своей работе И.М. Майский, занимавший пост Управляющего ведомством труда в правительстве Комуча, указывая, что «мобилизация двух годов 1897 и 1898, в ходе которой предполагали набрать около 50 тысяч человек, пошла туго. Крестьяне не желали давать своих сыновей в армию, и вместо ожидаемых 50 тысяч было мобилизовано не более 12-15 тысяч человек. Боеспособность их равнялась нулю, разбежались или переходили к красным, перевязав своих офицеров» [5]. Очевидно, что значительная часть крестьянства не желала воевать. Крестьянство было радо тому, что власть большевиков была ликвидирована, но продолжать войну с Германией, а именно такие лозунги первоначально выдвигал Комуч, оно не желало. Вот что сообщал о настроении крестьян начальник первого участка Самарской уездной милиции. «В населении укрепилась мысль, - указывал он, - что заключенный большевиками «мир» в Бресте невыгоден опять-таки «буржу-

ям», а крестьянам от него, по их выражению «никакой беды нет, так пусть же буржуи и воюют» [6].

Кризис власти, развал Народной армии оказали негативное влияние и на военнослужащих Чехословацкого корпуса. Следует отметить, что Чехословацкие вооруженные подразделения на территории России стали создаваться в самом начале Первой мировой войны. К сентябрю 1917 г. численность чехословацких вооруженных формирований составила более 15 тыс. человек. 26 сентября начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Духонин дал разрешение на формирование Чехословацкого корпуса, в который вошли 1-я, 2-я стрелковые дивизии и запасная стрелковая бригада. Во всех частях корпуса вводился французский военный дисциплинарный устав и устанавливался русский «командный язык» [7]. С 15 января 1918 г. корпус был официально объявлен подразделением французских войск. Командование Чехословацкого корпуса получило приказ французского Генерального штаба об эвакуации на Западный фронт по Транссибирской магистрали до Владивостока и далее в Европу [8].

Вооруженное выступление Чехословацкого корпуса весной 1918 г. против советской власти ускорило начало Гражданской войны. Советское правительство не желало иметь на своей территории вооружённые иностранные части и слишком рьяно принялось за их разоружение, при этом переоценило свои силы. В ответ вооружённые подразделения корпуса, двигавшегося во Владивосток по Транссибирской магистрали для переброски во Францию на Западный фронт, стали повсеместно свергать советскую власть, что позволило активизироваться всем небольшевистским силам.

В 1918 г. полки корпуса были вовлечены в широкомасштабные военные действия против Красной армии в Поволжье, на Урале и в Сибири. После первоначальных военных успехов последовали неудачи. В сентябре 1918 г. Волжский фронт, на котором сражались чехословацкие части, потерпел поражение. Части РККА вступили в Казань, Симбирск и Самару. Неудачи на фронте привели к брожению в Корпусе и появлению первых перебежчиков.

В начале сентября по инициативе чехословацких коммунистов Реввоенсоветом Восточного фронта и затем Народным комиссариатом по военным делам были изданы специальные приказы, в которых отмечался факт «начавшегося

массового перехода неприятельских солдат на сторону советских войск» и строжайше запрещался самосуд; за самочинные расправы над пленными предусматривалась самая суровая ответственность [9]. О начавшемся дезертирстве свидетельствуют и чехословацкие документы. Уже на следующий день после падения Казани (10 сентября 1918 г.) отказался выгружаться с судна и идти на фронт взвод 1-го полка, требуя отправки в тыл. 29 сентября 4-й полк не выполнил приказ о занятии позиций, самовольно брошенных 10-м полком под Мелекесом. В этот же день солдаты 3-го батальона 2-го полка в резолюции, переданной комиссару дивизии, категорически потребовали отвода в тыл, заявив, что не желают сражаться «за какой-то «славянский романтизм» или ради благополучия одиночек». 30 сентября 6-я рота 2-го полка, захватив пулеметы, самовольно погрузилась на судно и отправилась в тыл, покинув позицию под Жигулями [10].

В годы Гражданской войны проявились некоторые обстоятельства, способствовавшие уклонению от военной службы. Находясь в армии, многие военнослужащие – особенно крестьяне – легко поддавались различного рода влиянию, агитации, провокациям и т.п. Нежелание воевать объясняли различными причинами, среди которых и «плохое жалование», необеспечение питанием, обмундированием и оружием, антисанитарные условия, грубое обращение со стороны комсостава, притеснение сослуживцами.

В 1918 г. дезертирство еще не имело таких масштабов и последствий, как в конце Гражданской войны. Оно проявлялось в виде уклонения от службы на основе поддельных документов. Практиковалась также выдача документов, касающихся изменения возраста военнослужащего. Узнать точный возраст дезертира, как и большинства других людей, в годы Гражданской войны порой было невозможно из-за того, что сами родители не помнили дату рождения ребенка, либо по другим причинам. А.Л. Окнинский, очевидец событий Гражданской войны в Тамбовской губернии, вспоминал позднее: «Списки подлежащих призыву составлялись в волостях кое-как. В некоторых волостях списки о составе семейств крестьян волости, составленные в дореволюционное время, а также мобилизованные списки были затеряны или умышленно уничтожены во время революции. Та же участь постигла и часть метрических книг, отобранных у сельских священников ... Поэтому за отсут-

ствием точных письменных сведений о времени рождения впервые призываемых таковых вносили в списки после опроса их родителей и родственников, которые и сами-то точно иногда не знали времени рождения подлежащих призыву и к тому же умышленно указывали более позднее, чем это было на самом деле, время их рождения. А подлежащих призыву из ранее уже служивших - по таким же заявлениям и по времени призыва их сверстников» [11].

Одной из причин дезертирства в вооруженных силах Белого движения был также дефицит продовольствия и обмундирования. Из-за разрушенной еще в годы Первой мировой войны экономики не удавалось обеспечить армию самым необходимым, что неизбежно приводило к потере боеспособности военнослужащих и всеобщему нежеланию воевать. Так Верховный главнокомандующий войсками Директории генерал В.Г. Болдырев в октябре 1918 г. во время инспекции одной из частей в Омске установил, что «люди босы, оборваны, спят на голых нарах, некоторые даже без горячей пищи, так как без сапог не могут пойти к кухням, а подвезти или поднести не на чем» [12].

Сходная ситуация сложилась и в армии адмирала А.В. Колчака. Неудовлетворительное материальное обеспечение в большей степени вызывало недовольство среди солдат — насильно мобилизованных в армию крестьян, мещан, рабочих и бывших красноармейцев. Контрразведывательные органы привлекались к выявлению и задержанию дезертиров. Например, за «один зимний месяц 1919 г. колчаковские органы безопасности и военнослужащие Волжской группы генерала В.О. Каппеля задержали около 400 дезертиров, из которых 27 было приговорено к расстрелу». В сводке контрразведки по Ижевско-Воткинской бригаде отмечалось дезертирство чинов с лошадьми и оружием. По докладам контрразведки, в частях 2-го корпуса было заметно недовольство солдат из-за недостатка обмундирования. Многие думали о переходе к красным. 24 июля 1919 г. к красным из 81-го полка перешло 304 солдата. Уличенные агитаторы были преданы военно-полевому суду. После расстрела 99 человек настроение солдат изменилось к лучшему [13].

Обмундирование и снаряжение для нужд Белой армии, несомненно было в наличии и в большом количестве. Но зачастую, до места назначения оно не доходило. Следует отметить, что в военное время дефицит ощущался во мно-

гих предметах широкого потребления. Очень часто обмундирование, которого так не хватало фронту, шло на другие цели.

Ряд источников указывают именно на эту причину нежелания воевать. Так, В.В. Галин в своей работе приводит воспоминания командующего союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке генерала М. Жанена: «... грустные факты о русских. 200 000 комплектов обмундирования, которыми он снабдил, были проданы за бесценок и частью попали к красным» [14]. «С Юга России генерал Лукомский писал также о том, что запасы обмундирования, поступавшие от Англии, оказывались неведомыми путями на местных барахолках» [15]. Историк Н.С. Кирмель в свою очередь отмечает, что «часть имущества прямо со складов пускалась в «торговый оборот» предприимчивыми дельцами и не доходила до находившихся на фронте офицеров и солдат» [16].

Эти и другие обстоятельства, конечно же, не способствовали укреплению боеспособности и подъему боевого духа у военнослужащих, а наоборот вели к увеличению количества дезертиров.

В годы Гражданской войны дезертирству в армиях противоборствующих сторон способствовали публикации в газетах, листовки, провокационные письма, распространяемые в войсках противника. Они содержали в основном дезинформацию, главной целью которой было создать панику в войсках врага. В таких письмах обычно указывались причины уклонения от службы в войсках противника, численность дезертиров, количество оружия, данные о боеспособности и настроении военнослужащих.

Можно без преувеличения сказать, что в годы Гражданской войны шла настоящая информационная война. Пропагандистские машины враждующих сторон стремились показать в неприглядном свете вооруженные силы противника и наоборот продемонстрировать высокий боевой дух, дисциплинированность своих военнослужащих, а также силу и мощь своих вооруженных частей. Надо отметить, что пропагандисты красных, зачастую переигрывали своих оппонентов из Белого движения.

Большевистская пропаганда, а в особенности газеты стремились максимально исказить информацию, создать иллюзию победы Красной армии над противником, сообщая о постоянном росте числа желающих перейти на ее сторону. Так, в газете «Красное Прикамье» говорилось о

«причинах» дезертирства в армии А.И. Деникина: «Идет сильная вражда между ногайцами, татарами, калмыками и русскими казаками. Подавляющее большинство солдат настроено против офицерства. Кубанцы заявляют командному составу, что «мы долго воевать не будем, нужно вернуться скорее домой. Зачем нам воевать против большевиков, – говорят кубанцы, – когда наши семьи голодают, а весь наш хлеб продают англичанке» [17].

Увеличение численности дезертиров с фронта приводило к все большему их распространению в сельской местности. Бывшие военнослужащие Красной и Белой армий объединились с крестьянами, уклонившимися от мобилизаций. Всеобщее нежелание воевать примирило прежних противников, превратив их в сильную, боеспособную, а в ряде мест хорошо организованную армию, основные силы которой были направлены против общего врага – большевиков.

Число уклонившихся от службы возрастало на протяжении всей войны. Следовательно, увеличивалось и количество дезертиров, находившихся в лесах. Также пополняли их ряды крестьяне, которые уклонялись от мобилизации или скрывались от репрессий в деревне. По данным источников в 1918 – 1920 гг. основную массу дезертиров дала принудительная мобилизация крестьян – той части населения, которая не имела военного опыта и не желала воевать [18].

Таким образом, к основным причинам дезертирства следует отнести: нежелание значительной части населения, в основном крестьян, воевать, неудовлетворительное снабжение военнослужащих продовольствием и снаряжением, действие вражеской агитации, а также снижение уровня культуры основной части населения страны.

Список литературы

1. Ципкин Ю.Н. Белое движение в Сибири: люди, идеи, реальность // Белая армия. Белое дело: Ист. науч.-попул. альманах. Екатеринбург, 1996. - № 1. - С. 45.
2. Военный энциклопедический словарь. М., 2002. - С. 426.
3. Галин В.В. Интервенция и гражданская война. М., 2004. - С. 16.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.749. Оп.1. Д.51. Л.157-158 об.
5. Майский И.М. Демократическая контрреволюция. – М., 1923. – С. 162.
6. Вестник Комуча. 1918. 3 сентября.
7. Недбайло Б.Н. Чехословацкий корпус в России (1914-1920 гг.): Историческое исследование: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2004. - С. 41.

8. Цветков В. Мятёж: Чехословацкий корпус на полях Гражданской войны // Родина. - 2001 - № 6. - С. 57.
9. ГАРФ. Ф.130.Оп.2.Д.589.Л.21.
10. См.: Недбайло Б.Н. Указ. соч. С. 135.
11. Окнинский А.Л. Два года среди крестьян: Виденное, слышанное, пережитое в Тамбовской губернии с ноября 1918 года до ноября 1920 года - М., 1998. - С. 90-91.
12. Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты: воспоминания: (из цикла «Шесть лет», 1917-1922 гг.) - Новониколаевск, 1925. - С. 74.
13. Кирмель Н.С., Хандорин В.Г. Карающий меч адмирала Колчака. - М., 2015. - С. 45.
14. Галин В.В. Указ. соч. С. 18.
15. Там же. С. 24.
16. Кирмель Н.С. Деятельность контрразведывательных органов белогвардейских правительств и армий в годы Гражданской войны в России (1918 – 1922 гг.). М., 2007. - С. 117.
17. Долгова А.В. Дезертирство в Красной и Белой армиях в 1917-1922 годах // Вестник Пермского университета. - Серия «История». - 2008. - №7. - С. 44.
18. Долгова А.В. Указ. соч. С. 45.

УДК 63.3 (2р 36) 713

ВОСПРИЯТИЕ СЕЛЬСКИМИ ЖИТЕЛЯМИ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ДЕРЕВНЕ В 1930-Е ГОДЫ

Филатов В.В.

В статье проанализировано отношение сельского населения Уральского региона к коллективизации и другим изменениям в аграрном секторе экономики в 1930-е гг. Выявлено неоднозначное восприятие крестьянством социалистических преобразований в деревне. Большинство бедняков и батраков поддерживало коллективизацию и раскулачивание, а остальные члены сельского социума выступали против социалистических нововведений.

Ключевые слова: крестьянство, коллективизация, раскулачивание, протест, Урал, 1930-е годы

The article analyzes the attitude of the rural population of the Urals region to collectivization and other changes in the agricultural sector in the 1930s. Revealed a mixed perception of the peasantry and the socialist transformations in the village. Most of the poor and laborers supported the collectivization and dekulakization, and other members of rural society were opposed to socialist innovation.

Keywords: peasantry, collectivization, dekulakization, protest, Urals, 1930-ies.

Решение властей по ускоренному переходу индивидуальных подворий в коллективные хозяйства и созданию советских хозяйств раскололо сельский социум на сторонников форсированных социалистических преобразований и тех, кто пытался своими выступлениями предотвратить этот процесс. Важно выявить различные точки зрения на происходившие трансформации в уральской деревне.

В 1930-е гг. большинство бедняков и батраков одобрительно относились к аграрной политике советского государства. Новые коллективные хозяйства, особенно коммуны, отвечали их эгалитарным устремлениям – работать поменьше, а получать наравне со всеми. Середняки неоднозначно воспринимали нововведения. Составляя 2/3 деревни, они осторожно реагировали на социалистические преобразования. Некоторые из них осознанно поддерживали коллективизацию, другие же были вынуждены адаптиро-

ваться к чрезвычайной обстановке, чтобы не оказаться в числе раскулаченных.

В переломные моменты истории в сознании людей вместе с новыми представлениями сохраняются прежние ценности. В конце 1920-х гг. и вплоть до 1940-х гг. в крестьянской среде уживались ценности дореволюционной России с опытом «военного коммунизма», новой экономической политики и колхозно-совхозного строительства. В российском крестьянстве сохранялся своеобразный дуализм. С одной стороны, крестьянин являлся индивидуалистом-собственником, а с другой – коллективистом. Аграрная политика советской власти учитывала некоторые элементы крестьянской психологии. Идея замены коллективизма общинного на коллективизм колхозный получила поддержку среди определенной группы селян, хотя большая часть крестьян была предрасположена к свободному кооперативному объединению, нежели на-

сильственному обобществлению. При этом принцип свободного развития личности, ее защищенности государством в неправовом государстве не был возможен [1, с. 18].

Социалистическое строительство в деревне подчинялось стратегии руководства страны о превращении индивидуальных крестьянских хозяйств в коллективные, а по сути, в государственные. Если в 1929 г. в Уральской области было выделено капиталовложений на развитие колхозов и совхозов в сумме 1,7 млн. руб., то в 1932 г. – 94,6 млн. руб. (в 55,7 раза больше), а всего за пятилетку социалистический сектор получил 196,4 млн. руб. [10, с. 43].

Руководство страны поддерживало бедняцко-батрацкие слои деревни и часть середняков. Преференции для данной категории селян касались натуральных и денежных повинностей. Льготное налогообложение, привилегии при заготовках сельхозпродукции стимулировали верноподданнические настроения неимущей категории крестьянства. Советское государство также обеспечивало их приоритет в землепользовании и землеустройстве и по другим вопросам [6; 3]. Приоритет бедняцких хозяйств и колхозов в переустройстве деревни неизбежно вел к расколу в сельском социуме [4, с. 22]. Ущемление единоличников по всем направлениям хозяйственной деятельности привело к сокращению их посевных площадей, уменьшению поголовья скота. Это также вызывало недовольство крестьян [11].

Сельское население по-разному реагировало на выселение зажиточных крестьян. Одни протестовали, другие проявляли солидарность с решением властей. Беднейшие хозяйства стремились немедленно ликвидировать кулаков. Так, активисты Тюменского округа Уральской области хотели устроить для кулаков «Варфоломеевскую ночь» и покончить с ними.

Осуществление плана по раскулачиванию крестьянства вызвало бурную волну протестного движения и всколыхнуло деревню. В связи с обобществлением имущества за январь – начало апреля 1930 г. в Уральской области произошло 118 массовых выступлений. Из-за выселения кулаков в области отмечено 15 выступлений крестьян с 2,4 тыс. участниками, в связи со сбором семенного фонда и обобществлением – 74 выступления (4,2 тыс. человек) [9, с. 46; 6, с. 84, 236]. В большинстве случаев выступления носили стихийный, неорганизованный характер. В 1930 г. в Уральской области несогласие с на-

чавшейся коллективизацией и раскулачиванием проявилось в террористических актах. В этой области было проведено 977 террористических актов, а в Башкирии состоялся 291 теракт в отношении активистов раскулачивания [8, с. 24].

Анализ протоколов (свыше 500) общих колхозных собраний 22 колхозов 15 районов Уральского региона в 1930-е гг., проведенный автором, свидетельствовал, что 68,9% участников собраний лишь констатировали факты, конструктивные предложения выдвигали 3,3% колхозников. 27,8% выступлений носило критический характер, касаясь организации труда, трудовой дисциплины. Протоколы фиксировали бесхозяйственность, равнодушное отношение к колхозной собственности. Однако конкретных предложений по улучшению дела поступало немного [2, с. 94, 98].

Колхозное собрание могло стать своего рода отдушиной, где крестьянин имел бы возможность высказать все то, что наболело на душе, критически оценить происходящее, но провозглашенная в колхозных уставах демократия, оставалась лишь на бумаге. До революции сельский сход реально влиял на дела общины. Теперь же с прежними традициями было покончено. Как показало исследование протоколов собраний, на них отсутствовала атмосфера открытости и свободы суждений, да и небезопасно было говорить то, что думаешь. Поэтому на собраниях рядовые колхозники чаще отмалчивались [5, с. 229].

Итак, насильственная коллективизация и раскулачивание воспринимались крестьянами неоднозначно. Даже из небольших фрагментов исследования видно насколько сложно шло навязанное селянам социалистическое переустройство деревни. Ломались традиционные устои крестьянской жизни. Страх перед возможным раскулачиванием вынуждал сельских жителей адаптироваться к новой жизни и следовать требованиям властей.

Список литературы:

1. Карипов Б.Н. Русские либеральные мыслители второй половины XIX – начала XX вв. о роли гражданского общества и государства // Традиционные национально-культурные духовные ценности как фундамент инновационного развития России: материалы III Междунар. конференции. – Магнитогорск, 2013. – 218 с.
2. Filatov V.V. Looking into problems of the Urals kolkhoses (life of the 1930s) // Социологические исследования. – 2000. – № 12. – С. 94-100.
3. Филатов В.В. Землеустройство на Урале в конце 1920-х – 1930-е гг. // Вопросы истории. – 2006. – №11. – С.

104-113.

4. Филатов В.В. Сельскохозяйственное производство на Урале в конце 1920-х – начале 1940-х гг.: Автореф. дис. док. ист. наук. – Екатеринбург, 2007. – 43 с.

5. Филатов В.В. Система управления уральскими колхозами в годы коллективизации (конец 20-х-30-е годы) / Депонированная рукопись в ИНИОН РАН № 47352. 01.12.1992. – М., 1992. – 322 с.

6. Филатов В.В. Уральское село, 1927 – 1941 гг.: продуктовые и денежные повинности: Монография. – Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2007. – 370 с.

7. Филатов В.В. Уральское село, 1927 – 1941 гг.: раскрестьянивание: Монография. – Магнитогорск: ГОУ

ВПО «МГТУ», 2010. – 333 с.

8. Филатов В.В. Уральское село, 1927 – 1941 гг.: состояние преступности: Монография. – Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2009. – 438 с.

9. Филатов В.В. Уральское село, 1927 – 1941 гг.: ссылка раскулаченных: Монография. – Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2010. – 253 с.

10. Филатов В.В. Уральское село, 1927 – 1941 гг.: финансирование: монография. Магнитогорск: изд-во Магнитогорск. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2013. – 238 с.

11. Филатов В.В. Уральское село, 1927-1941 гг.: динамика и темпы развития животноводства: Монография. – Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2006. – 264 с.

УДК 32.019.5

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК СРЕДСТВО ПРОПАГАНДЫ ВОЕННОГО ПРОШЛОГО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (МЕТОДОЛОГИЯ ПРОБЛЕМЫ)

Стародубова О.Ю.

В годы Великой Отечественной войны художественная литература использовалась советской пропагандой как эффективное средство формирования и трансляции героических образов военного прошлого. Данное междисциплинарное исследование требует особого методологического обеспечения. В статье художественная литература как средство пропаганды рассматривается сквозь призму институционального подхода и исторической памяти.

Ключевые слова: художественная литература, пропаганда, Великая Отечественная война, военное прошлое, художественный образ, историческая память, дискурс.

In the period of the Great Patriotic War the fiction was used by propaganda as an active mean to form and transit of the heroic image of the war time past. The interdisciplinary research requires special methodological support. In the article the fiction as a propaganda mean is considered in the light of institutional approach and historical memory.

Keywords : fiction , propaganda , World War II , military background , artistic image , historical memory , discourse .

Проблема функционирования советской общественной системы в экстремальных условиях войны находится в центре внимания представителей гуманитарных, политических и социальных наук. Большую роль в социально-психологической мобилизации населения в 1941-1945 гг. сыграла советская пропаганда, основные усилия которой были направлены на формирование патриотизма, ненависти к врагу, веры в победу. Вторжение германских войск на территорию советского государства актуализировало военное прошлое и внесло собственные коррективы в инфраструктуру его производства, интерпретацию, транслирование.

В последнее десятилетие в исследовательское поле вовлекаются вопросы, связанные с изучением государственного производства исторических знаний о военном прошлом, как инструмента консолидации, самоидентификации, мобилизации и манипуляции

общественным сознанием. Вопросам изучения работы над прошлым и механизмов его преодоления, трансляции образов прошлого и их закреплению в культурной памяти посвящена совместная работа российских и германских ученых [6], статья Н.В. Черновой [9].

В качестве эффективного пропагандистского средства воздействия на массовое сознание использовалась художественная литература. В отличие от других манипулятивных средств она воспроизводит реальную действительность посредством художественных образов, которые в определенных условиях становятся «историческим фактом».

Произведения художественной литературы, доступны в восприятии, быстры в распространении и прочнее утверждаются в сознании читателя. Они часто оказываются первоисточниками знаний о прошлом и прочно запечатлевают в сознании сведения конкретно-исторического характера. Данная особенность

была использована советской пропагандой в годы Великой Отечественной войны, поскольку на примерах героического прошлого русского народа способствовала воспитанию патриотизма и веры в победу. Драматургия и проза были наиболее привлекательны для пропаганды, поскольку художественные образы отличались простотой, ненавязчивостью и доступностью для восприятия. Они легче наполнялись нужным содержанием и усваивались общественным сознанием. Постоянное обращение к теме военного прошлого позволяло ей удерживаться в общественном дискурсе.

Для понимания функционирования советской литературы как средства (механизма) пропаганды в годы Великой Отечественной войны принципиальное значение имеет институциональный подход. Применительно к данной теме исследования понятие «институт» двойственно. С одной стороны, художественная литература как институт рассматривается как норма, отражающая определенные правила взаимодействия «власть – писатель». В данном случае представляют интерес формы коммуникации между писателями, государственными учреждениями культуры (Комитет по делам искусств СНК СССР) и пропаганды (Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), Отдел художественной литературы при Управлении пропаганды и агитации). В данном ключе немаловажным методическим подспорьем является концепция «социального поля» П. Бурдьё, в которой произведения художественной литературы трактуются как символический объект, ценность которого формируется не только его создателем, но также «целым ансамблем агентов и институтов» [3, с. 401] в лице политических и цензурных органов, государственных учреждений, уполномоченных заниматься вопросами литературы, литературных критиков, историками-консультантами. С другой стороны, под институтом также подразумеваются определенные практики, связанные со спецификой творческого процесса литераторов в годы Великой Отечественной войны, которые представлены выбором тематики произведения, работой над образами, презентациями произведений читательской аудитории.

Продуктом художественной литературы как института являются произведения писателей и драматургов – специфический для исторического исследования источник, т.к. в его основе лежит художественный образ – одна из форм рационального постижения и осознания окружающего человека мира. Художественный образ всегда конкретен и обладает способно-

стью эмоционального воздействия на читателя. Процесс усвоения художественных образов в годы Великой Отечественной войны представлял собой процедуру осмысления исторической действительности посредством рассмотрения ее через призму определенных нормативно-ценностных систем общественной практики, конкретной общественно-политической ситуации, организации пространства и времени коммуникативного процесса [6]. Это позволяет рассматривать художественную литературу как одно из средств влияния на историческую память в советском обществе. Используя в исследовании понятие «историческая память», автор опирался на труды иностранных [2] и отечественных исследователей [4], [5] полагая, что она формируется властным дискурсом и представляет собой набор значимых для социума традиций и образов прошлого [1, с. 36-44].

Выбранные методологические подходы исследования позволяют выявить причины использования советской пропагандой образа военного прошлого, а так же проанализировать формы влияния власти на процесс его формирования и трансляции, ангажированным советской пропагандой средством – художественной литературой.

Список литературы

1. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности. - М., 2004. С. 36-44.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. - М.: Медиум, 1995. – 323 с.
3. Бурдьё П. Социальное пространство поля и практики. – М.-СПб., 2005. – С. 401.
4. Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Сб. статей. / Под ред. И.В Нарского. - Челябинск, 2004. – 544 с.
5. Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 39-51.
6. «Работа над прошлым»: XX век в коммуникативной памяти послевоенных поколений Германии и России: сборник статей / Под ред. О.С. Нагорной, И.В. Нарского, О.Ю. Никоновой, Ю.Ю. Хмелевской, М. Майера, А. Ватлина. – Челябинск: Каменный пояс, 2014. – 295 с.
7. Стародубова О.Ю. Брусиловские сюжеты сталинской пропаганды // Родина. – 2015. - № 1. – С. 190-191.
8. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. - 2005. - № 2-3. - С. 8-27.
9. Чернова Н.В. Кинематограф как средство деформации исторической памяти (на примере сталинской киномифологии) // Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии. Сборник статей / Под ред. И.В. Нарского. – Челябинск: Каменный пояс, 2004. – С 314-331.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КУЛЬТУРОЛОГИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Волкова В.Б., Палатова Д.А

В данной статье рассматриваются основные направления современных гендерных исследований в области культуры, российских и зарубежных, а также перспективы их развития. Масштабность исследований и их разнонаправленность свидетельствуют, с одной стороны, об устойчивом интересе к гендерным аспектам культуры, и с другой – о разнообразии изучаемого практического и теоретического материала.

Ключевые слова: культура, гендер, гендерные исследования.

This article discusses the main directions of modern gender studies in the field of culture, Russian and foreign, as well as the prospects of their development. The scale of studies and their different trends testify, on the one hand, sustainable interest in gender aspects of culture, and on the other the variety of investigated practical and theoretical material.

Keywords: culture, gender, gender studies.

Начиная со второй половины XX века интерес к гендерным вопросам можно охарактеризовать не только как перманентный, но и как возрастающий, что обусловлено ломкой стереотипов, изменениями культурных кодов и трансформацией гендерных ролей. Ориентация на изучение стратификации гендерных признаков и их варьирование нашло отражение в ряде научных работ как отечественных, так и зарубежных ученых, которые связывают данный процесс с динамикой культурных процессов и, как следствие, с метаморфозами гендерных отношений [2]. При анализе зарубежных и отечественных работ в рамках данной тематики становится очевидным, что российские исследования часто имеют прикладной характер, будучи практически ориентированными на изучение гендерных аспектов национальной и этнической, традиционной и современной, массовой и элитарной культур, а также субкультур, в то время как иностранные ученые преимущественно обращаются к общим закономерностям, к теоретическим разработкам той или иной гендерной проблемы. Аргументом в пользу этого служит проведенный нами обзор исследований, представленных в базе данных Scopus и E-library.

В библиографической и реферативной базе данных Scopus, являющейся инструментом для отслеживания цитируемости статей, опубликованных в научных изданиях, представлено 23

журнала, цель которых – отразить многообразие гендерных исследований. Из этого списка лишь два фокусируют внимание на вопросах медицины, а остальные (21 издание) освещают гендерные проблемы в области гуманитаристики. Показателем востребованности гендерных исследований является индекс Хирша и квартиль, позволяющий определить, к какой категории по библиометрическим показателям и уровню цитируемости принадлежит научный журнал. Ранжирование по квартилю (от Q1 (самого высокого) до Q4 (самого низкого)) свидетельствует об интересе к журналу мирового научного сообщества. На данный момент (на октябрь 2015 года) десять лучших журналов, семь из которых издаются в Великобритании, а три – в США, имеют следующие библиометрические показатели:

1. Gender and Society. United States (Q1, индекс Хирша – 59);
2. Gender, Work and Organization. United Kingdom (Q1, (индекс Хирша – 46);
3. Gender, Place and Culture. United Kingdom (Q1, (индекс Хирша – 41);
4. Gender and Education. United Kingdom (Q1, индекс Хирша – 40);
5. Gender and Development. United Kingdom (Q1, индекс Хирша – 22);
6. Journal of Gender Studies. United Kingdom (Q2, индекс Хирша – 20);
7. Gender in Management. United Kingdom

(Q2, индекс Хирша – 19);

8. Gender and History. United Kingdom (Q3, индекс Хирша – 18);

9. International Journal of Transgenderism. United States (Q1, индекс Хирша – 18);

10. Gender Issues. United States (Q3, индекс Хирша – 15).

Синописис зарубежных исследований, особенно полнотекстовых версий статей, представленных в журналах, позволяет обнаружить сформировавшиеся направления: семья, воспитание, детство, материнство и отцовство в гендерном освещении; гендерное образование; социальные проявления феминности и маскулинности; гендерные аспекты религии; гендерное равенство; юридические основы гендерных прав; современный феминизм и его история. Очевидно, что наблюдается устранение четких границ между гуманитарными науками, и это находит отражение, во-первых, в названиях журналов, заявляющих широкую проблематику по данным направлениям, как теоретическим, так и практическим. Так, одна из рубрик журнала «Gender and Society» – Arts and Humanities (miscellaneous) – содержит помету «разное» (miscellaneous) и включает публикации по искусствоведению и гуманитарным наукам. Во-вторых, использование данных разных гуманитарных наук позволяет широко освещать заявленную тему, рассматривая сущность вопроса, а не частности его практического воплощения.

В научной электронной библиотеке E-library в журнальном каталоге отражены данные трех научных журналов:

1. Гендерные исследования. Харьковский центр гендерных исследований (индекс Хирша за 2014 г. – 3);

2. Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия Психологические науки: акмеология образования, гендерная психология. Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова (индекс Хирша за 2014 г. – 3);

3. Адам & Ева. Альманах гендерной истории. Институт всеобщей истории РАН (индекс Хирша за 2014 г. – 3).

Крайне сложно судить, является ли в отечественных изданиях индекс Хирша показателем их востребованности научным сообществом, поскольку, во-первых, сама база являет собой российскую научную электронную библиотеку и является соответственно русскоязычной, что ограничивает к ней доступ зарубежных исследова-

телей; во-вторых, технология работы над научной статьей в России и за рубежом значительно различается (показателем обязательный для зарубежных авторов критический обзор во второй-третьей части статьи, где приводится большое количество ссылок на предыдущие исследования. И если в русскоязычном издании количество ссылок в среднем варьируется от 5 до 10, в обзорных статьях – до 20, то в иностранных изданиях менее 20 ссылок рассматривается как незнание автором сути данного вопроса); в-третьих, не все ссылки прикрепляются. Не касаясь показателей индекса Хирша, обратим внимание на следующее: российские исследования редко представляют фундаментальные теоретические обзоры, вместе с тем часто отражают частные аспекты гендерологии, разрабатывая проблему на определенном материале – литературном, фольклорном, мифологическом, историческом, статистическом и пр.

Подобный подход виден и в 78 монографических (авторских и коллективных) исследованиях, сборниках научных трудов и материалах конференций, размещенных в E-library и ориентированных на изучение гендерных аспектов:

– лингвокультур [8];

– права [33];

– властеотношений [4];

– литературы [5];

– религии [6, 15], а также системы коммуникации, общества, национальных и этнических культур, истории, языка, общества, политики и экономики.

Бесспорно, есть отдельные исследования теоретического характера, в которых решается крупная научная проблема, но компаративный анализ выявляет общую тенденцию, предполагающую решение частных вопросов.

Аналогичные данные получаем и при обзоре диссертационных работ. Анализ диссертационных исследований по гендерным аспектам культуры (24.00.01 – Теория и история культуры), защищенных в России в период с 1997 по 2013 гг., позволяет утверждать, что меньшая часть работ освещает крупные теоретические вопросы (12 из 34 диссертаций по специальности).

Масштабность исследований и их разнонаправленность свидетельствуют об устойчивом интересе к гендерным аспектам культуры, с одной стороны, и разнообразии практического и теоретического материала – с другой. Закономерно появление отдельной работы обобщающего характера «Гендерные исследования в науках

о культуре» [16], в которой феминизм рассматривается в качестве социокультурной основы современных гендерных исследований; отражается их разнообразная проблематика, анализируется категориальный аппарат нового междисциплинарного направления, объединяющего разные гуманитарные науки; выявляются способы конструирования гендера и методология гендерных исследований.

Проблема гендерной идентичности, столь привлекательная для зарубежных исследователей, находит отражение в работе Т.И. Стеценко [32]. Исследователь рассматривает, как изменения в социокультурной ситуации меняют представление о полоролевых функциях человека. С другого ракурса эта проблема представлена в работе С.В. Бацановой [3], которая предлагает философско-культурологический анализ гендерной картины мира представителей сексуальных меньшинств, являющихся субкультурным образованием; рассматривает базовые ценности данной субкультуры, место «другого» и отношение к нему в системе гендерных картин мира. Данное направление активно исследуется в странах Западной Европы и США и редко оказывается в центре внимания российских ученых, что обусловлено социокультурной ситуацией, разностью отношений к гомосексуальности в этих странах. Маскулинные и феминные практики в субкультуре исправительных учреждений изучает Н.В. Михайлова, сопоставляя европейскую и российскую стратегии наказания как формы реализации ответственности [23].

Как и в зарубежных исследованиях, в отечественной науке в связи с изучением гендерных ролей и стереотипов значительная часть работ посвящена исследованию женщины, а именно:

- процесса её самореализации [35];
- развития и изменения взглядов европейских философов XVIII-XIX столетий о ней [19];
- феномена материнства [34];
- системы матриархальных гендерных стереотипов [10];
- основных функций великих богинь в родоплеменном обществе, в переходный период развития мифологической и социальных систем, на этапе становления и формирования государства [24];
- феминизма как общественного движения, его истории и направлений, русского национального менталитета и образа женщины в русской культуре, конфликта ценностей как глубинной основы «женского вопроса» в России,

социокультурных ролей женщин в советской системе и постперестроечный период [30]. Такой интерес к истории женщин, их месту в культуре на разных этапах её развития детерминирован прежде всего ущемлением женских прав в юридической, культурной, экономической и политической сферах.

Подобная тенденция наблюдается и в зарубежных гендерных исследованиях, где пристальное внимание уделяется формам женского самосознания и ментальным основаниям феминности. Симптоматично, что из многочисленных работ в России, освещающих гендерные аспекты культуры, лишь в нескольких исследованиях подробно разработаны вопросы полоролевых стереотипов мужчин, их культурных репрезентаций, образов мужчин в культуре и искусстве (герой, рыцарь, философ, авантюрист и пр.), истории маскулинности, мужской гомофобии. Показательно в таком контексте исследование Н.И. Жадановой «Образы и стереотипы маскулинности в европейской культуре» [8], в котором представлены ключевые репрезентации мужских образов в европейской культуре от античности до конца XIX века.

Отчасти проблема маскулинности и принципов развития патриархальных и патриархатных обществ раскрывается в уже названных исследованиях А.Е. Наговицына, который рассматривает процесс трансформации космогонии в древних мифах, изменения гендерных ролей и вытеснения верховного женского божества из демиургического пантеона; Е.И. Замфир, рассматривающей на взаимосвязи мифа и сказки универсальное гендерное устройство мира и систему патриархальных стереотипов. В работе О.М. Лосевой мужественность и женственность характеризуются как культурные концепты, а процессы самоактуализации полов показаны через призму вариантов развития гендерной идентичности. Диссертация Н.Н. Летиной [17] ориентирована на исследование гендерных моделей маскулинности и феминности в переходные периоды русской культуры. Симптоматично, что комплексное исследование репрезентаций феминности и маскулинности в культуре позволяет обнаружить каузальные связи полоролевых стереотипов воспитания и поведения человека.

В исследованиях, имеющих отчасти практическую или прикладную направленность, в качестве материала чаще используются данные истории и этнографии, тексты художественной и публицистической литературы, артефакты мас-

совой культуры; реже – лингвокультурный материал и его компаративный анализ, анализ речевого акта как единицы дискурса, правовые аспекты современной культуры.

Мода как социокультурный феномен привлекает исследователей возможностью интерпретации её как, во-первых, гендерно маркированного текста культуры, как способа репрезентации гендерного дискурса [22]; во-вторых, как отражения культуры повседневности и аксиологических ориентиров конкретной эпохи [27]; в-третьих, как одного из приемов цветокоммуникации в рекламировании торговых марок [1]; в-четвертых, как социокультурного феномена, обладающего разноплановым семантическим потенциалом и отражающего изменения в культурном коде [14]; в-пятых, как продукт коммуникативного процесса, базирующегося на стереотипизации образов «мужественности» и «женственности» [37]. Такой интерес к моде как явлению имманентно связанному с процессами социализации и инкультурации обусловлен корреляционной зависимостью от динамики и трансформации гендерных отношений в социокультурной среде в разные исторические периоды. Являясь, с одной стороны, сферой искусства, а с другой – продуктом массовой культуры, мода формирует культуру повседневности и отражает, как в зеркале, многообразные уникальные и стереотипные представления о красоте, стиле, вкусе и индивидуума, и социума.

Фольклор, лирические, драматические и эпические произведения художественной литературы, «женская» проза XX века, современная журнальная периодика, становящиеся предметом исследования культурологов, свидетельствуют о тенденции трансдисциплинарности, поскольку литературоцентричность является специфической чертой многих типов культур и предоставляет возможность проследить, как видоизменяется характер гендерных отношений в разные периоды развития государства и общества. Так, к мифопоэтическим истокам русской культуры, а именно к содержанию русских волшебных сказок с позиций гендерных ролей во властеотношениях обращается О.Н. Румянцева [29], выявляя гендерные стереотипы поведения мужчины и женщины, а также способы их репрезентации в достижении права на власть. Вопрос гендерного конструирования художественного текста и своеобразия женского творчества изучается в исследовании Е.А. Николаевой [26], которая, отслеживая трансформации моделей женской

ментальности в произведениях устного народного творчества и художественной литературы, выявила закономерности в процессе инкорпорации женской литературы в поле национальной культуры.

Произведения представителей Серебряного века служат материалом исследования Е.И. Мазиной [20], которая предлагает культурологический анализ образа Вечной Женственности, Софии в философских трудах В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского и романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Этапы концептуализации образа Софии прослеживает С.С. Розанова [28], выявляя мифологические, архетипические и феминные черты данного образа в произведениях фольклора и в христианской культуре Древней Руси. Е.А. Истягина-Елисеева [11] обращается к проблеме гендерной идентичности и отслеживает этапы становления имиджа женщины на основе анализа женских, педагогических и спортивных журналов. Феминность как социокультурный конструкт исследует В.Н. Кардапольцева [12]. Литература, по мнению исследователя, является пространством социокультурного конструирования, в котором отражены динамика гендерных стереотипов и модификации идеала женственности.

Изучению разных типов лингвокультур, коммуникативных практик и моделей речевого поведения с культурологической точки зрения посвящены исследования Н.В. Леткиной [18] и Г.А. Макаровой [21]. Примечательно, что гендерным аспектам языка и речи уделяется большое внимание в работах исследователей в области лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, психо-, этно- и социолингвистики. Значительное количество диссертаций в этих направлениях свидетельствует об имманентных связях языка с гендерной ролью его носителя.

Разнообразие этнографического материала дает возможность исследовать:

- социокультурный статус женщины в первобытных обществах Западной Сибири [13];
- культуру гендерных отношений народов Бурятии [25];
- гендерные аспекты традиционной черноморской культуры [36];
- гендерную стратификацию в традиционных культурах народов Севера, Сибири и Дальнего Востока [31].
- становление гендерной идентичности агинских бурят [9].

Такого рода работы, где данные этнологии и

этнографии ложатся в основу практического исследования, представляют особый интерес, поскольку уникальным и малоизученным является сам материал, к тому же изучение традиционных обществ предоставляет возможность соотнести историю и современность, выявить приемы и способы гендерной социализации, которая в свою очередь детерминирована так называемыми этническими маркерами, коими являются язык, религия, традиции воспитания и пр.

Предложенный синопсис, бесспорно, не является исчерпывающим, но позволяет судить об актуальности гендерного подхода в исследованиях, имеющих культурологическую направленность.

Вследствие накопленного большого объема теоретического и эмпирического материала перспективными областями исследований могут быть названы следующие:

1) проблема гендерной идентичности и её обусловленности социальной (пол, возраст, доход, национальность, семейное положение, профессия (род занятий), место жительства), религиозной и субкультурной принадлежностью;

2) генезис и развитие «женского вопроса», роль женщин в истории и культуре;

3) маскулинный и феминный типы культур: от древности до наших дней;

4) культурно-психологические модели женского и мужского поведения и модификация маскулинности и феминности на разных этапах культурно-исторического развития в зависимости от правовых, политических и экономических факторов;

5) гендерные аспекты языка и речи: феминный, маскулинный и андрогинный типы дискурсов; женский и мужской стили письма, чтения, интерпретации текста;

6) трансформации гендерных ролей в семье в зависимости от изменения социокультурных условий

7) гендерные исследования в массовой культуре.

Гендерные исследования требуют трансдисциплинарного системного подхода, который позволяет ученым-гуманитариям преодолевать границы гиперспециализации и совместными усилиями создавать единую многоуровневую систему гендерологии.

Список литературы

1. Бакеева Д.А. Цвет в рекламной коммуникации: особенности, функции, символика: дис. ... канд. культуроло-

гии: 24.00.01 – Теория и история культуры. – Саранск, 2013. – 187 с.

2. Балынская Н.Р. Средства массовой информации в субъектном поле политики // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. – 2015. – № 1 (7). – С. 7-9.

3. Бацанова С.В. Философско-культурологический анализ субкультурных аспектов гендерной картины мира: дис. ... канд. философ. наук: 24.00.01 – Теория и история культуры. – Белгород, 2007. – 258 с.

4. Гендер и власть: семья, общество, государство / Сост. и отв. редакторы: Н.Л. Крылова, Н.А. Ксенофонтова. – М., Российская акад. наук, Ин-т Африки 2008. – Т. 10. – Гендерные исследования.

5. Гендер и литература в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Сер. Современные литературы стран центральной и юго-восточной Европы. – Москва, 2013.

6. Гендер и религия: сборник статей / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; отв. ред. И.М. Семашко. – Москва, 2009.

7. Гриценко Е.С., Сергеева М.В., Лалетина А.О., Бодрова А.А., Дуняшева Л.В. Гендер в англо-американской лингвокультуре / Под общ. ред. Е.С. Гриценко. – Москва, 2011.

8. Жаданова Н.И. Образы и стереотипы маскулинности в европейской культуре: дис. ... канд. философ. наук: 24.00.01 – Теория и история культуры. – Ростов-на-Дону, 2012. – 194 с.

9. Жимбаева Ц.Ч. Подростковая субкультура: специфика идентичности: На примере культуры агинских бурят: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 – Теория и история культуры. – Чита, 2004. – 165 с.

10. Замфир Е.И. Гендерные стереотипы русской традиционной культуры: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 – Теория и история культуры. – Санкт-Петербург, 2005. – 236 с.

11. Истягина-Елисеева Е.А. Историко-культурные факторы формирования гендерных стереотипов на рубеже XIX-XX вв.: На материале журнальной периодики: дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01 – Теория и история культуры. – Москва, 2006. – 193 с.

12. Кардапольцева В.Н. Особенности конструирования и репрезентации женственности в русской культуре нового и новейшего времени: дис. ... докт. культурологии: 24.00.01 – Теория и история культуры. – Москва, 2005. – 491 с.

13. Кильдюшева А.А. Социовозрастные особенности женщин в культуре первобытных обществ бронзового века Западной Сибири: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 – Теория и история культуры. – Омск, 2009. – 342 с.

14. Кирьянов М.В. Социокультурные и эстетические аспекты формообразования в моде последней трети XX века: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 – Теория и история культуры. – Ярославль, 2011. – 228 с.

15. Коваль Т.Б. Гендер. Культура. Религия (традиции и современность) / Т.Б. Коваль, М.Г. Котовская; Московский гос. ун-т дизайна и технологий, Науч. совет по исслед. современных цивилизационных процессов (РАН). – Москва, 2009.

16. Латина С.В. Гендерные исследования в науках о культуре: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 – Теория и история культуры. – Комсомольск-на-Амуре, 2011. – 196 с.

17. Летина Н.Н. Российский хронотоп в культурном опыте рубежей (XVIII – XX вв.): дис. ... докт. культурологии: 24.00.01 – Теория и история культуры. – Ярославль,

2009. – 475 с.

18. Леткина Н.В. (Гендерный аспект в изучении языка и коммуникации в контексте культуры: дис. ... канд. философ. наук: 24.00.01 – Теория и история культуры. – Саранск, 2002. – 174 с.

19. Луканина О.Н. Эволюция представлений о природе «женского» в западноевропейской культуре: дис. ... канд. философ. наук: 24.00.01 – Теория и история культуры. – М., 2010. – 211 с.

20. Мазина Е.И. Тема Вечной Женственности в культурном пространстве Серебряного века: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 – Теория и история культуры. – Москва, 2009. – 170 с.

21. Макарова Г.А. Сакральный компонент ментальности любви во французской, русской и марийской лингвокультурах: дис. ... докт. культурологии: 24.00.01 – Теория и история культуры. – Саранск, 2006. – 449 с.

22. Малыгина А.В. Гендерные репрезентации как тексты культуры: на примере моды середины XX – начала XXI вв.: дис. ... канд. философ. наук: 24.00.01 – Теория и история культуры. – Москва, 2008. – 197 с.

23. Михайлова Н.В. Культурологические аспекты гендерных субкультур отечественной пенитенциарной системы: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 – Теория и история культуры. – Саратов, 2004. – 193 с.

24. Наговицын А. Е. Трансформация гендерных ролей в мифологических системах: дис. ... докт. философ. наук: 24.00.01 – Теория и история культуры. – Москва, 2003. – 403 с.

25. Николаева Г.А. Национально-культурная специфика гендерных отношений: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 – Теория и история культуры. – Санкт-Петербург, 2013. – 188 с.

26. Николаева Е.А. Женское литературное творчество в России как воплощение особого ментального типа: дис. ... докт. культурологии: 24.00.01 – Теория и история культуры. – Саранск, 2005. – 458 с.

27. Раева Д.М. Социокультурный анализ советской моды 20-30-х гг. XX века: дис. ... канд. философ. наук: 24.00.01 – Теория и история культуры. – Нижний Новгород, 2007. – 175 с.

28. Розанова С.С. Трансформация образа Софии в древнерусской культуре: от архетипа к концепту: дис. ... канд. философ. наук: 24.00.01 – Теория и история культуры. – Санкт-Петербург, 2010. – 199 с.

29. Румянцева О.Н. Дефиниция власти в традиционной культуре: гендерный аспект: на материале народных русских волшебных сказок: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 – Теория и история культуры. – Киров, 2007. – 177 с.

30. Соколова Е.Э. Западный феминизм и «женский вопрос» в культурологии: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. – Теория и история культуры. – Санкт-Петербург, 1997. – 197 с.

31. Сорокина С.А. Гендерные аспекты традиционной культуры народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 – Теория и история культуры. – Санкт-Петербург, 2005. – 291 с.

32. Стеценко Т.И. Феминистский социокультурный проект: социальные рамки гендерной самоидентификации личности в условиях современной культуры: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 – Теория и история культуры. – Владивосток, 1997. – 182 с.

33. Тарусина Н.Н., Лушников А.М., Лушников М.В. Гендер в законе. – Москва, 2015.

34. Шамарина Е.В. Культурный смысл материнства в Западно-европейской и отечественной философской мысли: дис. ... канд. философ. наук: 24.00.01 – Теория и история культуры. – Барнаул, 2008. – 175 с.

35. Шамсутдинова М.О. Гендерная парадигма в контексте культурологического анализа процессов социокультурной самореализации современной российской женщины: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 – Теория и история культуры. – Челябинск, 2005. – 170 с.

36. Шенкарева Е.О. Социокультурные факторы поддержания суверенитета: На примере истории Черногории XV-XVIII вв.: дис. ... канд. истор. наук: 24.00.01 – Теория и история культуры. – Москва, 2003. – 140 с.

37. Яковлева М.В. Динамика образов «мужественности» и «женственности» в европейском костюме XX века: гендерный подход: дис. канд. культурологии: 24.00.01 – Теория и история культуры. – Санкт-Петербург, 2003. – 187 с.

УДК 008

МУЗЕИ КАК ХРАНИТЕЛИ ПАМЯТИ И РЕСУРСЫ РАЗВИТИЯ В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ МАГНИТОГОРСКА

Амельченко С.Н.

Музей является институтом культуры, осуществляющим хранение и трансляцию ее ценностей, а также социально значимого опыта. Примером функционирования музейных учреждений различного вида является деятельность магнитогорских музеев, охватывающая все слои населения.

Ключевые слова: культура, музей, опыт, интеграция, идентификация, трансляция.

The Museum is a cultural Institute, which carries out storage and broadcast of its securities of power and socially meaningful experience. An example of a functioning Museum agencies of various kinds is the activity of the Magnitogorsk museums, covering all segments of the population.

Key words: culture, museum experience, integration, identification, translation.

Сложность современного периода в развитии нашего общества, масштабность и острота возникающих перед ним проблем обуславливают актуальность определения форм и способов интеграции его различных групп, подготовки подрастающего поколения к самостоятельной жизни, возвращения в нем зрелого, гражданского, ответственного и осознанного отношения к действительности. Важнейшее значение в решении данных проблем принадлежит культуре, которая формирует механизмы передачи духовных ценностей и социально-значимого опыта, воспитания активной позиции человека, его способности максимально полно реализовывать свой деятельностный потенциал на благо общества. В связи с этим возрастает роль институтов культуры и, в частности, музеев, которые являются хранилищами накопленного опыта и ресурсами дальнейшего развития социума и личности.

Музеи представляют собой специфичный, интегративный институт культуры, выполняющий научную, воспитательную и просветительскую функции. Значение музеев определяется их ролью в формировании мировоззрения человека, его кругозора, нравственного и интеллектуального багажа, любви и уважения к историческому прошлому своей Родины и всего человечества. Деятельность музеев активно включается в общие политические и информационные процессы, происходящие в России [2], способствует сохранению культурной и национальной идентичности наших соотечественников [3], стимулирует проявление творческого потенциала каждой личности [6], является базовым механизмом духовного развития всего общества [5].

Достояние культуры весьма разнообразно, и потому существуют разные виды музеев. В их ряду художественные, исторические, биографические, экологические (природные), этнические и пр. В Магнитогорске, несмотря на его непродолжительную, с точки зрения российской истории, биографию [4], имеется множество различных по своим характеристикам музеев. Они охватывают все слои городского населения и близлежащих районов, а также несут ценную информацию для гостей города металлургов.

Музеи появились как коллекции художественных ценностей, и для нашего города этот факт является очевидным. В 1980 году на площади Народных гуляний была открыта Магнитогорская картинная галерея, которая стала разновидностью художественного музея [1]. В стенах галереи усилиями ее работников (М. Ф. Абрамо-

ва, И. В. Калинкина и др.) представлены вниманию горожан полотна известных магнитогорских художников, отразивших историю города, красоту его улиц и проспектов, героику трудовых будней магнитогорского промышленного гиганта. Среди таких произведений можно выделить работы Н. Л. Черепанова, А. Ф. Аверинцева, Ф. Г. Разина, Н. П. Рябова и др. В Магнитогорской картинной галерее также вводится активная деятельность по организации и привлечению в наш город экспонатов из других государственных и частных коллекций. Привезенные в Магнитогорск экспозиции позволили познакомиться горожан с наследием С. Дали, Н. Рериха, М. Шагала и пр. Интересным нововведением в стенах галереи стало проведение с 2015 г. виртуальных экскурсий по залам Русского музея, которые призваны ознакомить магнитогорцев, и в первую очередь молодежь (в том числе воспитанников интернатов, людей, попавших в трудную жизненную ситуацию), с отечественным художественным достоянием.

Заметное место в жизни Магнитогорска занимает и Детская картинная галерея. Этот муниципальный музей был открыт в мае 1999 г., а начал свою деятельность еще раньше при поддержке начальника управления образования В. В. Печорина. В составе этого музея имеются художественные мастерские, выставочные залы, методический кабинет. Здесь, как и в МКГ, ведется последовательная работа по художественно-эстетическому воспитанию и развитию юных магнитогорцев, осуществляется масштабная научная, издательская и выставочная деятельность.

Весьма разнообразно представлена в городе деятельность различных школьных музеев. Их главной задачей является осуществление духовно-патриотического воспитания учащихся, развитие в них заинтересованного отношения к родному краю и его истории. В настоящее время в городе действует около 20 школьных музеев, созданных учителями и директорами – подвижниками, в числе которых О. И. Разовская (№ 8), С. В. Малыгина (№ 18), В. И. Полишук (№ 39) и др. Среди таких центров следует выделить музей боевой славы (шк. № 48, орг. Г. Н. Ишмаметьев), музей им. И. Х. Ромазана (шк. № 59), этнографический музей (шк. № 3, орг. Т. Зотова), музей-народную лабораторию (шк. № 64), краеведческий музей (шк. № 25, орг. Б. Я. Браславский и Л. Я. Князева) и мн. др. Большое содействие их деятельности оказывает О. А. Гакина – методист ПО «Экополис» ГЦТ.

Имеются музеи и в высших учебных заведениях, действующих в культурном ландшафте нашего города – Магнитогорской государственной консерватории им. М. И. Глинки и Магнитогорском государственном техническом университете им. Г. И. Носова. В первом учреждении (бывшем при открытии музея Магнитогорским музыкальным училищем) в 1984 г. по инициативе директора ММУ А. Н. Якупова и при участии к. пед. н., профессора Ю. Г. Писаренко был открыт Музей музыкальной культуры. Его разделы посвящены формированию музыкальной культуры в городе, деятельности его ведущих педагогов, музыкантам – фронтовикам, музыкантам – труженикам тыла в годы Великой Отечественной войны.

В Магнитогорском государственном техническом университете им. Г. И. Носова на сегодняшний день имеется несколько музеев. Самый ранний из них – музей истории ФГБОУ ВПО «МГТУ им. Г. И. Носова», открытый в 1970 г. по инициативе ректора Н. И. Иванова и д. т. н., профессора М. А. Остапенко (корп. № 1). В его создании активное участие принимали активисты и ветераны университета – И. Н. Заморуева, Я. И. Канаев, А. Ю. Шеметова и др. Коллекции этого музея вводят студентов в специфику получаемой ими специальности, знакомят с историей выбранного ими вуза и факультета. Наиболее значимыми здесь являются тематические экспозиции «Зал боевой славы», «Кабинет директора ММК Г. И. Носова» и пр. Важнейшей составляющей музейного фонда стал находящийся в непосредственной близости от Университетского сквера Памятный знак 87-ми преподавателям и студентам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Он, как и другие имеющиеся в музее экспонаты, выполняет важнейшую функцию по духовно-патриотическому воспитанию новых поколений магнитогорцев и гостей города.

В структуру МГТУ им. Г. И. Носова после реорганизации Магнитогорского государственного университета вошел музей истории МГПИ-МаГУ. Он был создан в 1999 г. по инициативе д. филол. н., профессора С. Г. Шулежковой и д. и. н., профессора М. Г. Абрамзона. В коллекциях музея получили отражение история вуза с 1941 г., а также научно-исследовательская деятельность его преподавателей и студентов, развивающаяся по направлениям «История и этнография народов Урала», «История России», «История города и края» и т. д.

Гордостью МГТУ им. Г. И. Носова стали специализированные центры, в ряду которых «Геологический музей» (открыт на кафедре геологии и геодезии в 1985 г. по инициативе д. т. н., профессора В. М. Рябкова), а также музеи Магнитогорского индустриально-педагогического колледжа (создан в 1983 г.), Магнитогорского индустриального колледжа (действует с 1989 г.) и других заведений, вошедших в состав МГТУ им. Г. И. Носова и образовавших с 2010 г. структуру Многопрофильного колледжа. На базе этих музеев осуществляется широкое гражданско-патриотическое и экологическое движение (отряды «Рифей», общество «Эковзгляд», волонтерские отряды), а также ведется серьезная научно-исследовательская работа учащихся.

Музейный комплекс МГТУ им. Г. И. Носова с ноября 2014 г. осваивает новые технологии, представив на сайте виртуальный музей «горно-заводской цивилизации», показывающий роль Урала в развитии отечественной промышленности и истории российского государства в целом.

Большое значение в духовной жизни горожан принадлежит Магнитогорскому краеведческому музею. Решение об его открытии было принято в 1944 г. Усилиями таких ученых как Т. В. Сальников, О. Н. Бадер, В. П. Котлов и др., в музее были созданы разнообразные и содержательные экспозиции, отражающие природу южно-уральского края, культуру станицы Магнитной, историю Магнитогорска с первых дней строительства до нашего времени. Уникальным отделом краеведческого музея стал мемориальный музей-квартира Б. А. Ручьева, открытый в 1975 г. В его фонде сегодня насчитывается около 12 тыс. экспонатов, в числе которых – личная библиотека поэта, материалы магнитогорских писателей и литераторов, судьба которых была духовно связана с Магниткой.

Важнейшим культурным центром города и его промышленного гиганта стал музей Магнитогорского металлургического комбината. Открыт он был в 1973 г., однако материалы для него собирались с 1931 г. по указанию Я. Гугеля. В экспозиции музея представлены фотографии тех, кто стоял у руля производства в довоенный период, грозные 1940-е гг., эпоху современной модернизации – А. Завенягин, Г. Носов, И. Ромазан, В. Рашников и др. Большое количество экспонатов демонстрирует подвиг тех, кто возводил первые домны, стоял у мартеновских печей, ушел на фронт и вернулся с победой, а в последние годы запустил станы «2000» и «5000». Гор-

достью музея являются фотографии Владимира Владимировича Путина, который посещал Магнитогорский металлургический комбинат и высоко оценил технологический уровень и социальную инфраструктуру его развития. Показателем достигнутого в этом музее профессионализма стало то, что его сотрудница О. Н. Ходот (выпускница культурологического отделения МГТУ) была приглашена на работу в администрацию губернатора Б. А. Дубровского для систематизации и перевода на более высокий и современный уровень музейного дела всей Челябинской области.

Таким образом, деятельность музеев способствует укреплению культурно-исторической памяти, сохранению и трансляции духовных и культурных ценностей, интеграции города Магнитогорска и всего российского общества, сообщая дополнительный импульс его последующему развитию.

Список литературы

1. Абрамова М. Ф. Художественная летопись Магнитки. – Магнитогорск: Магнитогорский дом печати, 2004. – 175 с.
2. Балынская Н. Р. Политико-медийный процесс в Российской Федерации: современное состояние // Экономика и политика. – 2015. – № 1 (4). – С. 6-8.
3. Волкова В. Б. Проблема сохранения русского языка в условиях глобализации как задача современной эколингвистики // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. – 2010. – № 3 (3). – С. 56-60.
4. Магнитогорск. Краткая энциклопедия / Под ред. Б. А. Никифорова. – Магнитогорск: Магнитогорский дом печати, 2002. – 557 с.
5. Малек Е. В. Основы формирования духовной культуры России первой половины XX века // Мировоззренческие основания культуры современной России: сборник материалов VI Международной научной конференции. Вып 6. – Магнитогорск: МГТУ, 2015. – С. 136-138.
6. Назарычева А. И. Проблема свободы и творчества в изменяющихся культурных условиях // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2015. – № 5 (55) – С. 126-129.

УДК 008

РОЛЬ ВОСТОЧНЫХ ТРАДИЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ОЛЬФАКТОРНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ РОССИЯН (НА ПРИМЕРЕ САКРАЛИЗАЦИИ ЗАПАХОВ В ПРАВОСЛАВНОМ ХРИСТИАНСТВЕ)

Мельник М.А.

В статье рассматривается процесс формирования ольфакторных предпочтений россиян в сфере религии через сакрализацию запахов, главная роль в нем отводится православному христианству, пришедшему из Византии.

Ключевые слова: феномен запаха, культура, культурные смыслы, сакрализация, христианство, фольклор.

The article deals with the formation of olfactory preferences of Russians in the area of religion through sacralization smells, the main role in it is given to the Orthodox Christianity came from Byzantium.

Keywords: the phenomenon of smell, culture, culture meanings, sacralization, Christianity, folklore.

Одним из признаков современного культурного пространства является глобализация, в которой религиозные и культурные традиции, общественные и политические движения объединяют, порой, прочнее государственных институтов и границ [1, с.33]. Однако в каждой культуре существуют свои специфические запахи, являющиеся доминантными для носителей этой культуры и выступающие в роли ее опознавательных знаков. «Это связано как с географическими и природными условиями существования и развития культуры, так и с традициями, обрядами, обычаями разных народов. В картине

мира каждой культуры отмечаются запахи природы (растений, животных, моря, гор, степей и т. д.), естественные и привнесенные запахи человека (парфюмерные ароматы, ритуальные умощения и др.), а также запахи традиционной кухни» [7, с. 30-31].

Использование человеком запахов в повседневной жизни имеет давнюю историю, на протяжении которой складывались различные практики их применения. Процесс сакрализации ароматов можно рассматривать как один из способов окультуривания запаха [3].

Находясь на стыке западной и восточной куль-

тур, Россия впитала традиции обеих. На наш взгляд, влияние восточных традиций, пришедших в русскую культуру вместе с принятием православного христианства, сложно переоценить. Нас интересует вопрос о том, какую роль в процессе формирования обонятельных предпочтений россиян сыграло православное христианство, пришедшее на Русь из Византии.

В славянской фольклорной традиции запахами наделяются лишь болезни, пороки и благие деяния. Обоняние, прежде всего, упоминается фольклористами как канал взаимодействия и взаимоузнавания живых и мертвых. Например, Баба Яга не способна видеть живого человека, но она улавливает его запах: фактически, мертвецами управляет обоняние.

По мнению Г. Кабаковой [4, с. 21-25], в русской традиционной культуре запах предстает как атрибут смерти и один из маркирующих признаков «того» света. Человек ничем не пахнет до тех пор, пока остается в «своей» среде, лишь болезни и скрытые пороки проявляются через дурные запахи. Упоминание о неприятном запахе встречается также в описании «чужого»: это человек иной нации, культуры, иного социального происхождения, или же богохульник, лжец, язык высказываний которого далек от нормативной лексики, то есть тот, кто вызывает антипатию.

Запах смерти, дух покойника изгоняют с помощью запахов ладана, воска. По запаху можно судить о том, какую жизнь вел человек: аромат, исходящий от покойного, согласно традиции, свидетельствует о достойной жизни. «Неправильные» покойники становятся после смерти нечистой силой и вторгаются в пространство живых. И здесь пахучие растения (польнь, чеснок) имеют двойственную природу: они защищают от нечистой силы и, с другой стороны, способны ее привлечь.

Христианские представления о семантике запахов не только не противоречат фольклорным традициям древней Руси, но достаточно гармонично дополняют и развивают их. Так, в тексте Библии в качестве основных благовоний упоминаются ладан (ливан), мирра (мира, миро, смирна, мирро), корица, елей, розовое масло. Эти ароматы с развитием религиозных представлений наделялись священным значением сначала в языческой традиции, а затем уже в христианской.

Исходя из анализа текста Библии, мы можем говорить о четком разделении запахов на благовонные (они достаточно разнообразны), ассоциирующиеся с раем, блаженством, близостью Бога, и зловонные (запах серы и гниения), являющиеся непременным спутником ада. В логической паре «благо-

вонное – зловонное» также можно увидеть христианское противопоставление верха и низа: все, что связано с небесной сферой, раем, с божественным, чистым, источает приятный аромат, в этом же ряду стоят благие дела, сопровождаемые благоуханием, тогда как низ логически соотносится с адом, грехом, злом, следовательно, с неприятными запахами гниения, смерти.

Согласно христианским представлениям, болезнь – это результат греха, поэтому помазание миррой – это символ исцеления от грехов и изгнания бесов. В таинстве миропомазания, активно использующем мирру, можно выявить и языческие корни, а именно – черты магического ритуала. Древние языческие колдуны верили, что в них вселяется дух, через которого можно вступить в отношения с «иным миром». Л. И. Емелях приводит пример сибирских шаманов, которые доводили себя особыми курениями и конвульсивными плясками до экстаза и в этом состоянии общались с духами.

В православии, как и у древних колдунов, мирру варят в обстановке особой торжественности. Это происходит один раз в год на страстной неделе в главном соборе патриархии. Для освящения мирра разливается в двенадцать сосудов по числу апостолов. Так же как церковь убеждает верующих в том, что миропомазание дает особую силу для жизни, древние язычники верили, что если помазаться миррой – колдовским составом, то аромат защитит от злых сил и придаст телу легкость [2, с.15-17].

Мы видим, каким путем шел процесс сакрализации запаха мирры: от использования его в магических языческих ритуалах до отведения мирре особой роли в качестве символа благодати в христианстве.

В православии распространено убеждение, что святые мощи издают благоухание, которое является символом святости. Ароматы церкви – это один из сильнейших факторов многовековой духовной работы, полно характеризующей христианские идеалы. Видимо, поэтому благоухание становится одним из проявлений чуда нетления святых мощей, свидетельствующего о физической идее бессмертия и символизирующего надежду на воскресение из мертвых.

Без использования благовоний невозможно представить себе заупокойный православный культ. При внесении тела усопшего в храм обязательно совершается каждение храма, а дом после похорон окуривается ладаном [6, с. 85]. Каждение напоминает верующим, что душа умершего, подобно фимиаму, восходит на небо, и что молитвы церкви о нем приятны Богу. Именно в погребальном культе

христиане используют самое большое количество благовоний.

Ароматические вещества широко применяются и в устройстве храма. Храм в христианстве предстает как синтетический сплав многих искусств: живописи, архитектуры, музыки. Важным в этом ряду становится и язык запахов, воздействующий на обоняние: сложно представить храм без искусства огня и дыма, без искусства курения благовоний. По мнению Флоренского [8], синтез искусств в храме помогает пережить катарсис всем, приходящим сюда. Он достигается благодаря полному соподчинению всех элементов.

В православном храме принято ставить перед иконой фимиам: таким образом, посредством благовонных воскурений молитва верующего возносится к ее первообразу, и поклоняющийся иконе может обратиться непосредственно к ипостаси изображенного на ней. Именно поэтому православную икону невозможно представить без своеобразного аромата, который как будто греет душу, источает теплое благоухание. Священный образ в этом случае неотделим от сакрального аромата. Одна из важных православных святых – Параскева Пятница изображается, подобно женам-мироносицам, со специальным сосудом для мирры – алавастром [9, с. 44].

Таким образом, в области сакрального православного христианства оказало огромное влияние на формирование ольфакторных предпочтений россиян. Процесс сакрализации запахов имеет давнюю историю, ведущую свое начало от эпохи первобытности, когда древний человек использовал ароматы в культовых обрядах. На примере христианства становится очевидным тот факт, что в процессе сакрализации сложились две традиции использования благовонных составов.

Первая традиция предполагает общение христианина с Богом через благоухание. Запахи елеса, мирры, ладана в сознании христианина превращаются в символ присутствия Бога, его снисхождения, поддержки и благословения. Благоухание также воспринимается как путь к Богу, через него происходит утверждение царской, а в данном контексте божественной, власти на земле.

Вторая традиция воплотилась в тщательно разработанном христианском культе, главная цель которого – максимально воздействовать на сознание мирян. Это проявляется в ритуале каждения и таин-

ствах, где благовония играют важную роль.

Православие занимает важное место в духовной жизни россиян, несмотря на многоконфессиональность, атеизм и секуляризацию, во многом характеризующие современную Россию. Учитывая тот факт, что «XX век прошел как самый безрелигиозный период в истории человечества» [5, с.121], мы не можем отрицать и того, что православие стоит у истоков российской государственности: оно во многом формирует систему ценностей, обуславливая парадигму социальных отношений. Именно поэтому ольфакторные предпочтения современных россиян, имеющие в основе православные корни, и сегодня остаются весьма актуальными.

Пришедшие из Византии традиции продолжают существовать во всех сферах бытия россиян, включая законодательство, общественные, семейные отношения, а также литературу и искусство, не говоря уже о сфере религиозных отношений. Именно в области сакрального на примере использования ароматов мы можем видеть наследие Востока, существующее уже много веков в практически неизменном виде.

Список литературы

1. Васева О. Х., Кожевников М. В., Мельник М.А., Назарычева А.И. Межкультурная коммуникация: виды и формы, проблемы и противоречия // Южно-уральский педагогический журнал. – Магнитогорск, 2014. – №1. – С. 33 – 42.
2. Емелях Л. И. Происхождение христианских таинств. – М. : Советская Россия, 1978. – 125 с.
3. Епанешникова М. А. Рецепция запаха и его природно-культурный смысл // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». Выпуск 14. – 2010. – № 8 (184). – С. 101–104.
4. Кабакова Г. И. Запах смерти // Славяноведение. – 2000. – № 6. – С. 21–25.
5. Малек Е.В. «Новая соборность» советской России (на материале поэзии первостроителей Магнитки) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2015. – № 5 (55). Часть I. – С. 120-123.
6. Носова Г. А. Язычество в православии. – М. : Наука, 1975. – 152 с.
7. Пак Сон Гу. Запахи в различных языках и культурах. Попытка сопоставительного анализа (на материале корейских, японских и русских фразеологизмов) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М, 2009. – Вып. 37. – С. 30– 40.
8. Флоренский П. А. Христианство и культура. – М.:Фолио, 2001. – 665 с.
9. Чумакова Т. В. Православие. – СПб.: Питер, 2007. – 208 с.

УДК 008

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЗРИТЕЛЯ В РАБОТЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ТЕАТРА

Меньщикова Д.С.

Современное театральное искусство характеризуется многообразием форм и направлений не только в столичной, но и в провинциальной культурной среде. Театр же существует, в первую очередь, ради зрителей. Формулирование основных проблем организации зрителя в провинциальной среде позволит наметить возможные решения этих проблем.

Ключевые слова: театр, спектакль, организация зрителя, проблема, репертуарная политика, провинциальная среда, целевая аудитория, продукт.

The modern theater is characterized by a variety of forms and directions, not only in the capital but also in the provincial cultural environment. The theater also exists for the viewers. Formulation of the main problems in the work with the audience in a provincial environment allows to identify possible solutions to these problems.

Keywords: theater, performance, organization of the viewer, the problem, repertoire policy, provincial environment, target audience, product.

В отличие от столичного театрального сообщества, театры малых городов сталкиваются с рядом проблем в работе со зрителем, характерных именно для пространства культуры провинциальной среды. В этой статье мы рассмотрим основные проблемы, причины их возникновения и возможные пути преодоления.

Одной из самых очевидных проблем провинциального театра является малочисленность населения и, как следствие, достаточно ограниченный круг его аудитории. На сегодняшний день, согласно статистическим опросам, среди жителей Магнитогорска лишь 3% бывают в театре регулярно (не менее 1 раза в месяц); 12% посещают театр чаще, чем 4 раза в год; для 24% посещение театра обязательно, но не чаще, чем 2 раза в год. 43% респондентов бывают в театре от случая к случаю, в основном посещая гастрольные спектакли, 4% предпочитают, по возможности, посещать столичные театры. 15% жителей города не посещают театр вовсе.

Таким образом, реальная аудитория провинциального театра, его референтная группа, это в среднем 15% от общего числа жителей города. Логичным будет предположить, что для города с населением около 417 000 человек, это довольно узкая аудитория, которая знакома с основным количеством постановок театра. Из этого факта вытекает следующая проблема в организации зрителя, а именно частота обновления репертуара.

Учитывая реально существующую ситуацию, целесообразно предположить, что провинциаль-

ному театру, чтобы оставаться конкурентоспособным, необходимо совершенствовать свое коммерческое предложение, в данном случае – как можно чаще обновлять существующий репертуар [1]. Исходя из текущего муниципального задания, действующего по всей территории РФ, провинциальные театры, находящиеся в городах с численностью населения до 500 000 человек, должны выпускать не менее 4 постановок в сезон. При этом средства на постановочные затраты театры либо получают из бюджета, либо изыскивают сами. В данном случае большую роль играет форма собственности учреждения – государственное, областное, муниципальное. На примере г. Магнитогорска и, в частности, Магнитогорского драматического театра им. А.С. Пушкина, который является Муниципальным автономным учреждением культуры и учредителем которого является соответственно администрация г. Магнитогорска, можно отметить, что из городского бюджета средства на постановочные затраты не выделяются. Постановка спектаклей осуществляется на средства, полученные от проката текущего репертуара, а также на привлеченные средства извне (гранты, спонсорская поддержка).

Разумеется, в такой ситуации представляется возможным выполнять муниципальное задание, но фактически невозможно обновить и 1/3 всего репертуара в течение сезона.

Исходя из того, что аудитория провинциального театра существенно ограничена численностью населения, а финансовые возможности не

позволяют постоянно предлагать аудитории все новый художественный продукт, мы усматриваем еще одну проблему в работе со зрителем, вытекающую из двух выше озвученных – достижение высокого уровня художественной ценности, качества этого продукта и, как следствие, формирование репертуарной политики.

Формирование репертуарной политики провинциального театра – это сложный и зачастую противоречивый процесс. Здесь должно учитываться множество проблемных факторов: общий культурный уровень населения города, деловая ориентация жителей (промышленность и ее характер, наука и т.д.), социальная неоднородность (половозрастные характеристики населения), экономическая неоднородность, понимание ответственности за совмещение целого комплекса функций театра как учреждения культуры в данном населенном пункте (транслирующая, аналитическая, просветительская, воспитательная, развлекательная и т.д.), тенденции в современном театральном сообществе, а также соответствие собственной миссии театра существующей репертуарной политике.

Кроме этого, театр должен иметь перманентную связь со зрителем посредством взаимодействия через социальные сети, чтобы знать, как он оценивает репертуар, каковы его чаяния. И в таком контексте закономерно говорить о речевой и языковой компетенциях специалистов по связям с общественностью, которые могут выстроить полноценный диалог со зрителем [2, 3, 4].

В отличие от столичных театров, в условиях отсутствия прямой конкуренции (Магнитогорский драматический театр им. А.С. Пушкина – единственный драматический театр города, что в данном случае не облегчает, а усложняет задачи театра) провинциальному театру необходим учет всех этих компонентов для успешного функционирования, для повышения доступности и удовлетворения потребностей всех социальных групп населения города.

Именно такой подход дает возможность сформировать наиболее сбалансированную репертуарную политику, отвечающую интеллектуальным запросам аудитории и позволяющую реализовывать планы учреждения.

К сожалению, чаще всего основными проблемами в формировании репертуарной политики является невнимание к отдельным факторам, определяющим успех деятельности театра, или подчинение репертуарной политики личным ин-

тересам художественного руководителя, главного режиссера или руководителя учреждения. Отдельно стоящей проблемой оказывается невозможность принять во внимание все факторы.

Таким образом, современный театр в пространстве культуры провинциального города сталкивается в своей деятельности с тремя основными видами проблем, всегда взаимосвязанных друг с другом: небольшая численность населения и, как следствие, узкая аудитория; недостаток финансирования и соответственно редкое обновление текущего репертуара; невнимание ко множеству проблемных факторов при работе со зрителем и, исходя из этого, неудачное формирование репертуарной политики. Некоторые из них имеют непреодолимый характер, но большинство все же являются решаемыми.

Расширение круга зрительской аудитории – одна из первостепенных задач провинциального театра. Отметим, что эта задача напрямую связана с проблемой численности населения, но также напрямую зависит от правильности формирования репертуарной политики, в которой учитываются интересы и интеллектуальные потребности социальных групп, редко посещающих театр. Учреждение, функционирующее в условиях пространства культуры малого города, не может изменить количественный состав населения, но может успешно приспособиться к нему.

Правильным решением расширения зрительского круга, разумеется, может стать процесс определения целевой аудитории. Возвращаясь к вопросу об отсутствии прямой конкуренции (Драматический театр им. А.С. Пушкина, Театр оперы и балета, Театр куклы и актера «Буратино» не являются прямыми конкурентами, каждый из них представляет свой сегмент театрального искусства), отметим, что провинциальные театры по своей сути должны удовлетворять потребности большинства социальных групп, следовательно, не имеет смысла решать вопрос о целевой аудитории театра. Гораздо целесообразнее определять и формировать целевые аудитории для каждого конкретного спектакля, принимая во внимание проблемные факторы (предназначение постановки для определенной социальной, деловой, экономической группы населения). Определение целевой аудитории каждого спектакля помогает продумать его информационное, рекламное освещение, определить ценовую политику в отношении проката этого спектакля и расширить дополнительные возможно-

сти по проведению PR-мероприятий.

Опыт столичных театров и тенденция «охлаждения» интереса к театральному искусству в провинции доказывают, что современному зрителю недостаточно посещения театральной постановки. Посещение театра тем привлекательнее для зрителя, чем больше в него включено, чем больше дополнительных возможностей, знаний, впечатлений оно предполагает [5]. В этой связи грамотное планирование и проведение PR-кампаний, сопровождающих ту или иную постановку, является дополнительным инструментом в успешной работе по организации зрителя. Современные каналы информирования зрителей, творческие встречи с режиссерами и художниками-постановщиками, беседы с артистами, присутствие на театральных читках, экскурсии по закулисы, предшествующие спектаклям интерактивы в фойе, – любая возможность разрушить «четвертую стену», отделяющую зрителя от сценического пространства, способствует повышению зрительского интереса как к бренду, так и к конкретному продукту.

Решения же проблем, как и сами проблемы, также взаимосвязаны между собой. Определение целевой аудитории и анализ существующего репертуара поможет определить, какие социальные группы населения охвачены, с какими еще предстоит работать. Постоянный мониторинг в данном случае даст возможность развиваться долгосрочному планированию по развитию театра, в формировании которого эффективным образом можно будет учесть и потребности зрителей, и интересы художественного состава театра.

Сегодняшний театр в пространстве культуры провинциального города имеет множество задач по интегрированию зрителей в современные

процессы, происходящие в театральной среде, но на этом пути сталкивается с различными проблемами по непосредственной организации зрителя. Недостаток финансирования, узкая аудитория, связанная с малой численностью населения и потерей интереса к театральному искусству, отсутствие ориентации на социально-экономические характеристики зрителей – все это неизбежно может привести к неэффективной работе учреждения. Внимательное отношение к проблемным факторам и особенностям провинциальной среды, долгосрочное планирование, грамотное формирование целевой аудитории являются решением проблем организации зрителя, а разработка эффективных PR-кампаний порождает поле для экспериментов.

Список литературы

1. Амельченко, С. Н. Деконструкция ментального кода российской культуры в контексте глобализации [Текст] / С. Н. Амельченко // *Философия и культура*. 2013. № 2 (62). – М.: Nota Bene; Институт философии РАН, 2013. – С. 171-181.
2. Виситаева А.А., Подгорская А.В. Специфика функционирования русского языка в Интернете // *Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России*. 2013. № 6 (6). С. 105-110.
3. Волкова В.Б. Проблема сохранения русского языка в условиях глобализации как задача современной эколингвистики // *Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России*. 2010. № 3 (3). С. 56-60.
4. Волкова В.Б. Жаргонизация как одна из доминант развития современного русского языка // *Актуальные проблемы современной науки, техники и образования*. 2010. № 2. С. 260-263.
5. Курбан Е.Н. Культурная трансмиссия: определения и понятия // *Экономика и политика*. 2014. №1 (2). С. 152-154.

УДК 008

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ PR-ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ТЕАТРЕ

Гукова В.Б.

В современную эпоху рыночных отношений сфере культуры, традиционно считающейся не коммерческой, приходится примерять новую для себя роль – сфера, приносящая прибыль. Для этого таким учреждениям, как, например, театр, становится необходимым освоение технологий продвижения и привлечения зрителей. В том числе и технологий по связям с общественностью.

Ключевые слова: театр, PR, связи с общественностью, зрители, массовые коммуникация, информация.

In the modern era of market relations in culture, traditionally considered non-commercial, have to try on a new role - the sphere, generating a profit. To this end, these institutions, such as the theater, it becomes necessary to promote the development of technology and attract viewers. Including the technology of public relations.

Keywords: theater, PR, communication with the public, the audience, mass communication, information

Связи с общественностью, public relations (PR), – современная форма коммуникации любой организации, существующей на рынке – от коммерческих компаний: агентство недвижимости, магазин, банк и так далее до государственных структур, политических партий и даже целых городов. Конечно, не обошло это и сферу культуры. Музеи, библиотеки, театры, филармонии – эти учреждения, которые всегда традиционно считались бюджетными, деятельность которых не направлена на получение прибыли. На данный момент они также являются активными участниками рынка, направленными на привлечение потребителей своих услуг и, соответственно, получение дохода. Для этих целей учреждениям культуры вообще и театру в частности необходимо применение современных технологий продвижения – рекламы, маркетинга, связей с общественностью, ведь само понятие «современный театр» стало концептуальным [1, 2].

Вообще рассматривать каждую из вышеперечисленных технологий в отдельности сложно, ведь на данный момент в мире информационных технологий очень сложно провести точную грань между рекламой и пиаром. Есть распространенное суждение среди специалистов области, что и реклама, и пиар являются составляющей частью маркетинга – маркетинговых коммуникаций. В данной же статье мы все же будем опираться на мнение, что связи с общественностью конкретно в культурной сфере можно и нужно рассматривать как отдельный способ продвижения, но, конечно, в совокупности с другими технологиями коммуникаций учреждения и потребителя.

Традиционно, еще с советских времен, в отечественном театре «специалистом по связям с общественностью» в классическом его понимании считается заведующий литературной или литературно-драматической частью. Именно этот специалист имеет тесные контакты со СМИ, особенно традиционными, такими как газеты и телеканалы. Он организует специальные предпоказы премьер для журналистов: согласовывает с режиссером время и определенный момент показа, если, например, не планируется показ целого спектакля; договаривается с актерами об интервью; может написать речь, вопросы, самостоятельно дать определенные комментарии для газет и телеканалов. Далее, непосред-

венно перед публикацией материала, зав. литературной или литературно-драматической частью также готов помочь журналистом в уточнении информации, в подтверждении или опровержении суждений, фактов. После выхода материала специалист по литературной части собирает в архив все печатные публикации и телевизионные сюжеты. Поводом для общения с журналистами может служить не только премьера, но и, например, выигрыш театром какого-либо гранта, конкурса, участие в фестивале, личные заслуги творческого персонала – присуждение премии, награды, звания (заслуженный артист России). В связи с подобными, значимыми для театра мероприятиями обязательно организуется пресс-конференция с ведущими СМИ города.

В отношении Магнитогорска стоит отметить, что в провинциальном городе работать заведующему литературной частью именно по профилю общения с традиционными СМИ гораздо легче, чем в большом городе, таком как, допустим, Санкт-Петербург. Это обусловлено тем, что в таком богатом на культурные события городе, как Санкт-Петербурге, завладеть вниманием и временем журналиста намного сложнее. Здесь событие должно быть чем-то особенно примечательным, оригинальным – если участие и победа в фестивале, то обязательно международном и заграничном: очень ценятся европейские театральные фестивале в Чехии, Австрии, Германии, Испании. Так как в больших городах «информационные поводы» приходится постоянно продвигать как среди журналистов, так и среди населения, то и в учреждения культуры, в том числе и в театры, для данной работы стали привлекать профильных специалистов, а именно PR-менеджеров. Именно они организуют работу со СМИ, собирают пресс-конференции, готовят интервью. Но это лишь малая часть работы специалиста по связям с общественностью в современном театре. С приходом в мир Интернета следует отметить, что вся информация, а следовательно, и ее донесение до потребителя переместилась во всемирную компьютерную сеть [3].

Digital-коммуникации и социальные медиа – вот те термины, которыми оперирует современный PR-специалист. Digital в переводе с англ. значит «цифровые», поэтому включает коммуникации,

происходящие в цифровом пространстве, и именно: поисковое продвижение; контекстная и тизерная, медийная и баннерная реклама; продвижение в социальных сетях и блогах; создание мобильных приложений и т.д. Для каждой определенной организации для достижения определенных целей и решения задач подходит комплекс мероприятий или использование одного-двух каналов коммуникаций. Если рассматривать продвижение театрального продукта в Магнитогорске, то следует признать, что не все из вышеперечисленных способов Digital-коммуникаций подходят для провинциального города. Все же традиционные методы донесения информации, такие как телевидение, радио, газеты, остаются еще достаточно эффективными для определенного слоя населения. Но для привлечения молодой публики в театр некоторые из «цифровых» методов являются преобладающими. Особенно можно выделить использование сайта и социальных сетей. Сейчас практически у каждого театра есть сайт и группа в одной или нескольких социальных сетях, и самые популярные из них на данный момент – ВКонтакте, Facebook, Одноклассники, Instagram. Благодаря «нахождению» театра в информационном пространстве посредством социальных сетей намного упрощается процесс общения театра с аудиторией – потенциальными зрителями. Пользователь в группе, например, ВКонтакте, может задавать вопросы круглосуточно, и так же регулярно (в зависимости от налаженности этого процесса в конкретном театре) получать оперативный ответ. Это намного упрощает коммуникацию и дает практический эффект: позвонить по телефону не всегда бывает удобно – неподходящее время или ситуация, а написать в социальной сети, в которой большинство представителей молодого населения проводит внушительную часть времени, легко, привычно и приятно. Благодаря социальным сетям можно вести оперативные сообщения в процессе подготовки к премьере какого-либо спектакля, тем самым подогревая интерес публики к происходящему, проводить конкурсы, розыгрыши билетов, знакомить участников группы с закулисной жизнью театра. Всё это позволяет неформальными и бюджетными способами налаживать контакт с аудито-

рией и впоследствии привлекать зрителей на спектакли.

Стоит отметить, что будет неверным ограничивать Digital-коммуникации лишь социальными сетями. Например, поисковое продвижение (создание специальных условий, при которых сайт и/или группа в социальных сетях достигает наилучших позиций в поисковых отчетах по тематическим поисковым запросам поисковых систем: по-другому еще называют SEO-оптимизацией) также является эффективным способом рекламы как отдельного спектакля, так и всего театра в целом.

Из этого следует, что такие технологии требуют специальных знаний и умений, которыми в провинциальном театре редко кто может полноценно обладать. Поэтому получается, что происходит неофициальное разделение обязанностей среди специалистов административного и художественно-руководящего, а иногда и творческого состава, в зависимости от компетенций и навыков тех или иных специалистов. Конечно, какие-то способы продвижения при такой структуре работы оказываются неохваченными и нереализуемыми. В идеале для эффективной работы театра в области связей с общественностью требуется целый отдел, состоящий из разного рода специалистов: пресс-секретаря, SMM-специалиста, интернет-маркетолога, копирайтера, дизайнера, PR-менеджера. Конечно, в зависимости от размеров театра и масштабов его творческой деятельности какие-то две или даже три позиции могут быть совмещены в работе одного специалиста. В любом случае можно сделать вывод, что эффективные коммуникации в современном театре невозможны без пересмотра устоявшихся за многие десятилетия шаблонов работы.

Список литературы

1. Волкова В.Б. Концепт в интертекстуальном пространстве художественного дискурса // *European Social Science Journal*. 2013. № 9-1 (36). С. 250-257.
2. Волкова В.Б. Художественный концепт в пространстве интер- и гипертекста // *Актуальные проблемы современной науки, техники и образования*. 2013. Т. 2. № 71. С. 284-287.
3. Курбан Е.Н. Культурная трансмиссия: определения и понятия // *Экономика и политика*. 2014. №1 (2). С. 152-154.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.614

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МОЛОДЕЖИ ИЗ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ К ГОРОДСКОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ (НА ПРИМЕРЕ ФГБОУ ВПО «МГТУ»)

Томаров А.В., Подольская И.А.

Современное и постоянно меняющееся общество требует быстрой адаптации к предлагаемым условиям. Темпы городского развития гораздо быстрее размеренного образа жизни села, поэтому студентам из сельской местности требуется намного больше усилий на процесс адаптации как в городе в целом, так и в вузе в частности. Цель работы – изучить проблемы процесса адаптации студентов сельской местности к городскому образу жизни, проанализировав результаты социологических исследований.

Ключевые слова: социальная адаптация, городской образ жизни, социологические исследования, социология села

The modern and ever-changing society requires a rapid adaptation to the proposed conditions. The pace of urban development is much faster than country-side regular life, so the students from rural areas need a lot more efforts into the process of adaptation to the city in general and the university in particular. The objective of this work is to go behind the problems of adaptation of students of rural areas to the urban way of life analyzing the results of sociological research.

Keywords: social adaptation, urban lifestyle, case studies, sociology of country-side areas

Процесс адаптации – это неотъемлемая часть социализации личности, но, как этот процесс будет протекать, зависит от многих условий, которые предлагает постоянно и быстро изменяющееся общество, предлагая определённый образ существования. Образ жизни – общесоциологическая категория, применяемая для характеристики: во-первых, совокупности конкретных форм жизнедеятельности людей во всех сферах общественной жизни, складывающейся в качественно определённый, упорядоченный способ жизни; во-вторых, совокупности социальных условий и способов реализации потребностей людей.

Городской образ жизни, прежде всего, характеризуется следующими признаками:

1. Высокий уровень социальной дифференциации. Это касается и видов деятельности, а также пространства и территории.
2. Социокультурная гетерогенность.
3. Высокий уровень социокультурной мобильности; высокий уровень социокультурной динамики.
4. Высокий уровень вариативности и альтернативности сознания и поведения

5. Информационная насыщенность городской среды [2].

В последние время большая часть абитуриентов Магнитогорского государственного технического университета – это молодые люди из близлежащих сел и деревень. Это объясняется тем фактом, что потенциальные абитуриенты из Магнитогорска, поступают в вузы других городов (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург). Уезжая из родного дома, от родителей, молодые люди вынуждены быстро осуществить переход из «детства» во взрослую жизнь, и понятно, что этот процесс сопровождается рядом проблем.

Если в селе или деревне жизнь течет размеренно и неторопливо, практически все знают друг друга и о друг друге, то город – это абсолютно другие условия. Абитуриенты за короткий срок должны адаптироваться к предлагаемым им новым условиям. Проводимые социологические исследования в университете выявили целый ряд существенных проблем [1, с. 130-140].

Начало самостоятельной жизни связано со множеством проблем. Эйфория о полной независимости быстро проходит и чувство

оторванности от родителей сильнее начинает заявлять о себе, особенно у девушек. Студентам из сельской местности приходится адаптироваться в коллективах дважды, в отличие от городских абитуриентов. Во-первых, необходимо адаптироваться в общежитии, а во-вторых в студенческой группе.

Студенты, проживающие в общежитии, не удовлетворены санитарно-гигиеническими условиями. Прежде всего, это неудовлетворительное состояние душевых кабин и освещения, отсутствие ремонта в комнатах, который приходится делать за счет личных средств абитуриентов. Причем, большинство студентов говорят о нехватке элементарной мебели в комнате — тумбочек, шкафов, полки и так далее, а также отсутствие бытовой техники, например, рабочего телевизора в холле. К основным проблемам общежитской жизни относят и тесноту в комнате. В комнате четыре человека, к которым нужно «притереться», найти общий язык и, в идеале, подружиться. Отсутствие возможности побыть одному не способствует развитию ровных эмоциональных отношений. Студенты из сельской местности сталкиваются и с проблемой питания. Как показывают социологические исследования, большинство студентов готовят сами, отмечая при этом, очень низкий уровень оборудования кухни.

Первокурсники из сельской местности подвержены «соблазнам» городской жизни — наркотики, алкоголь и так далее. Из-за отсутствия организованной досуговой деятельности процент подверженности данным «соблазнам» существенно повышается. В общежитии отмечается наличие вымогательства старшекурсниками, а некоторые говорят о наличии «дедовщины».

Абитуриенты из сельской местности и города отличаются и разностью культурных ориентиров. Молодые люди из сел и деревень более открытые и наивные, соответственно чаще попадают под дурное влияние и в неприятные истории. Также можно отметить и проблемы восприятия «самого себя». Идет постоянный процесс сравнения себя с «городскими», а, следовательно, развивается комплекс «ущербности». Причем чаще всего эта проблема напрямую завязана с проблемой «социального неравенства» и «социальной дифференциации» — «они могут позволить себе больше, чем я». Социальное неравенство одна из наиболее

актуальных и тревожащих население проблем как в России, так и во всем мире. Но следует отметить, что россияне более терпимы к проблеме неравенства, чем население большинства европейских стран [3, с. 43]. Но тем не менее, они приводят к возникновению различных социальных конфликтов, а что более важно — к национальным конфликтам.

Для решения вышеперечисленных проблем студенты из сельской местности начинают группироваться друг с другом, образуя некие «диаспоры», в которых формируются собственные ценности и образ жизни. Многие студенты из башкирских сел испытывают неприязнь к городским русским студентам. Это выражается в нежелании вместе выполнять научные проекты, готовить доклады на научные конференции, участвовать в грантах, работать на практических занятиях и так далее. К сожалению, в настоящее время мы можем говорить о наличии национальных противоречий во многих вузах, которые могут перетекать в национальные конфликты.

Приезжие студенты вузов часто сталкиваются с проблемой, которую можно сформулировать как «чужой-местный». Если в провинциальных городах это проблема не так остро стоит, то в столичных городах она наиболее ощутима. Студенты из провинциальных городов сталкиваются почти со всеми выше перечисленными проблемами студентов из сельской местности. Этот факт их тоже заставляет группироваться, создавая «землячество», что тоже ведет к проявлению национальной нетерпимости, а сейчас мы можем говорить и о так называемой «территориальной неприязни» [4, с. 271].

Таким образом, мы можем говорить о том, что для успешной адаптации абитуриентов из сельской местности к городскому образу жизни необходимо возродить институт «кураторства» в полном объеме, а не номинально, что могло бы уберечь абитуриентов от многих проблем самостоятельной жизни.

Список литературы

1. Акулова И.С., Воронина Г.А., Ревенская О.В., Филатов В.В. МГТУ им. Г.И. Носова в социологическом измерении: Монография [Текст] / под ред. В.В. Филатова. - Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2009. - 316 с.
2. Городской образ жизни в условиях глобализации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.freqlist.ru/sociologiya/gorod-kak-socialnaya-sistema-radionova/gorodskoie-obraz-jizni-v-usloviyax->

[globalizacii.html](#). (дата обращения 03.09.2015)

3. Хейнонен В.А., Ефимова К.В., Подольская И.А. Социальное неравенство в России //Актуальные исследования гуманитарных, естественных, общественных наук. Материалы IV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. – Новосибирск: «Центр содействия развитию научных исследований», 2014. – С. 40-44.

4. Томаров А.В. Некоторые направления политики занятости населения в системе управления регионом//Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России: сборник статей Всероссийской научно-теоретической конференции. Магнитогорск, 2010. – С. 269-273.

УДК 301

СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В ФОРМИРОВАНИИ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА

Сапожникова С.М.

Представлена модель формирования профессионально-социального партнерства на примере ГОУ ВПО «Магнитогорский государственный технический университет». Суть используемой модели заключается во взаимовыгодном сотрудничестве ГОУ ВПО «МГТУ» с предприятиями региона, как в образовательном процессе, так и в разработке совместной политики профессиональной адаптации выпускников. Предложены конкретные мероприятия по дальнейшему совершенствованию данного процесса.

Ключевые слова: партнерство, инновация, профессиональное образование, рынок труда, социальная адаптация.

In this article there has been presented a model of forming of professional social partnership on the example of Magnitogorsk State Technical University. The model of instruction between MSTU and employers (enterprises of Chelyabinsk region) is described in this article; and the essence of this model is in profitable co-operation either in educational process or in the policy of employment. The measures for improving of this process have been offered.

Key-notions: partnership; innovation; professional education; labour market, social adaptation

Происходящие в России социально-экономические преобразования сопровождаются внедрением современных наукоемких технологий, повышением качества выпускаемой продукции с выходом на мировые рынки. На данном этапе развития одним из важнейших элементов выступает система высшего профессионального образования, которая требует внедрения принципиально новых подходов к подготовке рабочих кадров и специалистов для современного наукоемкого производства. По утверждению Президента России Д. Медведева в течение ближайших десятилетий Россия может стать «страной, благополучие которой обеспечивается не столько сырьевыми, сколько интеллектуальными ресурсами, «умной» экономикой, создающей уникальные знания, экспортом новейших технологий и продуктов инновационной деятельности» [1].

Подготовка квалифицированных кадров в системе профессионального образования всегда

была зависима от уровня экономического развития страны и отдельных регионов и, в свою очередь, влияла на темп этого развития, при этом производство и система профессионального образования взаимосвязаны и взаимозависимы. При этом инвестиционная привлекательность системы профессионального образования возможна при условии соответствия качества подготовки выпускников требованиям, предъявляемым современным работодателем.

Следует отметить уже сложившиеся противоречия современной системы профессионального образования и регионального рынка труда:

1. Отсутствие эффективных способов передачи требований рынка труда к количественному и качественному составу предполагаемого кадрового потенциала, «закрытость» предприятий по выявлению потребностей в кадрах ограничивают возможности учебных заведений в мониторинге перспектив и тенденций развития рынка труда

2. В производственном секторе экономики слабо представлены профессиональные стандарты и требования к компетентности работников отрасли в измеримых критериях, что затрудняет осуществить компетентностный подход в подготовке кадров, ориентированных на процесс успешной профессионально-трудовой адаптации.

3. Редко применяется система внешней экспертизы профессиональных образовательных программ, оценка качества подготовки специалистов со стороны непосредственных заказчиков кадровых ресурсов.

4. Слабо работают механизмы институциональных оснований участия работодателей в подготовке высококвалифицированных кадров. Такое сотрудничество часто носит эпизодический характер, что само по себе не может вывести систему на новый этап своего развития.

Таким образом, реально существуют объективные противоречия между рынком труда и рынком образовательных услуг, которые требуют ресурсного объединения всех заинтересованных в этой проблеме субъектов. Решение этих противоречий возможно только при заинтересованном участии работодателей в организации и процессе подготовки кадровых ресурсов для сфер производства. Решение обозначенных проблем возможно при создании нового механизма взаимодействия работодателей и учреждений профессионального образования – организации профессионально-социального партнерства на основе заинтересованности сторон в организации и процессе подготовки кадровых ресурсов для всех отраслей производства.

Особенностью Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова является многолетний и эффективный опыт партнерства с работодателями и образовательными учреждениями начального и среднего профессионального образования.

В университете определена стратегия партнерства. Ключевыми партнерами в области обеспечения качества подготовки выпускников являются более 60 предприятий, в т.ч. ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат», ОАО «Белорецкий металлургический комбинат», ОАО «Чусовской металлургический комбинат», холдинг ОАО «Уральская горно-металлургическая компания», ЗАО «Механоремонтный комплекс», группа компаний «Полиметалл» (г. Екатеринбург), компания «Danieli» (Италия), НП «Металлургомаш» (г. Москва) и другие. Стратегия партнерства в области обеспечения

качества определяется стратегией развития промышленных предприятий, в том числе их кадровой политикой и потенциальными возможностями университета, как научно-образовательного центра, при этом учитываются традиционные связи [2, с.5].

Переход от государственного обеспечения системы высшего профессионального образования к многоуровневому вложению ресурсов позволит применять и реализовывать качественные изменения в подготовке высококвалифицированных специалистов для регионального рынка труда. Профессионально-социальное партнерство позволит работодателю определять заказ перед учреждениями системы высшего профессионального образования с дальнейшим прогнозом на будущее, как в количественных, так и в качественных характеристиках потенциального работника. На основе такого партнерства представляется возможным среднесрочное прогнозирование кадровых потребностей регионального рынка труда в разрезе подготовки по определенным специальностям и направлениям [3, с.37].

Создание механизма регионального заказа на подготовку высококвалифицированных кадров предполагает не только участие потенциальных работодателей в системе управления качеством на начальном и конечном этапах реализации профессиональных образовательных программ, но и возможность вносить определенные системные изменения.

Важное место в методологическом обеспечении подготовки кадрового потенциала отводится мониторингу регионального рынка труда, основу которого составляют формирование среднесрочного прогноза кадровых потребностей, изучение структуры запроса работодателей на качество подготовки, проведение анализа соответствия требуемого и реализуемого качества подготовки кадров. Эту функцию могут реализовывать отделы, отвечающие за профессионально-трудовую адаптацию обучающихся в высших профессиональных учреждениях [4, с.120].

Эффективность профессионально-социального партнерства будет повышаться в том случае, если представители работодателей станут непосредственными участниками данного процесса в части не только создания условий для прохождения производственной практики, но и организации производственного обучения.

Таким образом, работодатель может координировать организационно-содержательную составляющую образовательного процесса: совме-

стное составление профессиональных образовательных программ; корректировку и внесение изменений и дополнений в интегрированные рабочие программы, основанные на компетентностном подходе.

При организации образовательного процесса работодатель может обеспечивать предоставление определенного количества рабочих мест и создание условий для выполнения лабораторно-практических работ и проведения практических занятий, организацию производственного обучения по отдельным, наиболее сложным разделам программы на рабочих местах предприятия, а также организацию производственной практики обучающихся на рабочих местах предприятия [5, с.280].

Рассматривая профессиональное образование как непрерывный процесс развития личности, необходимо отметить, что профессионально-социальное партнерство открывает новые возможности социального и профессионального становления обучающихся, привлечения их к творческой деятельности на основе экспериментальной работы по освоению новых технологий производства. Возможно привлечение инженерно-технических работников предприятия к проведению занятий с обучающимися по наиболее сложным практическим темам программ специальных дисциплин, лабораторно-практических работ и практических занятий. Особая роль определена наставничеству с привлечением опытных инженерно-технических работников и высококвалифицированных рабочих предприятия для обучающихся во время прохождения всех видов практик [6, с.262]. Такой подход требует не просто непосредственного, но и активного участия работодателя с его научным и производственным потенциалом в развитии системы высшего профессионального образования.

В рамках данной модели необходимо аккумулярование научных, производственных, обра-

зовательных достижений для подготовки квалифицированных рабочих и специалистов высокотехнологичного производства. Для этого целесообразно создать специализированную структуру, которая бы накапливала новейшие разработки и достижения в различных областях промышленности. Роль такой структуры заключалась бы в создании образовательных программ и методических рекомендаций, совершенствовании реализуемых учебно-методических комплексов. Тем самым эта возможная система могла бы способствовать, ускоренному освоению обучающимися реалий высокотехнологичного производства, их качественной подготовке в системе ПО, а также успешной профессионально-трудовой адаптации обучающихся на предприятии.

Список литературы

1. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года». Москва, Кремль, 8 февраля 2008 г.
2. Колокольцев В.М. Пять лет от аттестации до аттестации. // Вестник МГТУ им. Г.И. Носова. – 2008. – №1. – С. 5.
3. Ларионова М. В., Мешкова Т. А. Обзор международных проектов по сближению национальных квалификационных систем // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2006. – №1. – С. 37.
4. Гринберг Р. С. Эффективное взаимодействие государства и бизнеса как основа новой промышленной политики России // Материалы конференции «Государственно-частное партнерство в инновационных системах». – М., 2007. – С.120.
5. Васильев В. Н., Гуртов В. А. и др. Рынок труда и рынок образовательных услуг в субъектах Российской Федерации. М.: Техносфера, – 2007. – С.280.
6. Мезенцев А. Г., Питухин Е. А. Моделирование потребностей экономики региона в выпускниках системы высшего профессионального образования // Регионология. – 2003. – № 1–2. – С. 262.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 882

ЛИЧНОСТЬ КАК ЦЕННОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Постникова Е.Г.

Личность является абсолютной ценностью для Достоевского. Личность способна на принципиально внеритмичный, выпадающий из нормы ответственный поступок. Гордость и смирение соотносятся в творчестве Достоевского как ритм и риск, норма и ненормальность и являются ценностными установками, проявляющимися в поведении человека и определяющими устойчивость личности, ее самостоятельность.

Ключевые слова: Достоевский Ф.М., ценность, личность, гордость, смирение, ритм, риск.

Person is an absolute for Dostoyevsky. A person is able to commit a truly non-standard responsible act that does not comply with the norms. Pride and humility correlate in Dostoyevskiy's creative work as rhythm and risk, norm and abnormality, and represent a system of values, which appear in human behavior and define a person's stability and its independence.

Key words: F.M. Dostoyevsky, value, person, pride, humility, rhythm, risk.

Ф.М. Достоевский так определил основную задачу своего литературного творчества: "При полном реализме найти человека в человеке" [1, с. 65]. Большинство исследователей творчества Достоевского сходятся во мнении, что главным объектом внимания писателя-философа является человеческая личность. В науке особо оговаривается несоответствие понятий "человек" и "личность". Понятие "личность" как категория ценностная отграничивается от более широкого и всеобъемлющего понятия "человек". Человек должен осуществить себя, пройдя через сложный процесс становления личности. Становление личности невозможно без осознания человеком своей должностующей единственности, когда собственное существование воспринимается как "я есмь" единственный и неповторимый, образ и подобие божье и несущий в себе творческую неостановимую активность. Именно на единственности "я есмь" основывал В. Лосский свое определение личности: "Личность – это оформленность наиболее внутреннего происхождения и наиболее индивидуальная. В ней всегда явственно ощутим непреодолимый стержень единственного в мире и неповторимого человеческого "я"

[2, с. 135]. Гордость и смирение соотносятся в творчестве Достоевского как ритм и риск, норма и ненормальность и являются ценностными установками, проявляющимися в поведении человека и определяющими устойчивость лич-

ности, ее самостоятельность.

Активным героям Достоевского приходится бороться со своей официальной маской за право быть собой, быть личностью. В художественном мире Ф. М. Достоевского "маска" есть лицо "большинства", лицо "дружести". Она является нормой в мире данности. Способность человека спонтанно проявлять себя, сопротивляться собственной официальной версии и определяет степень его нормальности (ненормальности) в царстве бытия. У Достоевского парадоксальным образом ценностно меняются местами понятия нормы и ненормальности. О героях его романов можно сказать, что соблюдение ими норм еще не доказательство зрелости (самостоятельности) личности и, наоборот, выпадение из нормы еще не есть ненормальность. Человек нормальный в смысле его хорошей приспособляемости, "приживаемости" добивается признания за счет отказа от своей личности, непосредственности.

Для понимания проблемы личности в художественном мире Достоевского нам многое может дать обращение к роману "Идиот". Первое, что замечают в Мышкине, – "невместимость" в разряд, класс, в норму. Достоевский заметил: в мире толпы, "большинства" принято разделять людей на типы, классы, сортировать по происхождению. Обычный человек, человек толпы прячется за свой тип от собственной свободы. Такую мысль в "Идиоте" высказывает князь

Мышкин: “Это от лениности людской происходит, что люди так промеж собой на глаз сортируются и ничего найти не могут...”, – объясняет он лакею Епанчиных [3, с. 24].

Поведение, всегда адекватное своему социальному статусу, четкое знание своего места – это и есть нормальное поведение, “норма” в официальном мире. Любимейшие же герои Достоевского: “идиот” Мышкин и «юродивая» Хромоножка (“Бесы”) – ненормальны, подвижны спонтанной, из себя идущей активностью. К юродивым героям Достоевского можно отнести философский вывод М. Бахтина: “Жизнь (...), в которой я активно нахожу себя, не выразима в ритме, стыдится его. Стыд ритма и формы – корень юродства” [4, с. 80].

В образе князя Христа (положительно – прекрасного человека) Достоевскому особенно важно было показать принципиальную неместимость князя Мышкина в разряд, класс. Эта черта князя притягивает к нему внимание, вызывает удивление и даже “решительное и грубое негодование” [3, с. 19]. “нормальных” героев. Вот как реагирует на князя лакей Епанчиных, человек маленький, но очень гордящийся своим местом в “порядочном” мире: “Казалось бы, разговор князя был самый простой; но чем он был проще, тем становился в настоящем случае нелепее, и опытный камердинер не мог не почувствовать что-то, что совершенно прилично человеку с человеком, но совершенно неприлично гостю с человеком”. Слишком уж князь не подходил под разряд вседневных посетителей...

– Ну как я об вас об таком доложу? – проворчал почти невольно камердинер” [3, с. 17].

Кстати, как показал Достоевский именно лакеи (и вообще “маленькие люди”) особенно ревностно охраняют правила иерархии.): Князь не вписывается в “норму” и потому, что слишком страдает людям. “Безмерность его сострадания этому миру воспринимается в свете как отсутствие всякого “чувства меры”. И сам князь ощущает себя в “приличном” обществе лишним: “Но в обществе я лишний. У меня нет жеста приличного, чувства меры нет” [3, с. 283]. Князь пришел в мир совершенно чистым, “невинным”. Он не знает иерархии, не считается с ней и на всех его действиях лежит печать “нелепости”. Спонтанная, из-себя активность князя не вписывается в нормы этого мира, делает его “невозможным” для светского представительства: “Лизавета Прокофьевна решила про себя окончательно, что жених “невозможен” [3, с. 286]. Все вышепере-

численное и к тому же “прирожденная” болезнь князя, вследствие которой он “совсем женщин не знает” [3, с. 14], позволяет Рогожину безошибочно и сразу же угадать в князе юродивого: “Ну коли так, – воскликнул Рогожин, – совсем ты, князь, выходишь юродивый, и таких, как ты, бог любит” [3, с. 14].

Болезнь же князя совмещает в себе “нарушение нормального состояния” и одновременно “ощущение высшего бытия, красоты и молитвы”: “Раздумывая об этом мгновении впоследствии, уже в здоровом состоянии, он часто говорил сам себе, что ведь все эти молнии и проблески высшего мироощущения и самосознания, а стало быть и “высшего бытия”, не что иное, как болезнь, как нарушение нормального состояния, а если так, то это вовсе не высшее бытие, а напротив, должно быть причислено к самому низшему. И, однако же, он все-таки дошел наконец до чрезвычайно парадоксального вывода: “Что же в том, что это болезнь? – решил он наконец, – какое до того дело, что это напряжение ненормальное, если самый результат, если минута ощущения, припоминаемая и рассматриваемая уже в здоровом состоянии, оказывается в высшей степени гармонией, красотой, дает неслыханное и негаданное дотоле чувство полноты, меры, примирения и восторженного молитвенного слития с самым высшим синтезом жизни” [3, с. 188]. Больны, “мучаются” этим миром многие активные герои Достоевского, возможно, именно потому, что для спонтанной, неместимой в рамки приличия активности “втягиваться” в мир данности – процесс болезненный и мучительный.

Не вписываясь в официальную “норму”, Мышкин способен творить норму новую. Каждый раз, когда он поступает искренне, свободно, он поступает как новатор. Настоящим новатором, носителем творческой активности был Христос. Во многом понять причину этого нам поможет высказывание М. Бахтина: “Мир, откуда ушел Христос, уже не будет тем миром, где его никогда не было, он принципиально иной” [5, с. 31]. “Князь – Христос” Мышкин привносит в мир петербургской семьи, где он появляется так ненадолго, что-то качественно новое, индивидуально свое. Общение с ним оставляет неизгладимый след в душе каждого знавшего его.

Право на риск и риск взять на себя право не вписываются в пассивное мировосприятие. Рисковый поступок вмешательства выпадает из ряда повторяемых действий, которыми характе-

ризуется жизнь на основе «своего алиби в бытии» (выражение Бахтина). Ритм боится риска. «Ритмом преодолевается роковое, рискованное будущее», – считал М. Бахтин [5, с. 79]. В философии Достоевского оппозиция ритм – риск соотносится с оппозицией гордость и смирение. Как это ни парадоксально звучит, но гордый человек втянут в ритм, тогда как смиренный способен на рискованный, вызывающий в глазах других поступок. Так, не дожидаясь приглашений, не сверяясь с нормами поведения в обществе, князь активно вмешивается в жизнь незнакомых ему до приезда в Петербург людей. Жизнь для него представляет собой череду совершенно спонтанных, рискованных поступков, и потому его присутствие в ней не остается незамеченным ни одним из героев романа. Даже герои, любящие князя, не могут смириться с его способностью творить добро в ущерб себе, с его способностью к рискованным поступкам. В этом смысле показательна история с сыном Павлищева, когда на дачу еще больного князя «налетают» молодые, дурной репутации и «дурно» пахнущие люди, надеющиеся пожить за его счет. В качестве своего знамени они выставляют юношу, самозванного сына Павлищева, якобы законного наследника «миллионов», доставшихся Мышкину. Сцена безобразнейшая. Ее трудно читать без омерзения. Мышкина обливают грязью, публично зачитывают некий анонимный фельетон, в котором Льва Николаевича обзывают слабоумным идиотом, нечистым на руку. Князю стыдно за обижавших его. Он готов отдать хоть все. Вот как реагирует на поведение князя в истории с «сыном» Павлищева очень любящая его генеральша Епанчина: «Это низость, низость. (...) А точно того и не знаешь, что этот идиот завтра же к ним опять потащится свою дружбу и капиталы им предлагать! Ведь пойдешь? Пойдешь или нет?» «Пойду», – тихим и смиренным голосом проговорил князь [3, с. 237]. И это смиренное «пойду» – знак подвижничества.

Самой Лизавете Прокофьевне приходится признать действительную результативность смиренного поступка. Позднее она скажет: «Мы вот все заметили, сидим здесь и хвалимся перед ним, а вот он сегодня письмо получил от одного из них, от самого главного (...). Он прощения в письме просит (...). Ну, а мы такого письма еще не получили, хоть нам и не учиться здесь нос-то перед ним подымать» [3, с. 280].

Смиренный поступок задает свою собственную «правду», задает новую норму. Таковую соб-

ственную норму, «чистую» в христианском понимании, несет в себе непонятный для «большинства» поступок Мышкина по отношению к Мэри, а позднее его участие в судьбе Настасьи Филипповны. Сострадание князя к «падшим» женщинам в обоих случаях является творческим актом свободной личности. По Достоевскому не существует окончательно верных норм, но есть нравственная личность, которая через любовь и сострадание устанавливает каждый раз новую норму. По-другому, быть христианином значит действовать, рисковать, поступать, а не прикрываться раз и навсегда данной нормой.

Творящая добро христианская норма обречена быть всегда новой. Революционер-новатор Иисус Христос своими спонтанными поступками перечеркивал формальные законы, чем вызывал недовольство фарисеев. В Евангелиях не раз возникают спорные ситуации, когда Спаситель обвиняется в нарушении традиций: «И вот, там был человек, имеющий сухую руку; и спросили Иисуса, чтобы обвинить его: можно ли исцелять в субботу? Он сказал им; кто из вас, имея одну овцу, если она в субботу упадет в яму, не возьмет ее, и не вытащит? Сколько же лучше человек овцы! И так можно в субботу делать добро» (Евангелие от Матфея. Гл. 12: 10-12). Продолжая евангельские традиции, глубоко верующий писатель в образе князя Христа – Мышкина особо подчеркивает его способность к установлению новой нормы через ответственный поступок.

Итак, мы пришли к выводу, что для Ф. М. Достоевского понятие «личность» предполагает способность личности к вненормативному проявлению себя. Современный философ Эрих Фромм, пытаясь определить, что же такое революционный характер, с удивлением обнаружил, что «просто описал душевно здорового и благополучного человека». «Нормальный человек в ненормальном мире, полностью развившийся человек в искаленном мире, пробужденная личность в полусонном мире – это и есть революционный характер», – заключает Фромм [6, с. 210]. Таким образом, современный ученый пришел к тому же парадоксальному выводу о ценностном смещении понятий нормы и ненормальности, к которому Ф. М. Достоевский пришел еще в XIX веке.

Христианское подвижничество любимейшего героя Достоевского князя Мышкина дает ясное представление о том, что значит «смириться до ответственного поступка». Активность князя

являет собой пример целенаправленной, дарующей, милующей ближнего активности. Смирный поступок задает свою собственную «правду», задает новую норму, является действительным, а не только пространственным продвижением.

Итак, личность, по Достоевскому, – это человек, не утративший способности к спонтанному проявлению изнутри идущей активности, имеющий смелость быть собой, иметь «собственное мнение», осознавший свою ответственную единственность и утверждающий ее через ответственный поступок. Личность способна на принципиально внеритмичный, смиренный, выпадающий из нормы ответственный поступок. Быть личностью, по Достоевскому, значит рисковать, не быть предопределенным.

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Записная тетрадь 1880-1881 г. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-тт. –Л. : «Наука», 1972-1990г. – Т.27. – 523 с.
2. Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание // Лосский Н. О. Бог и мировое зло / Сост. А. П. Поляков, П.В. Алексеев, А. А. Яковлев. – М.: “Республика”, 1994. – С.10-248.
3. Достоевский Ф.М. Идиот // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-тт. –Л. : «Наука», 1972-1990г. – Т.8. – 437с.
4. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Человек в мире слова /Сост., предисл., примеч. О. Е. Осовского. – М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1995. – С. 67 - 94.
5. Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М.М. Человек в мире слова / Сост., предисл., примеч. О. Е. Осовского. – М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1995. – С. 22 - 67.
6. Фромм Э. Революция надежды // Фромм Э. Психологический анализ и этика / Сб., сост. П. С. Гуревич, С. Я. Левит. – М.: «Республика», 1993. – С. 218-357.

УДК 316.723

РУСОФОБИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ЯВЛЕНИЕ

Подгорская А.В., Палатова Д.А.

Статья посвящена анализу феномена русофобии и осознанию опасности её распространения не только в России, но и во всем мире. Русофобия сегодня представляет угрозу как для русского народа, так и для всех народов России и соседних с ней стран, относящих себя к Русскому миру.

Ключевые слова: русофобия, русский язык, культура, цивилизация, глобализм, патриотизм.

This article analyzes the phenomenon of russophobia and awareness of the danger of its spread , not only in Russia but also worldwide. Russophobia is now threatening both the russian people and for all the peoples of Russia and neighboring countries who consider themselves Russian world.

Keywords: russophobia , russian language, culture , civilization, globalism , and patriotism.

В современном мире уважение к своеобразию национальных традиций признано нормой человеческих отношений. Осуждение идеологии нацизма, закреплённое в международных документах в 1945 году, способствовало развитию мира, в котором сосуществуют разные этнокультурные традиции, исключается взаимная ненависть и дискриминация. Тем несправедливее выглядит факт, что русский народ, заплативший миллионами жизней за искоренение ксенофобии в глобальном масштабе, сам оказался объектом непримиримой фобии. Несмотря на то, что понятие "руссофобия" сегодня довольно часто звучит

в средствах массовой информации, научное изучение этой проблемы только начинается [1], а потому она весьма перспективна для исследования.

Начало XXI века отмечено заметным ростом руссофобских тенденций. Признаком руссофобии является высокий уровень агрессивности ряда западных СМИ в отношении России. Редакционная политика значительной доли западных СМИ основана на презумпции виновности России во всех касающихся её конфликтах или трагедиях. Особо оскорбительный характер носит концепция "равной вины" и "одинаково пре-

ступной природы" СССР и Третьего рейха.

В последнюю четверть века, к обозначенной выше диффамации, добавилась и открытая дискриминация русских. Наиболее вопиющим примером является современная украинская государственная русофобия, которая выражается:

- в фальсификации истории с возвышением врагов русского и украинского народа, героизации пособников фашистов, воспитании подрастающего поколения в русофобском духе;

- в запрете воспитания и образования детей на русском языке, даже в тех регионах, где русские традиционно составляют большинство;

- в запрете на получение высшего образования на русском языке;

- в фальсификации переписи населения, ради снижения официально признанной доли русских в населении Украины и др.

Одной из форм дискриминации является ограничение сферы применения русского языка, о чем исследователи говорят на протяжении последних лет [2].

Преследование русских на почве этнической ненависти получило широкое распространение в конце XX века после распада СССР. Под воздействием физического насилия, открытой и скрытой дискриминации многие русские были вынуждены покинуть своё место жительства и переселиться в регионы с преобладанием русского населения. Общая численность вынужденных репатриантов в Россию за последние 25 лет оценивается в 8 миллионов человек. Важнейшей причиной такого переселения оказалась русофобия, проявляющаяся как на бытовом, так и на политическом уровне.

Наиболее опасной разновидностью русофобии является русофобия идеологическая, создающая фон для принятия военных, политических и экономических решений. Именно такой тип доктринальной русофобии служит сегодня идеологическим оправданием расширения НАТО на восток вплоть до границ РФ, попыток международной изоляции нашей страны, проявлений военной конфронтации с Россией [3]. Русофобия Западной цивилизации сводится к давно сложившемуся набору догм о том, что огромные размеры России являются результатом её постоянной агрессивности; что национальные меньшинства ней жестоко эксплуатируют, а права и возможности человеческой личности – фатально ограничены; что причинами отсталости России являются русская лень, пьянство и эко-

номическая неэффективность государства. Из обозначенных выше положений делается вывод о том, что Россия – это мировой полюс зла и необходимо стремиться к его максимальному ослаблению.

Однако анализ перечисленных стереотипов, связанных с Россией и русскими показывает, что в большинстве случаев в их основе лежит примитивное непонимание и нежелание понять иное устройство общества. Неприязнь направлена не против русских как этнической группы, это неприязнь цивилизационного порядка, направленная на устранение базовых ценностей российской цивилизации.

Факт существования русофобии внутри российского общества, в том числе среди людей, принадлежащих к русской культуре, также во многом может быть объяснен конкуренцией цивилизаций. С этой точки зрения, русофобия – это неверие в ценности Русского мира. Склонность русского человека к покаянному состоянию и невысокому суждению о самом себе стараются перенести в целом на Русский мир, и эта тенденция может быть даже более губительной, чем русофобия внешняя. Очевидно, что жизнеспособность России как государства и перспектива возрождения цивилизации Русского мира фундаментально зависят от успешной борьбы с русофобией во всех её проявлениях, причём в первую очередь, с её распространением среди самих этнических русских на уровне массового, легко манипулируемого сознания. Одни лишь просветительские усилия в этом направлении сами по себе малоэффективны. Необходимо возрождение подлинного патриотизма, который состоит в понимании жизни как усилия созидания ради Родины, а не ради идеалов гедонизма и эгоцентризма.

Список литературы

1. Бабинцев В. П., Римский В. П. Матрица русофобии в самосознании русской интеллигенции // Проблемы российского самосознания: патриотизм, гражданственность и отечественная культура: материалы Междунар. конф. – М. Белгород: ИФ РАН, БелГУ, 2013. С. 31–45.
2. Волкова В.Б. Проблема сохранения русского языка в условиях глобализации как задача современной эколингвистики // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2010. № 3 (3). С. 56–60.
3. Неменский О. Если бы Гитлер победил СССР, современная Европа считала бы его великим спасителем [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/analytics/1431866.html> (дата обращения: 01.11.2015).

ФИЛОСОФИЯ

УДК 111.8

ДИАЛЕКТИКА ПРЕДМЕТНОСТИ И ЭНЕРГИЙНОСТИ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК КРИТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРАДИЦИОННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

Жилина В.А.

Традиционные идеологические доктрины политического устройства в современном обществе становятся неэффективными. Это трансформирует их в один из факторов нестабильности социального развития. Исследование причин такой трансформации способно преодолеть кризисное состояние социума.

Ключевые слова: социум, личность, консерватизм, либерализм, социализм.

Traditional ideological doctrines of political organization in modern society become ineffective. It transforms them into one of the factors of instability of social development. A study on the causes of this transformation is able to overcome a crisis condition of society.

Keywords: society, personality, conservatism, liberalism, socialism.

Исследования бытия человека в диалектике предметности и энергийности позволяют не только раскрыть природу человека и его сущность в целостности, что представляется наиболее значимым в теоретических исследованиях философской мысли, но и приблизить философию к решению актуальных проблем современного социального развития. В условиях обострения кризисных явлений во многих областях социума становится возможным понимание действительных причин и механизмов разрушительных тенденций. В частности, в современном мире кардинально меняется роль и содержание идеологических доктрин, главными функциями которых всегда было поддержание стабильной целостности общества и обеспечение внешней информационной безопасности. К сожалению, традиционные идеологические доктрины демонстрируют собственную беспомощность, временами трансформируются в содержательные противоположности. Во многом такая ситуация детерминирована метафизическим разрывом предметности и энергийности бытия человека, который наблюдается в основании либерализма, консерватизма и социализма как наиболее устойчивых моделей политического и идеологического устройства.

Либерализм, предметно позиционируя свободу, следствием получает предметную историческую закономерность, что либо абсолютизирует волюнтаризм, либо вовсе разрушает человека. Свобода в данной политической идеологической

доктрине становится исключительно индивидуализированной. Фактически она предметно ограничивает человека в социуме, подобно тому, как предмет ограничен пространственными линиями. Сведение свободы к предметности уже негативно в отношении целостности человека: она трансформируется в один из моментов отчуждения. Но, движимая собственной логикой, либеральная теория идет дальше. Она фактически вынуждена признать, что, если суть свободы в ее индивидуализации, то развертывание свободы личности должно быть защищено от посягательства государства и от свобод других людей. Тогда опредмечивается сам механизм власти: во власти главным становится частная собственность и право заключать любые договоры. В отношении личности начинает складываться жестко определенный, нормированный уклад жизни, приобретающий видимую экзистенциальную окраску: суть жизни – в выборе своего пути и в ответственности за него. Но приближение к экзистенциальному измерению человека лишь видимо. Идеологическая доктрина принципиально отлична от любого философского направления. Для нее личность объектна, так как это модель, прежде всего, ожидаемого поведения человека. В данном случае, либерализм делает акцент на доминировании внешней оценки успешности человека как проекта со стороны социума. Выбор сводится к жесткой детерминационной связи: не можешь полагаться на себя – ты балласт этого

общества. Энергичное начало человека сведено к нулю. И это начинает разрушать либерализм как политическую доктрину изнутри. Позиционируется минимализация государства в управлении, оно превращается из органа управления в карающую машину, что логично трансформирует данную идеологию в либертинизм, где государство отрицается вовсе и открывается прямой путь к анархии. Как следствие, начинает разрушаться и предметная модель самого человека, выбранная основанием этой доктрины. Исторически необходимые характеристики: место, время рождения, статус, доход и т.д. – разрушают миф о возможности абсолютно волевого выбора.

Консерватизм способствует предметному захвату человека традицией и, тем самым, не только идет в разрез с процессами глобализации, но невольно провоцирует крайние формы национального вопроса. С одной стороны, отрицание универсальной природы человека, казалось бы, должно высвобождать энергичное начало. Но упор на традиционности заставляет признать, что потребности, желания, интересы людей определяются местом, временем, обстоятельствами их жизни. Следовательно, люди не могут сформироваться самостоятельно. Этот процесс происходит под воздействием социальной практики, общественных и политических институтов. Невольно возрождается общий идеологический смысл эпохи Просвещения, а социальные институты, будучи необходимым опредмечиванием социального, становятся звеньями предметного манипулирования человеком. В частности, в целях обоснования стабильности имеющегося социального состояния общества искусственно сводятся к предметности основные экзистенциальные характеристики. Так, справедливость, призванная сгладить разнокачественность людей, сводится к четкому применению законов. Предметное фактически становится тождественным вещественному. Как следствие, становится закономерным искажение реальных процессов. Глобализация рассматривается не как грань интеграционных процессов, а как способ реализации узко национальных интересов. Нынешний кризис этнических отношений в Европе во многом вызван такими перекосами.

Социализм, нацеленный на высвобождение энергичности человека в направлении нравственного совершенствования, на самом деле, предметно ориентирует на растворение в социальных условиях. Данная идеологическая доктрина полити-

ческого устройства изначально носит этический характер. Согласно ей только ценности морали могут служить надежным ориентиром в построении совершенного общества. Такими базовыми ценностями являются справедливость, равенство, братство (солидарность), достоинство индивида, сотрудничество людей вместо конкуренции и соперничества. Отсюда высвобождение энергии в нравственном совершенствовании необходимо для сотрудничества людей и развития их индивидуальных способностей путем морального совершенствования личности. Более того, это единственно возможный способ построения социалистического общества как общества, отвечающего подлинным интересам и потребностям человека. Но возникают элементарные вопросы. Что считать справедливым: создание условий, при которых человек получает в полном соответствии со своими дарованиями, энергией, трудом? Или справедливо создание условий, исключающих возможность получения так называемых сверхдоходов? При приближении к ним становится понятным, что и данная идеологическая доктрина нарушает диалектическое единство предметности и энергичности бытия человека, что разрушительным образом действует на нее саму. На самом деле базовые ценности трактуются исключительно на основе предметного уровня бытия человека.

Таким образом, измененные социальные условия требуют нового подхода к моделированию политического устройства общества, отраженного в идеологических системах, в реальном снятии диалектики предметности и энергичности бытия человека. Только идеологии, восстающие против реальности, способны обеспечивать гармонию социальных отношений, так как единство предметности и энергичности – это всегда бунт человека в отношении себя и социума.

Список литературы

1. Акулова И.С. Актуальность концепции «Москва – третий Рим» для современной России // Мировоззренческие основания культуры современной России сборник материалов V Международной научной конференции. Под редакцией Жилиной В.А.. 2014. С. 7-9.
2. Жилина В.А. Унификация смысла понятия «идеология» в категориальном анализе // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 22 (276). С. 76-78.
3. Карнаух М.П. Экзистенциальный кризис как основа самопознания // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. 2005. № 2 (10). С. 55-57.

УДК 378.141.4

ТРАДИЦИИ УЧИТЕЛЬСТВА И НОВАЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ

Чернова Э.Г.

В статье рассматривается влияние способов образования с применением компьютерных технологий на феномен «учительство-ученичество». Обосновывается диалогический характер и уникальная ценность данного явления.

Ключевые слова: реформирование образования, дистанционные технологии обучения, учительство, ученичество, диалог.

The article discusses the impact of the educational methods with the use of computer technology in phenomenon teaching – “discipleship”. Dialogical character and unique value of this phenomenon justified.

Keywords: reforming of education, distance learning, teaching, discipleship, dialogue.

Древняя кельтская загадка: «Что нашел на земле человек, чего не нашел Бог?» предполагала ответ: «Достойного учителя». Без учительства и ученичества культура немислима. И хотя последние десятилетия неизмеримо расширили наши представления о многообразии возможных моделей человеческих взаимодействий, тем более очевидной становится уникальность экзистенциального опыта ученичества, его необходимость для личностного роста, для обретения человеком собственной индивидуальности. Но процесс ученичества неотделим от феномена учительства.

Взаимообусловленность связки «учительство-ученичество» делает любое обучение диалогом, во взаимодействии участников которого рождаются новые качества, смыслы и состояния. Эта связь фундаментальна не только по отношению к собственно процессу образования, но имеет и экзистенциальный характер одного из модусов человеческого бытия, поскольку в этом взаимодействии по большому счету решается проблема выбора способов существования и соответствующих им вариантов самопонимания, содействующих не разрушению, а сохранению и развитию личности.

Но в реалиях непрерывного реформирования российского образования всех уровней, обусловленного «вызовами» турбулентно меняющейся социальной действительности, ценность данного феномена размывается и практически нивелируется. Сегодня, когда практически любую информацию можно отыскать на просторах сети Интернет, по мнению многих, и особенно тех, кто регулирует процесс образования, роль учителя незначительна. Недаром, в обиход прочно вошел термин «тьютор» и подобные ему.

Одно из настоятельных требований сего-

дняшнего времени – применение дистанционных технологий в образовательном процессе всех уровней: от начальной школы до подготовки высших кадров. Миллионы людей по всему миру проходят обучение «на расстоянии». Образовательные технологии, реализуемые с применением средств информатизации и телекоммуникации, при опосредованном взаимодействии обучающегося и педагога, имеют массу очевидных положительных моментов. Это и наполнение теоретического материала звуковым сопровождением, анимацией и т. п.; сжатые сроки и свободный график для обучающихся; возможность получения образования для тех, кто географически изолирован от требующихся им образовательных ресурсов; возможность составить специальные образовательные программы, состоящие из курсов различных учебных заведений, в том числе учебных заведений разных стран. Но когда в число достоинств дистанционных технологий вносят повышение качества усвоения знаний, максимально личностный подход со стороны преподавателя, акцентируя возможности переписки по электронной почте, то, на наш взгляд, это некорректно.

Сегодня компьютерные технологии предоставляют огромные возможности для самостоятельного изучения практически любого вопроса, и зачастую возникает убеждение, что обращение к учителю не обязательно. Однако эти возможности в полной мере могут быть реализованы лишь при наличии развитой рефлексии, которая предполагает умение критически осмыслить основания собственной деятельности, ее явные и скрытые предпосылки, ценностные ориентиры, просчитать возможные последствия, сопоставить все это с иными предпосылками, основаниями, следствиями и, в результате, выработать и за-

крепить достигнутое в качестве основы собственного мировоззрения. Достичь вышеперечисленного проблематично, опираясь только на самостоятельное изучение текстов. «Диалог» обучающегося с текстом учебного пособия не равен диалогу исследователя с текстом литературного или исторического источника. Если во втором случае исследователь ставит осмысленные вопросы, раскрывая не столько авторский замысел, сколько собственные смыслы, то в первом случае абсолютно другим является назначение текста.

Объяснить непонятые существенные моменты, расставить акценты на необходимых элементах материала, скорректировать ответы даже на грамотно сформулированные вопросы можно лишь в непосредственном диалоге ученика и учителя. «Письмена мертвы», – можем утверждать вслед за Сократом, – «думаешь, будто они говорят как разумные существа, но если кто спросит о чем-нибудь из того, что они говорят, желая это усвоить, они всегда отвечают одно и то же» [3].

То, что утверждал Платон от имени Сократа двадцать пять веков назад, сегодня не теряет актуальности: доступность информации, возможность почти в любой момент узнать интересное или найти ответ на возникший вопрос качественно меняют характеристику образованности, «умности». Так, в диалоге «Федр» мы читаем о письменных сочинениях следующее: «В души научившихся они вселят забывчивость, так как будет лишена упражнения память: припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою. Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Они у тебя будут многое знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для общения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых». Кроме того, доступность знания опасна: «Всякое сочинение, однажды записанное, находится в обращении везде - и у людей понимающих, и равным образом у тех, кому вовсе не подобает его читать, и оно не знает, с кем оно должно говорить, а с кем нет» [3].

Кто мыслит без обучения, тот может увлечься любым учением и навредить себе и другим – предупреждения такого рода найдем у Конфуция, Гераклита и не только. Для многих студентов, зачастую не умеющих оценивать источник информации, это более чем актуально.

В процессе диалога восприятие «живого» знания учеником перестраивает его сознание, учитель же всегда через ученика узнает себя. Как и в любом другом диалогическом взаимодействии, здесь определение и порождение смыслов, конституирование новых состояний сознания осуществляется в пространстве «между», в процессе коммуникации. Важно, что получаемый в ходе диалога опыт ответ в принципе нельзя получить никаким другим путем.

Такой диалог экзистенциален, взаимопонимание в нем предшествует взаимному осознанию, в нем, несмотря на разные «весовые категории» участников, присутствует переживание другого «как источника и носителя тайны». С другим, представляющимся тайной, мы поступаем двояко.

Во-первых, осмысливаем эту необычайность, понимаем отличную от нас индивидуальность другого, и проецируем на свою индивидуальность, непосредственно нами переживаемую.

Во-вторых, мы допускаем право другого быть самим собой, сохранять свою индивидуальную необычайность и оставаться в чем-то неузнанным. Благодаря такому двойственному отношению к другому рождается взаимоосмысление и взаимоприятие, взаимное доверие, которое не обязательно дружелюбно, но всегда продуктивно.

Список литературы

1. Ахметзянова М.П. К вопросу о культурной коммуникации: философский аспект // Экономика и политика. - 2014. - № 1 (2). - С. 12-13.
2. Жилина В.А. Парадигма коммуникативного аспекта образования // Философия образования. - 2009. - № 3. - С. 189-195.
3. Платон. Федр: <http://royallib.ru/book/platon/fedr.html> (дата обращения 28.10.2015)
4. Чернова Э.Г. Об условиях экзистенциального диалога в междивизуальном периоде // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. - 2005. - № 2 (10). - С. 61-62.

УДК 1 (091)

ВОЗРАСТАНИЕ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Акулова И.С.

Эсхатологические концепты сопровождали человечество с глубокой древности. Идеи о «конце света» можно обнаружить и в мифологии, и в религии, и в философии. Это означает, что они присущи культуре различных эпох и народов, культуре в целом. По ряду причин в современной российской культуре эсхатологические настроения возрастают.

Ключевые слова: эсхатология, философия, культура, мировоззрение, идеология, религия.

Eschatological concepts accompanied mankind since ancient times. The idea of the "end of the world" have a place to be in mythology, in religion and in philosophy. And it means that they are inherent to culture, and culture of various epochs and peoples. In modern Russian culture, for a number of reasons, eschatological mood increase.

Key words: eschatology, philosophy, culture, worldview, ideology, religion.

Эсхатологические концепты присутствовали в культуре с древнейших времен. Истоки понимания истории как некоего процесса, который когда-то зародился, проходил стадию развития, а затем неизбежно завершился, заложены в самом человеке, в антропоморфности его сознания. Экзистенциалисты (М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, Э. Гуссерль, Х. Ортега-и-Гассет) впервые достаточно точно обозначили проблему «заброшенности» человека в мир. Согласно их концепции окружающий нас мир иррационален, человеку страшно и неуютно в нем: «Человеческая жизнь именно в силу своей неотчуждаемости, по сути, есть одиночество, изначальное одиночество» [9. С. 262]. Для более «уютного» существования в окружающем иррациональном мире, человек вынужден невольно переносить черты своего рационального человеческого сознания на все мировые процессы. Проблема развития исторического процесса стала одной из центральных в философии.

Целесообразно отметить, что в сложившейся философской традиции, при рассмотрении темы «конца истории», принято говорить о ее полном завершении. В этом существенное отличие теорий, рассматривающих «жизненный цикл» общества, от религиозных и философских концепций, предметом рассмотрения которых является жизнь и смерть человека. Никакой «загробной» жизни и мистического воскрешения для общества, как правило, не предусмотрено. Традиция эта достаточно глубока, и мы можем встретить подобные воззрения в трудах Оригена, Платона, Т. Гоббса, Г. Гегеля, К. Маркса, О. Конта, Ф. Ницше, О. Шпенглера, С. Франка, К. Ясперса, Н. Бердяева, В. Соловьева, Н. Лосского, Ф. Фукуямы и многих других.

Российская культура «впитывала» в себя и западные, и восточные эсхатологические идеи. Их можно проследить и в мифологическом, и в религиозном, и в философском мировоззрении народов России прежних эпох. В советский период эсхатологические настроения значительно снизились, благодаря четкой государственной идеологии и необходимости построения грядущего «светлого будущего». В постсоветские годы эсхатологические воззрения в российской культуре стали усиливаться, в том числе из-за отсутствия какой-либо выстроенной идеологической концепции развития нашего государства. Следует отметить, что, с течением времени, меняются онтологические причины эсхатологических настроений. Так, в прежние эпохи, осмысливая бытие, люди полагали мир конечным, опираясь на наблюдения за природными и космическими явлениями, фиксируя «закаты» государств и массовую гибель людей от эпидемий. В современном мире к вышеперечисленным основаниям «конца истории» добавились новые угрозы, вызывающие чувство страха: перед ядерным оружием, биотехнологиями, бесконтрольным развитием техники и т. д.

Какой-либо определенной идеологии и нового пути развития нашей страны не предложено до сих пор. Настораживает тот факт, что сегодня в российском культурном пространстве активно действуют различные религиозные секты эсхатологической направленности, многие из которых оказывают деструктивное влияние на психику верующих и вступают своими действиями в противоречие с господствующими в обществе нормами и ценностями, в том числе и правовыми. Есть и такие секты, которые, готовясь к приходу «послед-

них времен», не ищут «живого спасения», а скорее стремятся облечься в «одежду смерти», в скорбь («умруны», «истощенцы», «стекловидцы», «ковчезники», «пустоверцы» и др.). Среди них выделяется секта «удаленцев», провозглашающая атеизм «знаком последних времен». Большая опасность подобных эсхатологических деструктивных сект заключается в том, что они стремятся завлечь в свои ряды как можно больше молодежи. «За прошедшие десятилетия в стране зарегистрировано около семидесяти нетрадиционных религиозных объединений всех направлений и мастей. По утверждению религиоведов, в различные культовые новообразования уже вовлечены более пяти миллионов человек, 70 процентов из которых – молодежь. 60 процентов адептов имеют высшее и среднее образование, один миллион – студенты» [7]. Происходит планомерное проникновение нетрадиционных религиозных организаций (сект) в культурную сферу, в «поле» образования и воспитания. Квазикультурные организации (преимущественно сайентологи и мунниты) получают доступ в школы, колледжи, вузы и внешкольные учреждения. «В современном российском обществе существует множество квазикультурных сект («Церковь сайентологи», «Общество сознания Кришны», «Церковь последнего завета» и др. – всего, по разным данным, от 300 до 500 сект, в которые вовлечено до 1 млн., преимущественно – до 70 % – молодых людей от 18 до 27 лет)» [8. С. 205-206].

В заключении необходимо отметить, что если наше государство и в дальнейшем будет проводить разрушительную политику в отношении российского образования и не выработает «внятную» идеологию развития страны, то через некоторое время мы получим молодежь с абсолютно некри-

тичным мышлением. Такое отсутствие скептического мышления в свою очередь даст все возможности для манипуляции личностью – будь то построение тоталитарного общества или распространение эсхатологических деструктивных сект в российском культурном пространстве.

Список литературы

1. Акулова И.С., Ахметзянова М.П., Жилина В.А., Китаев Д.Г., Китча Н.С., Лымарь А.Т., Субач Г.В., Удовиченко Е.М., Чернова Э.Г. Аксиологическая функция философии: Учебное пособие. – Магнитогорск, – 2011.
2. Акулова И.С. Актуальность эсхатологических парадигм в современных философских концептах // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 1-3 (32). – С. 40-41.
3. Акулова И.С., Ахметзянова М.П. Онтологические основания эсхатологических концептов в мифологии // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 9 (364). – С. 19-23.
4. Ахметзянова М.П. К вопросу о культурной коммуникации: философский аспект // Экономика и политика. – 2014. – № 1 (2). – С. 12-13.
5. Жилина В.А. Трансформация идеологической системы современной России // Мировоззренческие основания культуры современной России сборник материалов V Международной научной конференции. – 2014. – С. 63-65.
6. Курбан Е.Н., Кривошлыкова М.В. Межкультурное взаимодействие и межкультурная коммуникация: к определению аспектов // Социум и власть. – 2013. – № 1 (39). – С. 97-101.
7. Магнитогорский металл (газета). – Магнитогорск. – 26 марта 2005.
8. Мудрик А.В. Социализация человека. – М.: Гадарика, 2004.
9. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. – М.: Прогресс, 1991.
10. Чернова Э.Г. Потенциал мировоззренческих дисциплин в системе высшего профессионального образования // Социум и власть. – 2013. – № 1 (39). – С. 30-31.

УДК 130.2:62

ТЕХНИКА КАК СУБСТАНЦИОНАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ФЕНОМЕНА «МЕГАМАШИНЫ» МАМФОРДА)

Баширова Т.А.

Динамика социальных отношений трансформирует статус и характеристики отдельных сфер социума. В частности, следует констатировать существенное изменение роли техники в социальном развитии. Техника может рассматриваться как основа структуры общественных отношений.

Ключевые слова: человек, техника, мегамашина, техногенное изменение, «рабочая машина», социальные отношения.

The dynamics of social relations transforming the status and characteristics of the individual spheres of society. In particular, it

should be stated as a significant change in technology in social development. The technique can be considered as the basis for the structure of social relations.

Keywords: people, equipment, Megamachine, anthropogenic change, «working machine», social relations.

Наступление XXI века в корне меняет основные характеристики социальной жизни. Неслучайно гуманитарное знание много говорит сегодня о процессах глобализации и интеграции как о существенных характеристиках развития этносов, стран, человечества в целом. Немало говорится и о трансформации статуса человека. Действительно, основные экзистенциальные характеристики наполнены новым содержанием. В частности, расширение процессов отчуждения позволяет констатировать такой феномен как добровольное отчуждение человеком собственной сущности. В свою очередь, отчаяние или заброшенность, выведенные экзистенциализмом, будучи все также значимыми характеристиками временности бытия, теперь не столько детерминируют поиск собственного «я», сколько демонстрируют диктат воли над самим носителем этой воли. Безусловно, причины таких изменений вызваны объективными закономерностями социального движения. Но суть их определена не только новациями, но и традиционностью, преемственностью социальных изменений. Эффективность современного социального анализа напрямую зависит от степени целостности бытийных процессов, отраженных в этом анализе. В частности, представляется необходимым изменить общую логику рассмотрения такой характеристики современной цивилизации как ее техногенное измерение. Подход к технике, в рамках которого она осознается только как условие или как следствие социального развития, представляется сегодня очень узким [1].

Попробуем рассмотреть технику в пересечении двух основных свойств техногенного человека: окружение машинами и постоянное включение в процессы управления. В этом случае создание так называемой мегамшины становится сродни открытию субстанции в целостности бытия.

Человек слаб в освоении мира. Уже в древние времена до него дошло понимание того, что для великих свершений необходимо немалое количество рабочей силы. Организовать большое количество людей, работающих для одной цели, мог только человек, обладающий безграничной, богоподобной властью, которому люди безгранично доверяли и подчинялись. В древние времена таким человеком был царь.

Именно благодаря царю, еще в Древнем Египте, была изобретена так называемая мегамашина и, соответственно, мегатехника, как техническое оборудование, порожденное мегамашинной [2].

Мегамашина сочетала в себе следующие компоненты: политические, военные, хозяйственные, царские, бюрократические. Она состояла из таких элементов как «рабочая машина» (то есть такая структура, которая включала в себя выполнение сложной работы с качественной коллективной организацией) и «военная машина» (то есть такая организация работы, к которой применялись меры коллективного принуждения и уничтожения) [2].

Собирали и управляли мегамашинной цари, опиравшиеся на астрономическую науку и религиозные аспекты. Это было незримое сооружение, состоявшее из пассивных человеческих деталей, у которых были различные и разнообразные обязанности и роли для обеспечения единственной цели – бесперебойной работы и воплощения великих замыслов царей.

Создание мегамшины можно отнести к техническому подвигу. На протяжении многих тысячелетий ее модель совершенствовалась в соответствии с требованиями времени и, в итоге, превратилась в некий свод правил, распространяющихся на все сферы человеческой жизни.

За счет использования энергии, производимой мегамашинной, удалось значительно сократить пространственно-временные промежутки: значительно сократились сроки выполнения сложных операций. Однако все эти технические прорывы производства омрачались процессами массового уничтожения, ставшего возможным именно благодаря мегамашине. Мамфорд выделяет два аспекта существования мегамшины – это отрицательный, принудительный, часто разрушительный, и положительный, созидательный, благоприятствующий жизни [2]. При этом оба фактора взаимосвязаны: первый не работает без второго и наоборот.

Успех рабочих машин состоял в том, что они обладали большей способностью к адаптации и изменению, чем их ограниченные в этом плане металлические аналоги. Цари разработали схему тотального механического контроля над рабочей машиной. В этом случае машина понималась как

единый разум с четко определенной задачей (т.е. сам царь), точное воспроизведение приказа (т.е. чиновники) и беспрекословное выполнение приказов (т.е. рабочая сила).

Для того, чтобы распространить действие мегамашин на большие расстояния, царями было сделано еще одно важное изобретение – создана письменность. Теперь приказы могли дословно передаваться исполнителям на большие расстояния. Более того, появилась возможность фиксации невыполнения данных приказов.

Мы можем выделить главное отличие между современными рабочими машинами и машинами древности. Оно состоит в том, что целью первых является экономия человеческих усилий при максимально возможном объеме выполненной работы. Главной же целью вторых было вовлечение в процесс работы как можно большего количества людей без заботы о затраченных ими усилиях, здесь рабство служило источником необходимого количества энергии.

Мегамашина состояла из большого количества специализированных, взаимозаменяемых, единообразных функционально разделенных частей, которые подчинены друг другу и настроены на единый процесс, организованный и управляемый из единого центра. Перводвигателем этой машины был царь. За счет успехов работы мегамашин, успехов в строительстве, происходило укрепление власти царя, что давало ему возможность превращать людей в необходимое ему количество механических объектов и собирать из них необходимую в данный момент мегамашину.

Для бесперебойной работы мегамашин было необходимым строгое выполнение двух факторов: надежная организация знаний о естественных и сверхъестественных вещах (за это от-

вечали жрецы) и тщательно продуманный порядок, позволяющий контролировать раздачу приказов, доведение их до исполнителей, выполнение и контроль (за это отвечали чиновники и хорошо организованная бюрократия). В настоящее время основа данной иерархии остается практически в первозданном виде.

Человеческие машины были огромными и безликими. По мере разрастания мегамашин начинает все чаще диктовать свои условия обслуживающим ее работникам, перечеркивая при этом все человеческие потребности. Идеал персонала, обслуживающего мегамашину – безбрачные, лишённые семейной ответственности, общинных связей и других человеческих привязанностей люди [2]. Эти люди обречены на выполнение одного задания в течение всей своей жизни.

Вследствие того, что абсолютно все желания царя исполнялись с кажущейся легкостью и быстротой, у него появлялось чувство неудовлетворенности: царь уже не знал чего бы еще пожелать.

Несмотря на все отрицательные стороны функционирования мегамашин, она явилась не просто аналогом для последующих более сложных машин, но и привнесла определенный порядок, преемственность и предсказуемость в хаос повседневной жизни. Благодаря существованию мегамашин, происходило возведение и культурное возвышение огромных городов, свидетельство чего мы можем наблюдать и сейчас.

Список литературы

1. Жилина В.А. Жилин А.Ю. Мифы статуса конфликта в социальном развитии // Социум и власть. – 2015. - № 2(52). – С. 19-21.
2. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. – М.: Логос, 2004. – 244 с.

УДК 111.1, 34

ПОНЯТИЕ «ВИНЫ» В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Касымовская П.П.

В статье анализируется понятие «вина» с точки зрения идей русской философии, выявляются индивидуалистический и коллективный аспекты вины. Подчеркивается взаимосвязь понимания вины с православной религиозной традицией. Исследуются онтологические аспекты вины как единства внутреннего и внешнего.

Ключевые слова: вина, грех, ответственность, раскаяние индивидуализм, коллективизм.

The article examines the concept of "fault" in terms of the ideas of Russian philosophy, identified individualistic and collective aspects of guilt. It emphasizes the understanding of the relationship of guilt with the Orthodox religious tradition. We investigate the

ontological aspects of the fault as the unity of the internal and external.

Keywords: fault, sin, responsibility, remorse individualism and collectivism.

Русская религиозная философия уделяла большое внимание проблемам вины в её индивидуалистическом и коллективном аспектах. Невозможно не согласиться с общеизвестным мнением, существующим в науке, что анализ идей русской философии даёт обширный материал для глубокого осмысления понятия правовых явлений, в том числе и вины [3,4,6].

Так, Б. Н. Чичерин отмечал наличие в праве индивидуалистического начала: «Исходя от личной ответственности человека за свои действия, юридическое правосудие требует, чтобы каждый сам нес наказание за свою вину» [12, с. 219].

Индивидуалистическое начало осознания вины прослеживается у В. С. Соловьева как нравственная индивидуальная свобода каждого, определяющая совершенный нравственный порядок [9, с. 297]. Вместе с тем, философ пишет о человечестве как едином коллективном субъекте, ответственном перед Богом: «И хотя Христос окончательно победил зло в истинном средоточии вселенной, т.е. в Себе, но преодоление зла на окружности мира, т.е. в собирательном целом человечества, должно было совершиться чрез собственное испытание человечества» [9, с. 280]. Испытание человечества предполагает, по нашему мнению, осознание вины перед Богом всех и каждого. В связи с этим, В. Соловьев размышляет о коллективном и индивидуальном началах: «...человеко-бог необходимо есть коллективный и универсальный, т.е. всечеловечество, или Вселенская церковь. Богочеловек индивидуален, человекобог универсален...» [8, с. 194]. Мы наблюдаем здесь наличие онтологического единства коллективного и индивидуального аспектов вины, характерного для религиозного понимания вины.

В. И. Иванов, в свою очередь, обращал внимание на коллективность вины человечества перед Богом, акцентируя внимание на религиозном аспекте проблемы, рассматривая кризис индивидуализма. Будущее человечества философ видел в «...приятии индивидуальной воли и вины целым человечеством, понятым как живое вселенски-личное единство» [1, с. 112].

По мнению С. Л. Франка существует юридическое и религиозное понятия вины. По мнению философа вина с юридической точки зрения – это наличие «объективного факта нарушения

закона, за что нарушитель несет ответственность» [11, с. 341]. Согласно размышлениям философа, с религиозной точки зрения, вина «дана в самосознании самого виновного и испытывается как нарушение некой объективной ценности или святости – как зло, порожденное моей волей. Иное название для вины, как она испытывается моральным самосознанием самого виновника, есть грех [11, с. 341]. С. Л. Франк рассматривает разницу между религиозным и юридическим понятием вины. Для вины в юридическом смысле характерно, по мнению философа, представление «об ответственности человека перед чуждой ему, властвующей извне над ним инстанцией, о каре, налагаемой на него по воле этой инстанции и против его собственной воли...» [11, с. 341]. В религиозное понимание вины входит «идея суда человека над самим собой» [11, с. 342]. В юридическом смысле вина мыслится во взаимосвязи с внешней ответственностью, а в религиозном контексте – во взаимосвязи с внутренней [11, с. 342]. Как нам представляется, вина может выступать онтологическим единством внешнего и внутреннего. Индивидуалистическое начало вины проявляется, по мнению философа, в том, что человек «...прямо определен как существо, судящее само себя, привлекающее себя к ответственности, винящее и карающее само себя. В этом состоит сознание греховности, вне которого человек есть существо неменяемое, т.е. вообще не есть человек [11, с. 342]. Способность испытывать чувство вины отличает человека от существ, является его имманентным качеством. С. Л. Франк рассуждает о первичности внутреннего начала вины перед внешним: «...моральное самоосуждение человека обладает здесь <...> первичной самоочевидностью; совесть нельзя объяснить как продукт и "сублимацию" страха. Скорее наоборот: моральный суд есть основание и первоисточник юридического понятия суда» [11, с. 343]. В связи с этим, мы можем констатировать характерную для вины первичность внутреннего начала перед внешним.

По мнению Л. П. Карсавина реальное осуществление вины возможно только в каре, при этом кара одновременно является погашением вины через страдание [5, с. 227]. По мнению философа, вина предполагает её осознание. При этом

человек должен различать свое совершенство и несовершенство. Вина понимается философом как осужденное несовершенство. Осознание вины предполагает её осуждение и отрицание. Как пишет Л.П. Карсавин: «Познание своей вины – раскаяние, а раскаяние – уничтожение вины» [5, с. 228]. Понятия «вина» и «грех» по мнению философа тождественны: «...грех есть вина в сознании вины» [5, с. 228]. Как нам представляется, философ отдаёт приоритет индивидуалистическому внутреннему аспекту вины в данном контексте.

Совершение преступления в соучастии предполагает некую коллективность. В связи с этим, И. А. Ильин отмечает особенности вины: «...в соучастии остается повинен всякий, кто не положил всю свою личную силу на активное пресечение злодеяния. Всякий отвернувшийся, убоившийся, поберегший себя, не вмешавшийся, "ничего не сделавший", не воспротивившийся до конца – несет на себе вину духовного соучастия» [2, с. 95].

Религиозные представления о понятии вины на принципах соотношения коллективного и индивидуального начала развивались В. Н. Лосским. Вина рассматривается философом как важная часть, характеристика человеческой природы: «Христос принял на Себя нашу природу, вольно подчинился всем последствиям греха, оставаясь чуждым греху, взял на Себя ответственность за нашу вину» [7, с. 195]. До этого момента человеческая вина представляла собой препятствие к свободе, к спасению, к воссоединению с Богом [7, с. 196]. Вина предстает как возможность некоего коллективного человеческого спасения через осознание её каждым членом человеческого общества.

Таким образом, понятие вины в русской философии раскрывается с правовой и религиозной точки зрения. Вина в русской философии рассматривается как внутренние индивидуальное осознание собственной злой воли и объективно-внешнего факта нарушения закона. Предпола-

гает одновременно акт индивидуальной рефлексии и объективной коллективной общественной оценки (взгляд со стороны и взгляд изнутри). Общими признаками вины, по нашему мнению, являются онтологическое единство коллективного и индивидуального и онтологическое единство внешнего и внутреннего, видящего и видимого. Проблема приоритета решается в пользу внутреннего индивидуалистического аспекта вины.

Список литературы

1. Иванов В.И. Кризис индивидуализма / Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994.
2. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою / Путь к очевидности - И. А. Ильин. Путь к очевидности – М.: Республика, 1992.
3. Карпова Е.В. Гносеологические аспекты социокультурного восприятия пространства в религиозных представлениях // Философия и культура. – 2012. – № 2. – С.32 - 37.
4. Карпова Е.В. Субъектный план социокультурного восприятия пространства в философско-правовых представлениях // Философия и культура. – 2011. – № 11. – С. 28 - 35.
5. Карсавин Л. П. О личности. Религиозно-философские сочинения. – М.: Ренессанс, 1992.
6. Кива-Хамзина Ю.Л. Философско-правовые вопросы справедливого воздаяния // Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 1. – С. 367-369.
7. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви / Мистическое богословие. – Киев: Путь к истине, 1994.
8. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т.1.
9. Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве. Спор о справедливости: Сочинения. – М. "Эксмо-пресс", Харьков "Фолио", 1999.
10. Соловьева И.Е., Лихонина О.В. К вопросу о необходимости формирования новой идеологии России в условиях современной реальности // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. № 1(7). – 2015. – С. 60-67.
11. Франк С.Л. С нами Бог / Духовные основы общества – М.: Республика, 1992.
12. Чичерин Б.Н. Наука и религия. – М.: Республика, 1999.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 349.227

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОЦЕНОЧНЫХ КАТЕГОРИЙ ПРИ РАСТОРЖЕНИИ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА ПО ИНИЦИАТИВЕ РАБОТОДАТЕЛЯ

Мещерякова Т.Р.

В статье рассматриваются проблемные вопросы практики применения оценочных понятий при расторжении трудового договора по инициативе работодателя. Характеристика оценочных понятий, предложения по оценке поведения работника с целью установления правильности квалификации деяний, должны способствовать правильному использованию оценочных понятий в деятельности работодателей, недопустимости увольнения работников без достаточных к тому оснований.

Ключевые слова: расторжение трудового договора, аморальное поведение, утрата доверия.

In the clause problem questions of practice of application of estimated concepts are considered at cancellation of the labour contract under the initiative of the employer. The characteristic of estimated concepts, offers according to behaviour of the worker with the purpose of an establishment of correctness of qualification of acts, should promote correct use of estimated concepts of activity of employers, inadmissibility of dismissal of workers without the sufficient bases to that.

Keywords: cancellation of the labour contract, immoral behaviour, loss of trust.

Прекращение трудового договора с работником по общему правилу возможно только по основаниям, перечисленным в Трудовом кодексе РФ и иных федеральных законах (ст. 77 ТК РФ). Указанное правило призвано защитить интересы работников, не допустить запугивания работников увольнением по любому поводу. Введение таких императивных норм призвано обеспечить стабильность положения работников, их уверенность в завтрашнем дне, поскольку заработная плата для работников является основным источником средств к существованию. Нарушение трудовых прав работников незаконным увольнением обусловлено стремлением работодателя к беспрекословному подчинению работников приказам работодателя, нежеланием предоставлять работникам социальные гарантии. Поэтому причиной увольнения работников по инициативе работодателя должны быть только объективные факты, связанные с нарушением работниками трудового законодательства. Помимо четких оснований прекращения трудового договора по инициативе работодателя, иногда приходится прибегать к использованию оценочных понятий, что является дополнительным фактором нарушения прав работников при увольнении. Поэтому исследование особен-

ностей использования оценочных понятий является достаточно актуальным.

Установление и применение оценочных понятий в праве не ново. Использование оценочных понятий не только допускается, но и обосновывается существованием субъективной правовой реальности [1, с. 319].

М.И. Бару выделяет в оценочном понятии следующие признаки:

- 1) не конкретизировано законодателем или иным компетентным органом;
- 2) уточняется и конкретизируется в процессе правоприменения;
- 3) дает правоприменяющему органу возможность свободного усмотрения, свободной оценки фактов [2, с. 104].

Представляется, что свобода усмотрения и свобода оценки фактов при применении трудового законодательства работодателем может негативно отразиться на правах и законных интересах работника. Поэтому к использованию оценочных понятий работодателю следует относиться осторожно, не допускать их произвольного толкования.

Оценочные категории используются при расторжении трудового договора с работником в связи с утратой доверия (п.7 ч.1 ст.81 ТК РФ), в связи с совершением работником аморального проступка, несовместимого с

продолжением данной работы (п.8 ч.1 ст.81 ТК РФ).

Совершение виновных действий работником может дать работодателю основание увольнения в связи с утратой доверия только в том случае, если действия были совершены работниками, непосредственно обслуживающими денежные или товарные ценности (прием, хранение, транспортировка, распределение и т.п.) [3]. Следует обратить внимание, что основанием увольнения по п.7 ч.1 ст.81 ТК РФ хищение (в том числе мелкое) чужого имущества, растрата, умышленное его уничтожение или повреждение будет только в случае, если оно совершено в быту. При совершении хищения в связи с исполнением трудовых обязанностей, увольнение последует по п. г п.6 ч.1 ст.81 ТК РФ.

Трудовое законодательство не предусматривает конкретного перечня виновных действий, за совершение которых трудовой договор с работником может быть расторгнут по данному основанию. Обстоятельствами, наступление которых может рассматриваться работодателем в качестве дающих основание для утраты доверия в отношении того или иного работника, могут являться обстоятельства, сами по себе указывающие на незаконный характер действий работника, в том числе, халатное отношение работника к своим должностным обязанностям по приему и выдаче товарно-материальных ценностей и иных действий без надлежащего оформления. Судебная практика показывает, что основанием для увольнения может стать как однократное совершение указанных действий [4], так и их совокупность [5].

Совершенный работником аморальный проступок должен быть несовместим с продолжением работы по воспитанию обучающихся (например, учителей, преподавателей учебных заведений, мастеров производственного обучения, воспитателей детских учреждений) [3]. При оценке аморальности проступка учитываются моральные и иные ценности, сложившиеся в обществе [6]. В определении Санкт-Петербургского городского суда от 20 декабря 2011 г. № 33-18965/2011 указано, что работодатель должен оценивать, как аморальный проступок отразится на воспитательном процессе.

В практике встречаются случаи увольнения по указанному основанию и в том слу-

чае, если осуществление воспитания несовершеннолетних является не основной трудовой функцией работника, а связано с возложением на работника дополнительных обязанностей (обучение практикантов) [7].

В случае совершения работником аморального проступка по месту работы, данное деяние будет являться дисциплинарным проступком. При назначении работнику дисциплинарного взыскания обязательно должны быть учтены все обстоятельства совершенного деяния. Работодатель должен оценить справедливость применяемого взыскания [8].

Бондаренко Э.Н. делает вывод, что аморальным проступком считается юридический факт, нарушающий сложившиеся в обществе моральные принципы. Поскольку на отдельные категории работников распространяется обязанность при выполнении трудовой деятельности соблюдать и нормы права, и моральные нормы, то нарушение любой из норм будет являться неправомерным действием (правонарушением). Следовательно, любой аморальный проступок, совершенный на работе, будет являться основанием для применения мер дисциплинарной ответственности [9].

Кроме того, кодекс не связывает возможность увольнения работника по данному основанию с местом, где им совершен аморальный поступок - на работе или в ином месте.

Поэтому в таких случаях увольнение работника возможно, например, при совершении аморального проступка в быту, вне связи с осуществлением трудовой функции. Но при совершении аморального проступка в быту, работодателю для увольнения уже не будет требоваться соблюдение процедуры привлечения к дисциплинарной ответственности. Должен лишь быть соблюден установленный для такого увольнения срок - один год со дня обнаружения проступка работодателем (ч. 5 ст. 81 ТК РФ).

Понятие «аморальный проступок» считается достаточно условным, не имеющим однозначного толкования. Обусловлено это динамичностью морально-этических норм [10].

Кроме того, многое зависит и от морального облика самого работодателя, от оценки моральности норм судьей. Ведь даже отношение к разводам супругов в обществе неодинаково. Поэтому предлагается обращать-

ся к мнению коллектива - общественное осуждение будет являться доказательством аморальности поведения [11]. На защиту прав работника выходит условие, соблюдение которого необходимо при увольнении по п. 8 ч. 1 ст. 81 ТК РФ: аморальный проступок должен быть несовместим с продолжением данной работы.

Р.И.Тимошенко считает, что «для квалификации действия работника как аморального проступка в действиях работника должна усматриваться противоправность действия (бездействия), запрещенного под страхом применения наказания или иного принудительного вида правового воздействия» [11].

С указанным мнением сложно согласиться, ведь правовое воздействие за совершение аморального проступка возможно лишь в том случае, если в действиях лица будет установлен состав административного правонарушения или преступления. Увольнение же возможно и в том случае, когда работник к юридической ответственности не привлекался.

Аморальными проступками в судебной практике признаются:

- 1) применение физической силы в отношении несовершеннолетнего или коллеги, родственника;
- 2) скандалы с коллегами и с родственниками;
- 3) употребление спиртных напитков, наркотических веществ в общественном месте, появление в состоянии опьянения в общественном месте, а также вовлечение в это несовершеннолетних;
- 4) использование ненормативной лексики в присутствии несовершеннолетних, негативная оценка других преподавателей и администрации учебного заведения;
- 5) понуждение детей к действиям сексуального характера (даже если привлечения к уголовной ответственности не было), понуждение воспитанника к обману;
- 6) написание диссертаций на заказ;
- 7) работа по совместительству в ночном клубе.

Оценка поведения работника должна быть объективной, беспристрастной.

Возможно, работодателю следовало бы обращаться к коллегиальным органам, действующим в организации – совету трудового коллектива, первичной профсоюзной организации. Но в такой ситуации возможно разглашение сведений о личной жизни работника, что нельзя признать допустимым. Введение Верховным судом РФ критериев аморальности, являющихся несовместимыми с дальнейшим продолжением работы, способствовало бы совершенствованию правоприменительной практики.

Список литературы

1. Карпова Е.В. Пространство как объект философско-правового восприятия // Политика и общество. 2013. – №3. – С.315-321.
2. Бару М.И. Оценочные понятия в трудовом законодательстве // Советское государство и право. 1970. – № 7. – С. 104-108.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 N 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса РФ» // Российская газета. № 297. 31.12.2006.
4. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 18.07.2013 № 33-7869/2013 // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Челябинского областного суда от 29 октября 2010 года по делу №33-10193/2010 // <http://bsa.chel-oblsud.ru/> (дата обращения 20.10.2015).
6. Чернова Э.Г. Ценностные основания российской модели управления // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2010. №3(3). – С. 298-302.
7. Егоров В.И., Харитонов Ю.В. Трудовой договор: Учебное пособие. – М.: КНОРУС, 2007. – 456 с.
8. Кива-Хамзина Ю.Л. Философско-правовые аспекты вопроса справедливого воздаяния // Гуманитарные и социальные науки. 2012. – №1. – С.367-369.
9. Бондаренко Э.Н. Динамика трудового правоотношения. – М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015. – 192 с.
10. Тихомиров М.Ю. Незаконное увольнение: практическое пособие. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Тихомирова М.Ю., 2015. 64 с.
11. Тимошенко Р.И. Аморальный проступок как основание расторжения трудового договора // Трудовое право в России и за рубежом. 2015. – № 2. – С. 53 - 59.

УДК 342

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

Рубанова Н.А.

Сохранить традиции и развить новые тенденции в формировании культуры будущего поколения невозможно без упорядочения отношений в сферах культуры и образования. Лицензирование образовательной деятельности один из методов государственного регулирования, способный укрепить взаимодействие сферы образования и культуры.

Ключевые слова: культура, образование, государственное регулирование, лицензирование, контроль.

Save traditions and develop new trends in shaping the culture of the future generation is impossible without the ordering of relations in the fields of culture and education. Licensing of educational activities is one of the methods of state regulation is able to strengthen cooperation in education and culture.

Keywords: culture, education, government regulation, licensing, control.

Для успешного решения проблем, возникающих в современном обществе, каждый человек должен поставить перед собой задачу – выработать свою жизненную позицию. Для этого он должен определить ценностные ориентиры, свое отношение к правам, традициям и культуре страны. Знание истории, перспективы изменений в будущем, дадут новые направления в развитии человечества, позволят сформировать новый тип культуры и новые общественные ценности, поэтому необходимо по новому посмотреть на образование, поскольку только благодаря ему возможно донести до современного молодого поколения все лучшее из накопленных традиций.

Ориентацию в развитии образовательного института дает система ценностей, сформированная в сфере культуры, которая отражает отношение человека к нравственным нормам, идеалам, ценностям. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» закрепляет «гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности, воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования» [9]. Поскольку в соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» «образование – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства» в современных условиях именно образование должно сохранить культуру и развить все сферы жизни, стать га-

рантом будущего [9]. Но без упорядочения отношений между сферами культуры и образования, без выявления их пересечений и параллелей, без урегулирования пространства их соприкосновения, без закрепления в нормах права порядка и системы их взаимодействия, невозможно решить поставленные временем задачи. Как отмечает Е.В. Карпова «нормы права являются внешними факторами, влияющими на поведение человека в целом <...>. Они носят не только «чистый» идеальный характер «должного», но и связаны реальными общественными отношениями <...>. Воздействие норм права <...> проявляется в их способности упорядочивания общественных отношений, определения их пространственной структуры» [3].

Процесс реформирования системы образования в России комментирует Ю.Л. Кива-Хамзина «Российская Федерация <...> идет по пути постоянного совершенствования института образования, внося соответствующие изменения в действующее законодательство в области образования. Фундаментальные цели и содержание образования в нашей стране заложены в Конституции РФ и принятом в соответствии с ней 29.12.2012г. Федеральном законе № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [4].

Законодательство в сфере культуры опирается на «основополагающую роль культуры в развитии и самореализации личности, гуманизации общества и сохранении национальной самобытности народов, утверждению их достоинства» [8]. Ерасов Б.С. пишет: «во всех своих вариантах образование в той или иной степени смыкается с культурой или же составляет ее органическую часть» [2]. Бондаревской Е.В. обоснована «куль-

турологическая концепция личностно ориентированного образования. Основными положениями этой концепции являются следующие:

– главным принципом реформирования образования в современных условиях становится переход от идеологии к культуре, в том числе – к педагогической;

– образование – это духовный облик человека, который складывается в процессе освоения моральных и духовных ценностей культуры;

– объектом и целью образования является человек культуры;

– необходимо формировать культуросообразное содержание образования и воссоздавать в образовательных структурах культурные образцы и нормы жизни, опережающие современное состояние общества; необходимым условием для этого является интеграция образования в культуру;

– осуществление образования в контексте мировой и национальной культуры предусматривает гуманитаризацию содержания, осуществление гуманистических технологий обучения и воспитания, создания в образовательных учреждениях среды, формирующей личность, способную к творческой самореализации в современной социокультурной ситуации;

– творчество – основа развития культуры, поэтому основным принципом образования в контексте культуры является принцип креативности, предполагающий создание атмосферы сотрудничества и сотворчества;

– образование должно наполняться культурными, то есть человеческими смыслами;

– культурологический подход является основным методом проектирования лично-стно ориентированного образования, <...>. Таким образом, образование как часть культуры, с одной стороны, питается ею, а с другой стороны – влияет на ее сохранение и развитие через человека [6]. Нам близко мнение Соловьевой И.Е. и Лихониной О.В., что в целом «формирование новой идеологической системы страны должно опираться на базовые духовно-нравственные ценности русской культуры» [5].

Сферы образования и культуры охватывают все общество и ущерб от неправильно урегулированной образовательной деятельности может быть губителен не только для сферы культуры, но и для общества в целом. Специальные методы государственного регулирования образовательной деятельности должны совершенствоваться и активно внедряться на практике. Ранее в моно-

графии «Лицензирование образовательной деятельности в сфере высшего профессионального образования: теоретико-правовое исследование» нами было обосновано мнение, что «возможность нанесения ущерба связана с осуществлением юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями отдельных видов деятельности», к которым и относится образовательная деятельность. Образовательная деятельность подпадает под особое регулирование государства методом лицензирования. Через лицензионно-разрешительное производство регламентируется деятельность лицензирующих органов и соискателей лицензии или лицензиатов для обеспечения публичных интересов, чтобы «не допустить злоупотреблений <...>. Предотвратить данные негативные явления в публично-правовой сфере можно посредством закрепления административных процедур» [1]. По мнению О. Олейника: «В юридической литературе данные признаки представлены через вредоносный характер отдельных видов деятельности, осуществляемых юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями. Основным критерием признания того или иного вида лицензируемой деятельности является публичный интерес, возникающий в связи с рядом факторов: <...> в процесс осуществления лицензируемой деятельности вовлекается неограниченный круг лиц (например, <...> образовательной деятельности)» [7]

Таким образом, с помощью правовых норм можно урегулировать отношения между сферами культуры и образования, путем государственного контроля через институт лицензирования образовательной деятельности можно сохранить культуру, традиции и индивидуальность нашей страны.

Список литературы

1. Гречкина, О.В., Рубанова, Н.А. Лицензирование образовательной деятельности в сфере высшего профессионального образования: теоретико-правовое исследование: монография. – Москва: Изд-во «Юрлитинформ», – 2014. – С. 18.
2. Ерасов Б.С. Социальная культурология. – М.:Аспект-Пресс, – 2000. – С. 304-331.
3. Карпова, Е.В. Объективные условия восприятия пространства с точки зрения либертарно-юридического подхода // Вестник нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2012. – № 3(27). – С. 202-204.
4. Кива-Хамзина, Ю.Л. Проблемы правового регулирования образования в РФ. – Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», – 2013. – С.64.
5. Соловьева И.Е., Лихонина О.В. К вопросу о

необходимости формирования новой идеологии России в условиях современной реальности. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова. – 2015. № 1 (7). – С. 60.

6. Общая и профессиональная педагогика: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Профессиональное обучение»: В 2-х книгах // Под ред. В.Д. Симоненко, М.В. Ретивых. – Брянск: Изд-во Брянского государственного университета, – 2003. – Кн.1. – С. 123-125.

7. Олейник О. Лицензирование отдельных ви-

дов деятельности в российском праве // Закон. – 2000. – № 1. – С. 22.

8. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2015) // Российская газета, 1992, № 248.

9. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.07.2015) // Российская газета. – 2012. – № 303.

УДК 349.227

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПРАВ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

Кива-Хамзина Ю.Л.

Конституционные культурные права и право на образование требуют гражданско-правовой защиты в свете новых изменений и особенностей практического применения.

Ключевые слова: гражданское право, гражданско-правовая защита, культура, образование.

Constitutional cultural rights and the right to education require civil protection in the light of new changes and features of practical application.

Keywords: civil law, civil protection, culture, education.

Еще в 2010 году на Парламентских слушаниях «О концепции проекта нового базового федерального закона о культуре» председатель Комитета Государственной Думы по культуре Г.П. Ивлиев обозначил, «что современная культурная политика государства не может выстраиваться без учета принципов системной модернизации России, изложенных в Послании Президента Федеральному Собранию. Среди них самые важные – необходимость закрепления в национальной культуре нравственных установок и моделей поведения, которые определяют успешное развитие личности и нации в целом. Речь идет о сбережении единого культурного пространства страны во всем его многообразии. Актуальными в условиях модернизации России являются задачи развития и воспитания молодежи в духе интеллектуальной свободы, гражданской ответственности, патриотизма» [6].

Безусловно, государство должно обеспечивать единое культурное пространство через совокупность законодательных, институциональных и организационных гарантий устойчивого развития культурной среды и приоритет в правовом регулировании должен быть в его форми-

ровании и обеспечении в современной России, а также в развитии культурной среды, действенном обеспечении реализации гражданами их культурных прав. Практика показывает, что государственное регулирование «единого культурного пространства» понимается учеными и специалистами по-разному. Например, директор Российского института культурологии К.Э. Разлогова выразила мнение, что «культуру можно <...> регулировать, но управлять ей невозможно. <...> сам термин «управление» по отношению к культуре кажется специалистам культурологам, во всяком случае, неким странным образованием. Хотя, <...> в государственных документах, в законодательных документах пользуются, как правило, именно этим термином» [6].

По мнению Е.В. Карповой «объективная правовая действительность представляет собой совокупность внешних объективных идеальных и реальных факторов, способных оказывать влияние на восприятие пространства, преобразование определенного фрагмента действительности в пространственный образ, придавая ему философско-правовой смысл. К идеальным факторам объективной правовой действительности

относятся принципы, нормы права, правовые институты и отрасли. К реальным факторам относятся юридические факты правоотношения и источники права. Совокупность объективных идеальных и реальных факторов, влияющих на восприятие пространства отражена в конструкции механизма правового регулирования» [4]. Таким образом, государственное регулирование должно и может охватывать все сферы общественной жизни, но с учетом ее особенностей и специфики.

Но, поднимая вопрос о культуре, невозможно не говорить об образовании. Краснова М.А. излагает в своем докладе, что «в веке инноваций и интеллекта, именно интеллект является движущей силой развития общества, является залогом – модернизации. <...> современное российское образование является инновационным, т.е. готовым удовлетворить потребности развивающегося общества. Но готово ли само общество потребить новые знания и умения. Показателем развития любого государства, народности и нации является культура. Тогда необходимо понять связь инновационного российского образования с современной культурой» [7].

Нам близко мнение Б.С. Ерасова: «во всех своих вариантах образование в той или иной степени смыкается с культурой или же составляет ее органическую часть. Образование можно в общем определить как процесс, систему и институт, обеспечивающие усвоение знаний, ориентации и опыта, накопленного в обществе. <...> содержание и состояние образования во многом зависят от социально-экономической обустроенности общества. Однако и социокультурные факторы тоже составляют его важнейшую детерминанту. Именно поэтому образование способно в той или иной степени втягивать в свою орбиту прямо или косвенно все классы и социальные группы, оказывать существенное влияние на все стороны духовной жизни. Главным образом через систему образования происходит проникновение научных теорий и художественных ценностей в сознание масс» [2].

Область образования Российской Федерации в государственной политике провозглашена приоритетной, и «образование рассматривается как важнейший фактор формирования нового качества не только экономики, но и общества в целом. Его роль постоянно растет вместе с ростом влияния человеческого капитала» [1]. Тема «совершенствования института образования» поднимается регулярно, но, как мы видим, рас-

сматривать ее необходимо еще и в совокупности с новыми подходами к правовому регулированию в области культуры [3; 10]. Как пишет Е.В. Карпова «Правовая ситуация высвечивает пересечение субъективной правовой реальности и объективной правовой действительности. Внутренние желания, правовые потребности, эмоции, смыслы и ценности субъекта переплетаются с внешними формально-определенными, обеспеченными возможностью государственного принуждения нормами права, объективными обстоятельствами, имеющими силу юридических фактов. Точки переплетения фиксируются «местами» и «инстанциями» возникших правовых отношений» [5].

Учитывая, что реализация прав, закрепленных в Конституции РФ и законодательстве РФ на всех уровнях, определение механизма государственной поддержки и выработка основ единой культурно-образовательной политики – принципиально важные положения. Необходимо:

- четкое определение полномочий органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления в области образования и культуры. При этом полномочия Российской Федерации должны максимально способствовать участию федеральных органов власти в обеспечении деятельности в сфере культуры и образования на региональном и местном уровне;

- установление механизма защиты культурных прав и права на образование через определения государственных гарантий их реализации. В частности, создавая нормы об образовании в сфере культуры и искусства, важно проследить всю цепочку иерархии. Например, закрепляя статус детской школы искусства, как начального этапа профессионального образования, соединить среднее профессиональное образование в сфере искусства с общим основным образованием.

Анализируя положения нормативных правовых актов в области образования и культуры, мы видим, что на настоящий момент времени основное законодательство разработано в соответствии с Конституцией РФ и государственной политикой в сфере образования и культуры [9; 11].

Статья 31 «Основ законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) устанавливает обязанности

государства по обеспечению свобод и самостоятельности всех субъектов культурной деятельности: в Российской Федерации выступают гарантом прав и свобод всех субъектов культурной деятельности – представительная, исполнительная и судебная власти, защищают эти права и свободы посредством законодательной и иной нормативной деятельности, разработки и осуществления государственной политики культурного развития, пресечения посягательств на права и свободы в области культуры [8, ст.31]. К полномочиям федеральных органов государственной власти в области культуры отнесено: обеспечение прав и свобод человека в области культуры, контроль за исполнением законодательства Российской Федерации о культуре и другие [8, ст. 37].

Правовое регулирование отношений в сфере образования осуществляется в соответствии со статьей 4 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Цели правового регулирования отношений в сфере образования – установление государственных гарантий, механизмов реализации прав и свобод человека в сфере образования, создание условий развития системы образования, защита прав и интересов участников отношений в сфере образования. Исходя из целей, определены основные задачи правового регулирования: обеспечение и защита конституционного права граждан Российской Федерации на образование; создание правовых гарантий для согласования интересов участников отношений в сфере образования; разграничение полномочий в сфере образования между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления и другие [12, ст. 4].

Гражданско-правовая защита прав человека и гражданина преследует две главные цели: обеспечение свободного и надлежащего осуществления права, закрепленного в Конституции Российской Федерации, и предотвращение, а в необходимых случаях, пресечение нарушений этого права. Одна из задач культуры и образования – воспитание, прежде всего, уважения к человеку и его индивидуальности, значит и образование, и культура напрямую связаны с эконо-

микой и политикой, но обе сферы отношений не могут существовать без правового регулирования, поскольку тогда не будет механизма защиты прав человека.

Список литературы

1. Гречкина, О.В., Рубанова, Н.А. Лицензирование образовательной деятельности в сфере высшего профессионального образования: теоретико-правовое исследование: монография. – Москва: Изд-во «Юрлитинформ», 2014. – 176 с.
2. Ерасов Б.С. Социальная культурология. – М.:Аспект-Пресс, 2000. – С. 304-331.
3. Кива-Хамзина Ю.Л., Проблемы правового регулирования образования в РФ [Текст] / Ю.Л. Кива-Хамзина. – Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2013 – 165 с.
4. Карпова Е.В., Объективные условия восприятия пространства в философско-правовых представлениях легизма [Текст] / Е.В. Карпова // Политика и общество. Серия Диалог культур. – 2013. – № 2 (98). С. 200-207.
5. Карпова Е.В., Пространство как объект философско-правового восприятия [Текст] / Е.В. Карпова // Политика и общество. Серия Диалог культур. – 2013. – № 3 (99). С. 319-320.
6. Комитет по культуре ГД РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.komitet2-3.km.duma.gov.ru/site.xp/052057124052054051.html> (дата обращения: 11.10.15)
7. Краснова М. А. Связь современного образования и культуры [Текст] / М. А. Краснова // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы междунар. науч. конф. (г. Уфа, июнь 2011 г.). – Уфа: Лето, 2011. – С. 28-30.
8. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2015) // Российская газета. – 1992. – № 248.
9. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 295 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013 - 2020 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 17. – ст. 2058.
10. Соловьева И.Е., Лихонина О.В. К вопросу о необходимости формирования новой идеологии России в условиях современной реальности [Текст] / И.Е. Соловьева, О.В. Лихонина // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. – 2015. – № 1 (7). С. 60-67.
11. Указ Президента РФ от 30.08.2004 № 1132 (ред. от 14.12.2013) «О Совете при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству» (вместе с «Положением о Совете при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству» // Российская газета. – 2004. – № 189.
12. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.07.2015) // Российская газета. – 2012. – № 303.

УДК 342.55

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ И В СТРАНАХ ЕВРОПЕСКОГО СОЮЗА

Карпова Е.В.

В статье исследуются демократические принципы организации системы местного самоуправления как национально-культурные и духовные ценности, фундамент инновационного развития современной России.

Ключевые слова: демократия, местное самоуправление, принципы, децентрализация, субсидиарность.

The article examines the democratic principles of organization of local self-government as a national cultural and spiritual values, the foundation of innovative development of modern Russia.

Key words: democracy, local government, the principles of decentralization, subsidiarity.

Анализ Конституции РФ, Европейской хартии местного самоуправления, конституций зарубежных государств и РФ, резолюций и рекомендаций Конгресса местных и региональных властей Совета Европы, Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», позволяет нам говорить о принципах местного самоуправления как о важнейших демократических конституционных ценностях современного общества [2, С. 51]. Конституционные основы деятельности органов местного самоуправления в России определяются особенностями исторического развития, особенностями государственного устройства РФ и мировым опытом развития демократии. На сегодняшний день для России, как и для всех государств Европейского Союза основополагающими принципами местной демократии являются принципы: конституционного определения сферы компетенции местного самоуправления, допустимости изменения границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление, только с учетом мнения населения, самоопределения органами местного самоуправления внутренних административных структур [3, С. 97], возможности установления административного контроля за деятельностью органов местного самоуправления со стороны государства, обладания органами местного самоуправления достаточными собственными финансовыми ресурсами, принципе возможности ассоциаций органов местного самоуправления, принципе судебной защиты местного самоуправления. Важнейшими из основ являются принципы децентрализации управления, независимости местных органов власти от централь-

ных органов, свободы действий в рамках закона, самостоятельности, развития муниципальной и частной собственности, формирование независимых местных бюджетов, использование рыночных (не командных) методов управления.

Важной общей конституционной основой построения систем местного самоуправления в РФ и странах Европейского Союза является принцип децентрализации управления – передача полномочий из центра на места. Несмотря на то, что ведущую роль в управлении местными делами играет свободно избранный местный совет, наметилась тенденция усиления исполнительной власти за счёт представительной системы, роста влияния бюрократии. Это компенсируется ростом профессионализма управления. Происходит усиление исполнительных органов в разных формах: при определении структуры органов местного самоуправления большой объем полномочий закрепляется за исполнительными органами; представительные органы передают часть своих функций на определенное время и бессрочно исполнительным органам.

Процесс перераспределения полномочий в РФ осуществляется через механизм реализации принципов субсидиарности, это фундаментальный принцип по взаимодействию органов публичной власти в современной Европе. Особенности России, на наш взгляд, заключаются в том, что в нашей стране самое большое количество субъектов Федерации. Федеративная реформа в России проходила в несколько этапов. На первом этапе региональное законодательство было приведено в соответствие с федеральным законодательством. Второй этап реформы решал вопрос оп-

тимального разграничения полномочий между разными органами публичной власти – федеральными, региональными и органами местного самоуправления, а также финансового обеспечения передаваемых полномочий. Проблема заключается в том, что на места передаются полномочия, но не передаются в достаточной степени необходимые финансовые ресурсы это реалии сегодняшнего дня. На третьем этапе реформы решалась задача укрепления единства системы исполнительной власти при одновременном повышении роли законодательных органов власти. Процесс децентрализации определяет видоизменение территорий местного самоуправления в России и странах Европейского Союза, которое сопровождается одновременным разукрупнением территориальных единиц (крупных городов) и слиянием мелких единиц (в сельской местности).

Муниципалитеты РФ и стран Европейского Союза имеют свою собственность (земельную и иную), но не более того, что необходимо для функционирования жизненно важных коммунальных служб. Это обеспечивает их экономическую самостоятельность. Муниципалитеты широко используют в своей работе экономические рычаги – налоговый процесс, лицензирование, контракты с частными лицами. Это, с одной стороны, способствует увеличению доходной части местных бюджетов, с другой – развитию муниципального хозяйства и стимулированию предпринимательства. Однако в большинстве государств проблема формирования достаточной финансовой основы весьма актуальна.

На современном этапе, во исполнение принципа децентрализации власти субъекты РФ должны уделять особое внимание тем полномочиям, которые могут быть переданы органам местного самоуправления и вопросам финансирования переданных полномочий. Для этого следует учитывать ту практику, которая существует на региональном уровне. При осуществлении реформы местных органов власти, необходимо уделять особое внимание вопросам создания новых местных органов власти, возможному изменению статуса и границ существующих местных органов власти. Субъекты РФ должны разрабатывать и принимать новые редакции своих законов об установлении и изменении границ муниципальных образований, а также о создании,

изменениях или ликвидации местных органов власти, с учетом потребностей соответствующих муниципальных образований. В этом контексте, вопрос о переходе существующих городских муниципальных образований (городов) к статусу «городских округов» имеет важное значение для городов России, и для развития страны в целом [1, С. 72]. И хотя, в соответствии с нормами, установленными законом, только региональные законодатели могут принимать окончательное решение о том, будет ли тот или иной город иметь статус городского округа, такое изменение статуса или несогласие с ним должно быть вынесено на решение населения. Поэтому следует сохранять те городские муниципалитеты, у которых имеется прочная экономическая и социальная база, и где население четко ассоциирует себя с данным муниципалитетом. Во исполнение статьи 10 Хартии и в соответствии с законодательством Российской Федерации, субъекты РФ должны разрабатывать законы о создании советов местных органов власти – ассоциаций местных органов. Необходимо следить за тем, чтобы такие ассоциации местных органов власти были бы в полной мере представительными, независимыми и могли бы защищать интересы местных общин на региональном уровне, для того чтобы лучше учитывать их интересы на федеральном уровне Конгрессом муниципальных образований России. Создание и функционирование ассоциаций местных органов должны способствовать реализации конституционных основ деятельности органов местного самоуправления в РФ.

Таким образом, органы местного самоуправления являются одной из главных основ любого демократического строя, как в Российской Федерации, так и в странах Европейского Союза. Право граждан участвовать в управлении государственными делами относится к демократическим принципам, национально-культурным и духовным ценностям, фундаментом инновационного развития современной России. Это право наиболее непосредственным образом может быть осуществлено именно на местном уровне. Россия всегда тяготела к заимствованию и использованию зарубежного опыта, особенно в отношении местного самоуправления. Российская Федерация и страны Европейского Союза имеют сегодня схожие проблемы в сфере ме-

стного самоуправления – обеспечение соответствия законодательства стран ратифицированной ими Европейской Хартии местного самоуправления и сложности реального воплощения в жизнь её положений. Совершенствование организационных основ местного самоуправления требует изучения опыта организации местного самоуправления, как в Российской Федерации, так и за рубежом.

Список литературы

1. Бальнская Н.Р. К вопросу о стратегическом развитии малых городов (на примере муниципального образова-

ния «город Троицк» Челябинской области) // Муниципалитет: экономика и управление. № 3 (8) – 2014. – С. 72-75.

2. Ериклинцева Е.В. Критерии и проблемы определения суверенитета и демократии как конституционных ценностей современной России // Проблемы права. – № 2 – 2010. – С. 51-60.

3. Кива-Хамзина Ю.Л. Проблемы конкретизации муниципально-правового статуса главы муниципального образования // Экономика и политика № 2 (3) – 2014. – С. 97-102.

4. Кива-Хамзина Ю.Л. К вопросу о нелинейном развитии политического процесса в России: краткий обзор // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. № 1(7). – 2015. – С. 38-40..

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акулова Ирина Сергеевна - кандидат философских наук, доцент кафедры философии, ФГБОУ ВПО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Алексеева Любовь Васильевна - доктор исторических наук, профессор, Профессор кафедры истории России, ФГБОУ ВПО Нижневартковский государственный университет, г. Нижневартковск.

Амельченко Светлана Николаевна - кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры права и культурологии, ФГБОУ ВПО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Баширова Татьяна Андреевна - аспирант кафедры философии, ФГБОУ ВПО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Гукова Валерия Борисовна - магистрант кафедры права и культурологии, ФГБОУ ВПО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Еманова Юлиана Геннадьевна - кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры дизайна и национальных искусств, ФГАОУ ВПО Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань.

Жилина Вера Анатольевна - доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, ФГБОУ ВПО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Журавлева Ольга Петровна - магистрант кафедры дизайна и национальных искусств, ФГАОУ ВПО Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань.

Ибраев Марат Умирбаевич - соискатель кафедры философии языка и коммуникации философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, консультант управления образования Акмолинской области (Республика Казахстан).

Карпова Елена Владимировна - кандидат философских наук, доцент кафедры права

и культурологии, ФГБОУ ВПО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Касымовская Полина Петровна - ст. преподаватель, кафедра истории и теории государства и права, Магнитогорский филиал ФГБОУ ВПО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Магнитогорск.

Кива-Хамзина Юлия Леонидовна - кандидат философских наук, доцент кафедры права и культурологии, ФГБОУ ВПО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Кривуть Виталий Иванович - кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Республика Беларусь.

Курбан Елена Николаевна - кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры права и культурологии, ФГБОУ ВПО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Малеко Елена Валерьевна - кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры права и культурологии, ФГБОУ ВПО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Мельник Мария Александровна - кандидат культурологии, доцент кафедры права и культурологии, ФГБОУ ВПО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Меньщикова Дарья Сергеевна - магистрант кафедры права и культурологии, ФГБОУ ВПО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Мещерякова Татьяна Радиковна - кандидат юридических наук, заведующая кафедрой права и культурологии, ФГБОУ ВПО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Палатова Дарья Андреевна - магистрант кафедры права и культурологии, ФГБОУ ВПО

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Подгорская Анна Вячеславовна - кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации, ФГБОУ ВПО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Подольская Инна Александровна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры политологии и социологии, ФГБОУ ВПО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Постникова Екатерина Георгиевна - доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации, ФГБОУ ВПО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Рубанова Наталья Анатольевна - кандидат юридических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации, ФГБОУ ВПО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Салдугеев Дмитрий Владимирович - кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарные дисциплины, филиал ФГБОУ ВПО Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), г. Миасс.

Сапожникова Светлана Михайловна - магистрант кафедры машин и технологий обработки давлением ФГБОУ ВПО Магнитогорский государственный технический универ-

ситет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Соколов Максим Владимирович - доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры рисунка, живописи и художественного образования, ФГБОУ ВПО Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск.

Стародубова Олеся Юрьевна - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, ФГБОУ ВПО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Томаров Алексей Владимирович - кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и социологии, ФГБОУ ВПО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Филатов Владимир Викторович - доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, ФГБОУ ВПО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Хворостов Анатолий Семенович - доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры декоративно-прикладного искусства и технической графики, ФГБОУ ВПО Орловский государственный университет, г. Орел.

Чернова Элина Григорьевна - кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, ФГБОУ ВПО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Яо Михаил Константинович - кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры дизайна и национальных искусств, ФГАОУ ВПО Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Мы приглашаем Вас к участию в нашем журнале в качестве авторов. Журнал зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) и будет постатейно опубликован на сайте электронной библиотеки Elibrary.ru.

1. Архитектура
2. Журналистика
3. Искусствоведение
4. История
5. Культурология
6. Педагогика
7. Политология
8. Психология
9. Социология
10. Филология
11. Философия
12. Юриспруденция

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРИНИМАЕМЫМ К ПУБЛИКАЦИИ

К публикации принимаются статьи преподавателей, аспирантов и магистрантов.

СТАТЬЯ ДОЛЖНА ВКЛЮЧАТЬ:

- индекс УДК
- аннотацию (до 5-ти предложений)
- ключевые слова (4-5 слов)
- список литературы (ГОСТ Р 7.05-2008)

Аннотация и ключевые слова должны быть на русском и английском языках.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Рекомендуемый объем статьи – 8-12 стр.
2. Текст статьи, сведения об авторах, аннотация ключевые слова и список литературы представляются на электронном носителе в виде файла, созданного средствами **Microsoft Word** формата А4.

При наборе статьи в **Microsoft Word** рекомендуются следующие установки:

шрифт – **Times New Roman**, размер – 14 пт, межстрочный интервал – полуторный, перенос слов – автоматический; поля – 2 см. с каждой стороны; отступы перед и после абзаца – 0 см.;

К статье должна быть прикреплена заявка, включающая следующую информацию:

- Ф.И.О.
- Название статьи, количество страниц
- Место работы (учебы)
- Должность, ученая степень, ученое звание
- Телефон, e-mail.

Статьи проходят обязательное научное рецензирование.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38. Магнитогорский государственный технический университет.

Телефоны: 89615768762 Контактное лицо: Палатова Дарья Андреевна
E-mail: palatova_daria@mail.ru (с указанием темы сообщения «Журнал»).